

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ!

Воспоминания о Великой Отечественной войне

Казань
2020

УДК 93
ББК 63.3 (2)
В61

Редакционная группа:

С.И. Никонова (главный редактор),
Н.А. Мухинова (ответственный редактор), **Е.В. Бурева, Р.Р. Зарипов**

В61 На всю оставшуюся жизнь: Воспоминания о Великой Отечественной войне.—
Казань: Изд-во Казанск. гос. архитект.-строит.ун-та, 2020. – 205 с.

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Казанского государственного архитектурно-строительного университета

Сборник посвящен 75-летней годовщине Великой Победы. В него вошли воспоминания об участниках драматических событий периода Великой Отечественной войны, собранные студентами Казанского государственного архитектурно-строительного университета – участниками поискового проекта «Факел» и коллективом кафедры истории и философии. Сборник может быть использован как хрестоматия по отечественной истории.

Редакционная группа и участники проекта «Факел» выражают благодарность руководству Казанского государственного архитектурно-строительного университета и лично ректору Низамову Рашиту Курбангалиевичу за помощь в издании книги.

УДК 93
ББК 63.3(2)

© Казанский государственный
архитектурно-строительный
университет, 2020

© Коллектив авторов, 2020

Дорогие друзья!

В 2020 г. мы отмечаем 75-ю годовщину победы советского народа в Великой Отечественной войне. Мы помним вклад каждого советского человека в достижение Победы, на фронте и в тылу, в госпитале и заводском цехе, на колхозном поле и в конструкторском бюро, – каждый делал все, что можно и еще больше, и своим трудом все вместе выстрадали Победу.

В этот юбилейный год студенты Казанского государственного архитектурно-строительного университета – участники поискового патриотического проекта «Факел» подготовили пятую книгу в истории проекта «На всю оставшуюся жизнь», в которой собраны воспоминания свидетелей военных лет, рассказы о тех, кто в детские и юношеские годы познал все ужасы войны: потерю родных, тяжелейший труд, голод и холод.

В тыловом Татарстане не было боев, бомбежек, но каждый день шла битва за жизнь: люди сражались на колхозных полях за урожай, в заводских цехах, производя военную продукцию и все необходимое для фронта, в госпиталях – за жизнь воинов. Вся тяжесть этой битвы за победу легла на плечи

женщин, детей и подростков. Дети вмиг стали взрослыми, каждый понимал, что его труд приближает победу.

Через десятки лет они вспоминают войну, тяжелый труд и голодный быт, и во всех рассказах – память о том, как надеялись и верили в победу. Правда о подвиге тыла в годы войны жизненно необходима нам сейчас, особенно, молодежи, чтобы гордились трудовыми подвигами своих предков, гордились историей Отечества.

Пока «Факел» горит – никто не забудет!

Ректор Казанского государственного
архитектурно-строительного университета,
профессор
Р.К. Низамов

Уважаемые читатели!

В Казанском государственном архитектурно-строительном университете более 10 лет действует поисковый проект «Факел», участниками которого стали тысячи студентов, которые нашли, записали и подготовили к печати наряду с воспоминаниями участников Великой Отечественной войны рассказы иных свидетелей событий военного времени.

Перед вами – пятая книга в истории проекта «Факел» – «На всю оставшуюся жизнь», в которой собраны воспоминаний тех, кто своим трудом отвоевал победу. Это рассказы о тех, кто пережил войну в детском и юношеском возрасте, испытал все тяготы военного времени, тяжелый труд, суровые будни военного времени; о тех, кто работал наравне со взрослыми на колхозных полях и заводских цехах; о тех, кто оказался на оккупированной территории, в концлагере, кто был угнан в Германию и обречен там на рабский труд.

Война лишила их детства и беззаботной юности. Но они умели радоваться жизни, любили и верили в победу, своим трудом приближали ее.

Эти рассказы тяжело читать. В них горькие слова о потере близких и родных, о голодных буднях, суровом быте, тяжелейших испытаниях. Через десятки лет к нам доходит жестокая правда о цене Победы, правда о подвиге

советского народа. Эту правду, как и Победу, невозможно уничтожить в памяти потомков поколения победителей.

В создании сборника приняли участие студенты: Абрамян Э., Гумерова А., Бирючевская Н., Тихонов А., Манушин В., Шадрин В., Вырупаева Т., Садикова Г., Сафин М., Зиннуров И., Саттарова А., Гибадуллина Д., Гильманова Д., Грищенко Д., Яшин А., Загриев Ф., Ямалиева А., Зверко М., Воронина А., Козлова В., Колесникова Е., Иванова М., Бессонова А., Ханипова И., Камалетдинова А., Мингазова А., Галикиева Р., Белоусова К., Мухамадеева К., Хайбуллина Э., Долгополая А., Иванова Д., Закирова А., Коновалова Р., Садриева А., Хузин А., Акмалиева Э., Чернова Т., Гимаева З., Коновалова А., Тахавиев Л., Темникова О., Кузнецова М., Сафина Д.

Подготовили к публикации книгу преподаватели кафедры истории и философии: С.И. Никонова, Н.А. Мухинова, Е.В. Буреева, Р.Р. Зарипов.

Заведующий кафедрой истории и философии КГАСУ,
доктор исторических наук, профессор,
С.И. Никонова

Абрамян Ерджаник Андраникович

Родился 12 августа 1938 года в селе Чамрлу (сейчас Касах) Котайкской области Армении.

Ничто не предвещало беды.

Хочу поделиться впечатлениями о войне, рассказать, что я пережил. Начну с того, почему у меня с отцом разные фамилии. Мой дед, Саак, решив увековечить память своего отца и деда, дал разные фамилии своим детям и внукам. Мне, первому внуку, досталась фамилия по имени отца деда Саака. Звали его Абраам. А у моего отца была фамилия в честь прадеда – Карапета.

Наша семья была небольшой. Незадолго до войны 12 апреля 1941 года родился братик. Мама работала на ткацкой фабрике. Отец работал в НКВД, начальником уголовного розыска. Он был старшим лейтенантом, в начале 1941 года его повысили в звании до капитана. Я гордился своим отцом, им гордилась и вся наша родня. Его звали Андраник (На фото А.С. Карапетян). Дали ему имя в честь национального героя армянского народа, великого полководца, больше известного как Генерал Андраник (на Западе) и Андраник-паша (на Востоке).

1941 год. Обычный июньский солнечный день. Мы с мальчишками, как обычно, скакали верхом на деревянных лошадках, представляя себя красноармейцами, а девчонки строили шалаши и играли в «дочки-матери». Я с нетерпением ждал маму с работы. Папа же возвращался поздно. Папа был честным, трудолюбивым, добродушным и очень строгим человеком. Его любила и уважала вся наша улица. Никогда не забуду, как все от мала до велика вставали на ноги при виде моего папы. Уважали и любили его, потому что был он настоящим милиционером, приходил всем на помощь, помогал своей улице и не только, одним словом, исполнял свой истинный долг. Видя все это я все больше и больше хотел стать милиционером. Но, увы, судьба распорядилась

иначе... Когда папа зашел, я как обычно, побежал навстречу, что бы обнять его. Улыбку на его лице в этот вечер я не увидел. Это продолжалось несколько дней, я не понимал, что случилось с моими родителями. Они о чем-то все время шептались, когда же я спрашивал, о чем они разговаривают, разговор переводился в другое русло.

Через несколько дней на улицах города стало заметно тише. Все были подавлены некой новостью. Шли разговоры о какой-то «войне». Мы продолжали играть, но уже не так, как раньше. Что происходило в эти годы, я понял на много позже.

Ближе к концу июля над городом уже начали пролетать самолеты. Как потом оказалось, они отправлялись в Москву. Осенью 1941 года многих наших родственников и знакомых забрали на фронт. Через полгода настала очередь моего отца. Сначала его отправили в город Леникан (сейчас Гюмри), в конные войска. Обстоятельства требовали, чтобы в Леникане (граница с Турцией) находился боеспособный воинский контингент, поскольку Турция готова была в любой момент вступить в войну на стороне Германии. Ожидалось образование нового, «южного» фронта. Турки ждали падения Сталинграда. Наша улица как будто опустела, опустел и дом. Без папы было очень тяжело.

Время шло медленно. Однажды, это было летом 1942 г., мама мне сказала, что мы поедem в гости к папе, я так обрадовался, как наверно не радовался ни одному, даже самому долгожданному подарку. Я помню этот день обрывками, как сон. Никогда не забуду, как крепко обнял папу, не хотел отпускать, чувствовал, что, возможно, больше не увижу. Весь этот день папа провел с нами, я так хотел, чтобы этот день не заканчивался. Мы сфотографировались с папой, как оказалось, в последний раз... Но тогда никто не верил, что он может не вернуться на нашу широкую улицу, что больше никто не увидит его лучезарную улыбку.

Прошло еще полгода, наступил новый 1943 год. Было холодно. Я, как обычно, сидел с братом и ждал маму. Вроде все шло к лучшему, все налаживалось, даже письмо от папы пришло, где он писал, что скоро возможно вернется домой, но, с судьбой не поспоришь...

В феврале 1943 года Сталинград отбили, немцам пришлось отступить. Турки развернули войска с границ, напряженность в Ленинакане спала. Папу отправили в Ростов. Так как был донос на отца от анонима, что он зять кулака, отца разжаловали и отправили на фронт в качестве рядового.

К тому времени уже начался жуткий голод, хлеб выдавали по талонам. Ели что могли, даже жмых казался таким вкусным, что просто словами не опишешь. Раз в месяц мама пекла лепешки из муки, которую она очень долго собирала. Я забыл, что такое сладости, лепешки были лучше всех шоколадок и ирисок.

Шли месяцы, запасы кончались, люди ели несколько дней один кусок заплесневелого хлеба. Моя мама старалась помогать семье своего брата. Помогала продуктами, помогала устроиться на работу, которой в деревне не было. Мы просто выживали, старались ложиться спать раньше, чтобы не испытывать голод. Мы просто жили и все: была определенная цепь действий, которую все выполняли каждый день. Я, например, просыпался с утра, брал талон, простаивал эти огромные очереди из-за малюсенького кусочка хлеба, затем приходил домой. Ждал, когда стрелки на часах покажут 5 часов, чтобы увидеть маму, возможно, услышать хоть какую-то хорошую новость от нее. День за днем, все повторялось, менялась только погода.

Одежду в годы войны особо не производили. На заводах работать было некому, одну половину этих заводов закрыли а, вторую переделали под военные, да и покупать не на что было. Наши мамы и бабушки находили куски ткани и старались вручную сшить из этих кусков что-то похожее на одежду. Старые, дырявые мешки тоже шли в дело. Их перекрашивали, пришивали рукава.

Изредка мы получали письма от папы. Он писал, что все хорошо, что мы потихоньку продвигаемся вперед. Он был очень заботливым и внимательным человеком. Мне кажется, он немного преувеличивал: не могло быть все так гладко. Просто не хотел нас беспокоить, вселял в нас веру в победу и мирное будущее. Следующая весточка пришла осенью 1944 года из Польши. Отец, раненый, лежал в госпитале, писал, что после того, как освободим Польшу от фашистских захватчиков, возможно, вернемся домой.

Зима прошла быстро, нехватка сильного мужского плеча ощущалась все больше и больше. Последние запасы и ресурсы отправлялись на фронт, есть было нечего. Отрывок из письма отца, отправленного весной 1945 года: «...мы очистили Польшу от фашистов, но верховный главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин, дал приказ идти на Берлин. Медленно, но верно наши войска продвигаются вперед...». Эта весточка была последней. Больше ничего от папы мы не получили.

9 мая – день Победы. Утром рано ликующий голос Левитана по радио сообщил о капитуляции немецкой армии. Это был очень добрый праздник, все искренне радовались, обнимались, пели и танцевали. Даже солнце казалось ярче, чем обычно. Что случилось с отцом и дядей мы не знали.

Осенью 1945 года я пошел в первый класс. Время летело быстро. Мы все еще ждали папу, надеялись, что он вернется. В 1947 году пришло письмо, из которого мы узнали, что наш отец пропал без вести. Конечно же, все верили, что он скоро залечит все раны и вернется домой. Но время шло, новостей не было. Жить на зарплату мамы было очень тяжело.

В этом же году, из Берлина, вернулся друг моего дяди, с которым они вместе прошли не одну тысячу километров. Он не мог сдержать слез, когда передавал простреленные документы дяди Григора деду Сааку. Немного успокоившись, рассказал, как на его глазах был застрелен его лучший друг. Был дан приказ расчесать всю захваченную территорию, и когда дядя со своим однополчанином зашли в один из домов, чтобы проверить, нет ли там

фашистских солдат, в дядю выстрелил из охотничьего ружья хозяин дома. Пуля, пробив все документы, попала прямо в сердце. Увы, помочь дяде уже ничем не смогли.

Особенно тяжелыми были первые годы после войны. Восстанавливали все женщины и дети. Даже спустя 2 года, еще все приходило много похоронок. Многие семьи потеряли всех мужчин: дедов, отцов, братьев, сыновей и внуков. С 12 лет я ушел из школы и начал работать. Получал очень мало, но выбора не было. Так и жили мы с надеждой проснуться в какой-нибудь прекрасный день и увидеть живого и невредимого Андраника. Но отец не вернулся. Война кончилась, мы выросли, а голодное военное детство осталось в нашей памяти на всю жизнь.

В 1975 году помощник главы Армянской церкви во Франции с послем Французского Красного Креста приехал со списками, выкупленными у немцев, военнопленных и объявленных пропавшими без вести. Они перечисляли их только по именам и фамилиям. В списках, пропавших без вести, был Карапетян Андраник. Нам показалось, что возможно, отца ранили, и он потерял память, поэтому не возвращался домой. Мы отправили запрос в Красный Крест на данные Карапетяна Андраника, но ответа так и не дождались. Не факт, что это был он, потому что мы знали еще одного Карапетяна Андраника, он и мой отец жили в одной деревне. Возможно, это был он или вообще другой Андраник. Из наших знакомых несколько человек нашли своих отцов в этих списках.

Я очень сожалею, что мы не предпринимали особых мер по поиску отца, но такой возможности тогда и не было. Сейчас уже что-то разузнать о его судьбе очень сложно, но я надеюсь, что мои дети внуки, смогут узнать что-либо о судьбе их прадеда. Но в том, что его не забудут, и всегда будут приводить в пример в нашей семье, я не сомневаюсь.

Акбашева Нафиса Абылфазыловна

Родилась 12 июня 1911-го года в селе Адзитарово Стерлитамакского уезда Уфимской губернии (ныне Кармаскалинский район Башкортостана).

Все так жили...

Войну моя прабабушка встретила одна с тремя детьми на руках. Прадед, Минивали Хаматвалеевич, в то время два года как был в Ташкенте на заработках (он боялся быть арестованным, так как до войны имел зажиточное хозяйство и был сыном муллы). Когда шла коллективизация, он отказался вступить в колхоз и забил всю скотину на своём подворье. В то время многие его родственники и односельчане подверглись раскулачиванию и были отправлены за Урал на поселение. Прабабушка одна тянула хозяйство и поднимала детей. В августе 1941 года прадедушка вернулся из Ташкента, спустя некоторое время записался добровольцем на фронт. К зиме 1942 года его забрали. Так как прадедушка был отличным наездником, попал в знаменитую 112 Башкирскую кавалерийскую дивизию генерала Шаймуратова М.М. Больше прабабушка о нём ничего не слышала. Только в 1948 году она получила повестку о том, что её муж «пропал без вести» в одном из рейдов в тылу врага.

Ещё до войны прабабушка устроилась разнорабочей в контору «Заготзерно», где строили элеватор для приема и хранения зерна. С началом войны нагрузка на элеватор увеличилась, работали ежедневно по 16 часов, без выходных. Из села практически всех мужчин забрали на фронт. Прабабушка в

основном работала на отгрузке зерна в вагоны, бригада грузчиц состояла из одних женщин, только бригадиром был хромой дядька. Вагоны грузили «под завязку» (под самую крышу). Тяжелее всего было грузить последние верхние ряды, приходилось вдвоём ползком под крышей вагона волочь мешки с зерном, до самых стенок. В то время стандартный мешок с зерном весил 70 кг. Также не хватало паровозов, вагоны женщины катили вручную, формируя состав.

Вместе с зимой пришёл голод, продовольственный паёк урезали. Давали 10 кг муки или гороха, или какой-нибудь крупы в месяц. Прабабушка тайком, уходя домой, насыпала в голенища кирзовых сапог по горсти зерна или крупы, за это могли строго наказать. Ещё от голода спасал огород. Кроме картошки ничего не сажали, в то время особо-то и не умели выращивать что-то другое. Прабабушка, когда пекла хлеб, добавляла лебеду, чтобы сэкономить муку. Зерно перетирали в муку на ручной каменной мельнице. Летом 1942-го года в село пригнали «трудармию», распределили на постой по домам. К прабабушке в дом определили 10 человек и обязали их кормить. Они занимались различными работами на элеваторе. Как и многие в то время граждане СССР, прабабушка не только своим трудом, но и деньгами помогала стране ковать победу, у нас в семье до сих хранятся её облигации государственного займа.

Так прабабушка прожила и проработала всю войну, жалуясь на судьбу только Аллаху, она говорила: «Все так жили». После войны она так и продолжала работать на элеваторе до выхода на пенсию и еще долго ждала мужа с войны, вздыхала: «Может, вернётся». Моя прабабушка прожила длинную, тяжёлую, но достойную жизнь: она пережила две революции, две опустошительные войны, потерю мужа, вырастила и воспитала троих детей. Она так и не научилась ни читать, ни писать, по-русски знала только несколько слов, зато Коран запомнила на слух и знала наизусть. Прожив сто лет и три месяца, прабабушка умерла 29 сентября 2011 года.

Бардина Анна Ивановна

Родилась 20 января 1916 года в с. Лапышта Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии (ныне Белорецкий район Башкортостана)

В семье моих родителей Серегиных Ивана Николаевича и Екатерины Ивановны, состоящей из восьми детей, я была вторым ребенком. В 8 лет я пошла в школу, о которой до сих пор вспоминаю с умилением. Первым моим учителем была Елена Георгиевна, которая открыла нам путь в неизведанный до этого мир науки. Она обучала нас всем основным предметам. А ее муж, Вениамин Федорович, был директором школы. Эта семья привила мне любовь к чтению, научили ответственности и дисциплине. Не случайно, любимыми предметами в школе были чтение и арифметика. Я училась хорошо. До сих пор помню, что однажды перед всем классом Елена Георгиевна прочитала сочинение и похвалила меня. Также помню, что как-то раз за хорошую учебу мне выдали платье вишневого цвета. Все ученики в то тяжелое время стремились постигать тайны наук.

С 11 лет начинается моя трудовая деятельность. Проучившись в школе всего 3 класса, я начала работать в лесном отделении Белорецкого завода. Первую свою зарплату в размере 50 рублей отдала родителям. Ни о каких своих сбережениях речи быть и не могло, потому что жизнь вынуждала кормить большую семью. Позже стала рассыльной на почте. В 16-17 лет начинается работа на конном дворе кладовщиком. С 18 лет – на огнеупорном заводе в Белорецке. Работа заключалась в том, чтобы как можно быстрее грузить вагоны сутункой. Сутунка представляла собой стальную заготовку небольших размеров. Она используется для получения прокаткой жести, трансформаторной, кровельной стали. Как сейчас помню, работали в три смены по 8 часов. Был лишь один выходной – суббота, который давал возможность отдохнуть и сходить в клуб на танцы. Позже работала на Белорецком проволочном и канатном заводе.

В 1938 г. я вышла замуж за Исаева Григория. Он был заместителем начальника в комендатуре. Мы прожили вместе только 2 счастливых года. В 1939 году у нас родилась дочь Нина. А 25 сентября 1939 года муж был призван на службу. С тех пор боль мне не пришлось увидеться с мужем.

В 1940 году я поступила сортировщицей на завод. А 22 июня 1941года, вернувшись домой, я услышала по радио речь Левитана, в которой сообщалось о начале войны. Мы все испугались, на сердце будто камень повесили. Когда я узнала о начале войны, на часах было 16.40, эти часы ходят до сих пор.

Для меня началось тяжёлое время. Работали ежедневно по 11 часов без выходных. На заводе стоял невыносимый шум. Закладывали 18 шпиль диаметром 4,5 см для аэростатов и диаметром 1,8 см для самолетов. Я глубоко вздыхаю, когда вспоминаю эту работу, было очень сложно. Пальцы истирались в кровь. На третью смену всех отправляли в лес рубить дрова. Норма составляла 2 кубометра в день. В любую погоду мы должны выполнять ее. Кормились в заводской столовой. Основное меню составлял кусок хлеба, стакан компота и каша. В редкие дни доставался суп.

Я помню несколько интересных случаев, произошедших в годы войны. вот некоторые из них. Как-то к нам на завод привезли посылку от посольства Америки. Тогда мы впервые попробовали тушенку.

Однажды, пойдя за водой в лес, к своему удивлению, на своем пути я встретила медведя. Увидев его, бросила ведра и кинулась бежать в сторону дома. К счастью, это был еще маленький медвежонок, а был бы большой, не упустил бы своей добычи.

Однажды во время войны к нам домой пришли волки и съели 14 овец, даже не съели, а только выпили кровь и бросили их. Спасти удалось только пятнадцатой, она объягнилась и осталась лежать в тепле в сарае. Это и спасло ее. Сколько шерсти и мяса пропало.

Во время войны я практически не видела свою дочь. Нина оставалась с моей мамой. Однажды она заболела скарлатиной. Пришлось отправить ее в

зарбарак, предназначенный для больных инфекционными заболеваниями, туда не пускали посторонних. Единственным отвлечением от тяжелой работы было чтение. Выписывали газету «Белорецкий рабочий». Благодаря этому узнавали о положении на фронте, смотрели списки погибших. По вечерам в полуразвалившейся избушке с еле теплящейся керосинкой пели песни. В песнях выражалась вся боль, накопившаяся за годы войны и надежда на скорую победу. Это было своеобразным лекарством для души, они утешали и помогали в трудную минуту. Я и по сей день вспоминаю встречи и посиделки.

В 1941 году мой муж отправляется на Кавказ. Он присылал мне письма, с заботой о малышке и о мне самой. Но, к сожалению, они были не так часты. В них говорилось о том, что он прошел экзамены, получил чин лейтенанта. Обычно муж был краток: «Участвовал в боях, остался жив». В конце сентября 1942 года я посылаю ответ на очередное письмо мужа. Но вскоре письмо вернулось обратно с уведомлением о гибели Исаева Григория на фронте.

После войны я устроилась работать в коровник. В 1946 году вышла замуж за фронтовика Василия Ивановича Бардина. С ним счастливо я прожила 51 год. Вырастили 5 сыновей.

Бирючевский Александр Павлович

Родился 7 сентября 1935 года в д. Алфёровка Бугульминского района ТАССР.

Я жил в небольшом бревенчатом домике в большой крестьянской семье. Отец, Павел Васильевич, был скотником, пас колхозный скот, а мать, Клавдия Аполлоновна, работала на ферме. Когда началась война, нас, детей, у родителей было пятеро. Самая младшая сестра Надежда родилась в январе 1942 года.

На фото (примерно 1941 года) первый слева мой старший брат Валентин, он пропал без вести в годы войны. В середине на заднем плане – мать, в центре – я, крайняя справа – старшая сестра Любовь.

Отец ушёл на фронт в декабре 1941 года. Без него жилось очень трудно. Мы как будто быстро повзрослели. Старшие сёстры и брат пошли работать в колхоз: трудились на полях, помогали на ферме маме. На мои плечи легли обязанности по дому и присмотру за младшими детьми: Сергеем и Надей. Мы все работали, как могли. Летом ходили за дровами и хворостом, собирали ягоды, лебеду, клевер, щавель. Осенью на полях собирали колоски, а весной гнилую картошку. Было очень голодно, постоянно хотелось есть.

В ноябре 1943 года вернулся с фронта отец. Из-за многочисленных ран его комиссовали. Мы очень радовались, что он вернулся живой, ведь многие семьи получали похоронки. Односельчане завидовали нам и приходили

посмотреть на солдата. Но наше счастье было недолгим. Отец так и не поправился после госпиталя и через два месяца он умер.

В марте 1944 года брату Валентину исполнилось шестнадцать лет, и он вместе с другом сбежал на фронт. Небольшую записку с известием о том, что друзья уехали бить фашистов, принёс на следующий день соседский мальчишка. Брат так и не вернулся домой, его считали пропавшим без вести. Мама долго плакала, корила себя, что не уследила и не уберегла сына.

Потом стало совсем туго. Мама подолгу и часто болела, на работу не выходила. В те времена зарплату деньгами не платили, а ставили «палочки» за каждый трудодень, а потом выдавали зерно. Его мы мололи на мельнице, и мама пекла хлеб. Зерна было мало, поэтому хлеб она пекла с травой. Мама старалась прокормить нас, а сама оставалась голодной. В феврале 1945 года она умерла, мы остались одни, без родителей. Это был самый тяжёлый и горький день в моей жизни. Родственники не взяли нас к себе, так как у самих было много детей. Галю, меня и Сергея отправили по детским домам в Бугульму, а Надю отвезли сначала в Казанский дом малютки, а потом переправили в Казахстан. Старшая сестра Люба, добавив себе год, завербовалась с подругой на завод в Красноярск.

Вот и началось моё детдомовское детство. Нас с Галей не разлучили, и мы оказались в одном детском доме, а Сергея отправили в другое здание для детей дошкольников. Я часто навещал брата, старался принести ему небольшой кусочек сахара или какой-нибудь гостинчик, который не съедал сам. Через год Гале исполнилось шестнадцать лет и её отправили в Казань учиться в ремесленное училище. Так в Бугульме мы остались вдвоём – я и брат Сергей.

В детском доме у нас были хорошие педагоги. Директор, бывший фронтовик по фамилии Грибанов, к сожалению, не помню имени и отчества, относился к нам по-отечески. Он мог и похвалить за какую-нибудь мелочь, но и пожурить, как и полагается отцу. Навсегда запомнилась мне воспитательница Евдокия Кузьминична. Она была доброй и справедливой, мы её любили как

настоящую маму. Каждому из нас находила ласковое слово, к ней всегда хотелось прижаться, чтобы она обняла и погладила по голове, ведь нам так не хватало материнского тепла. У воспитателя Мусина был сын Степан. Он часто приходил с ним в детский дом. Я сдружился со Стёпкой и ждал каждый его приход. Однажды ему купили новый двухколёсный велосипед, и он дал мне прокатиться. Я в первый раз сел за руль такого транспорта, ну и не смог вырулить, и врезался в тётку, которая несла воду в вёдрах. Ох, и было же крику!

Наш детский дом находился внизу дороги, которая вела на Сокольскую гору. По ней очень мало ездило машин, и она являлась идеальным местом для наших ребячьих игр. Зимой мальчишки постарше катались на буксире за машинами. Когда грузовик поднимался вверх по дороге, они догоняли его и цеплялись руками за задний борт. Иногда водитель, заметив «попутчиков» за бортом, тормозил, выскакивал и гнался за хулиганами с монтировкой в руках. Наказывали нас за такие проделки и воспитатели. Только когда я повзрослел, осознал, какой опасности мы подвергали себя.

С этой горы мы катались не только на санках, но и на «дырындах». «Дырындой» мы прозвали такое самодельное сооружение из изогнутых труб, в которое помещалось человек 7-8, впереди на коньках ехал направляющий. Вот однажды с нами случилось одна история. Как обычно, мы спускались на этой «дырынде», весело смеясь. Вдруг из одного двора на дорогу выскочила лошадь, и, испугавшись, встала на дыбы. Мы промчались под копытами животного, и даже страшно было представить, что с нами было, если бы мы сбили с ног лошадь. После этого нам было не до смеха.

Учёба мне давалась трудно, особенно русский язык. Поэтому очень ждал каникулы, когда нас всех детдомовцев отправляли на всё лето в деревню Салаяз. Там мы выращивали рожь, картошку, морковь, свёклу, тыкву, заготавливали на зиму ягоды. Мы обходили незасеянные поля в надежде, что

найдем прошлогоднюю картошку. Если везло, то собирали её, а потом пекли на костре. Наверное, поэтому самое любимое моё блюдо – это картошка.

Не обходилось и без воровства. Часто мы забирались на колхозные поля, где рос горох. С пацанами ели и набивали полные карманы и пазухи зелёными стручками. Но это занятие было опасным. Эти поля охранялись наездниками, и можно было получить плёткой по спине. Поэтому мы по полю ползали на брюхе, собирая горох и, наблюдая за сторожами.

В свободное время играли в лапту, догонялки, гоняли тряпичные мячи, запускали воздушных змеев, играли в городки и «бабки» (это небольшие кости от свиных ножек). Их расставляли в определенном порядке и сбивали битой с расстояния в несколько шагов. Ещё под присмотром нашего воспитателя мастерили деревянные самокаты и гурьбой по 10-15 человек спускались на них с горы. Грохот стоял такой, что закладывало уши, и от этого было ещё веселее и азартнее. Играли и в войнушку. Сами выпиливали ружья, с помощью считалки распределялись на «наших» и «немцев», потому что по доброй воле фрицами никто быть не хотел. С деревенскими мальчишками мы не дружили, да и им, наверное, не разрешали с нами водиться.

Как и любой ребёнок, я ждал праздников. Очень хорошо помню, как нам сказали об окончании войны. Нас созвали на линейку и радостно объявили, что война закончилась. В тот день мы не учились, нас отпустили по домам. На душе была и радость, и грусть. Радостно от того, что закончилась война, а грустно и обидно было за то, что она отняла у меня самых дорогих людей.

Особенным и волшебным праздником был для нас Новый год. Даже в то, послевоенное время нам дарили подарки, устраивались новогодние хороводы вокруг ёлки. Именно в детском доме я впервые попробовал мандарин, леденцы в коробочке, которые назывались монпансье и шоколадные конфеты.

Когда мне исполнилось шестнадцать лет, меня хотели, так же, как и сестру Галю, отправить учиться в ремесленное училище в Казань. Галя к тому времени уже вернулась в Бугульму и работала в драматическом театре швей.

Она не отпустила меня в Казань. Два года до призыва на службу в армию я проработал в ПАТП сначала учеником плотника, а потом и плотником. Служил на Тихоокеанском флоте во Владивостоке. После демобилизации вернулся в Бугульму. Устроился опять в пассажирское автотранспортное предприятие, откуда ушёл на службу. Там я проработал три года плотником, а потом меня направили на комбинат строительных конструкций. За годы работы в КСК я вносил рационализаторские предложения, был передовиком социалистического труда. По рекомендации руководства комбината меня направили работать в школу № 12 преподавателем труда. Так как у меня не было среднего образования, я успешно окончил вечернюю школу. Учителем труда я проработал 25 лет и ушел на пенсию «по выслуге». Являюсь ветераном труда. Но и потом продолжил трудовую деятельность. Устроился плотником в Бугульминское управление автодорог, в котором проработал до 67 лет.

Мои сёстры Люба и Галя трудились и жили в Красноярске. Сергей пробовал обосноваться в Кемерово и Алма-Ате, но в 1977 году вернулся в Бугульму, где и прожил до конца жизни. Сестру Надежду нам удалось отыскать только в 1966 году. Тогда я впервые увидел её после разлуки. У неё трое сыновей и она тоже переехала из Казахстана в родные края. Я отец троих детей, у меня два сына и дочь, а ещё есть четыре внучки и правнук.

Бозина (Тужилова) Нина Николаевна

Родилась 26 сентября 1932 года в деревне Брынка Рыбно-Слободского района Татарской АССР. Узница фашистских лагерей.

За людей нас вообще не считали...

Жизнь в деревне была трудной. Отца, Николая Романовича (1912-1941), призвали служить в армию, он участвовал в Финской войне. Росли мы почти без него и были рады, когда он приехал и сказал: «Теперь будем жить все вместе». Он остался на сверхсрочную воинскую службу. Ему было разрешено взять с собой семью. Вся наша семья: отец, мать, я, сестра Рая, брат Геннадий выехали в Польшу в конце 1940 года. Там служил отец. Мы стали жить в деревне Слуп, недалеко от города Чижов. Отцу квартиру пока не дали, и он снял комнату у полячки. Мы жили вместе с польской семьей. Я играла вместе с девочками Ядвигой и Людвигой.

Не успели ещё привыкнуть, как грянула война. «Вставай, командир! Война началась», – с такими словами заскочила в комнату взволнованная хозяйка-полька, ранним утром 22 июня 1941 года. Командир роты связи, Николай Тужиллов, быстро оделся и направился в свою часть, которая располагалась в нескольких километрах от деревни Слуп.

Помню, что в первый момент особого значения мы как-то не придали, все-таки мы еще были дети, и не сразу поняли, что случилось. Только когда мама стала сильно плакать, до нас уже стало немного доходить, какая

случилась трагедия... Хотя весь ее ужас мы осознали только тогда, когда это коснулось непосредственно нас самих. Слышались глухие разрывы бомб и снарядов. От этого проснулась вся семья: мама, Александра Игнатьевна и трое детей – я, Рая и годовалый Гена. Мать испуганно плакала. Отец успокаивал: «Не бойтесь, это всего лишь учение». Назад младший лейтенант Тужилов не вернулся. В этот же день в деревне появились немцы. Они сразу же стали вести себя как хозяева. В домах переворачивали всё верх дном, искали вещи ценные, чтобы отправить подарки своим фрау. Они наведывались к нам довольно часто, может быть, раз в месяц. Они говорили по-русски, но с разговорником. У них у каждого был разговорник. На подворье слышался истошный визг свиней да громкое кудахтанье куриц. Кое-где раздавался жалобный бабий вой. Завоеватели хозяйничали повсюду.

Я всё хотела посмотреть на немцев – правда ли у них рога на голове растут, как это было в фильме «Александр Невский». Мать отчитывала меня за любопытство и испуганно прижимала к себе детей. А вскоре все увидели, какие они фашисты, когда через несколько дней семьи военнослужащих стали отправлять в концентрационный лагерь в город Чижов. Разве думал младший лейтенант Тужилов, какую судьбу он уготовил своей семье, когда в конце 1940 года привез её на границу?

Мы перестали ходить в школу, очень трудно стало с продуктами. Я помню, как мы ходили к сгоревшему элеватору, и набирали там обгоревшее зерно, из которого потом мама пекла нам хлеб. К сожалению, или, к счастью, я плохо помню те два года, которые мы провели в концентрационном лагере. Жили в бараках и зимой, и летом. Там не было даже перегородок, ни шкафчиков, никакой мебели не было вообще. Люди помогали друг другу, чем могли. Было холодно и голодно. Питание тоже было скудным. Родители старались отдать лишний кусочек хлеба несмотря на то, что постоянно недоедали сами, и им еще приходилось работать. Тем не менее, очень много

детей умерло от голода. Кормили какой-то баландой, поэтому чувство голода не покидало всё время.

В первые же недели из лагеря забрали евреев, которые назад не вернулись. Ходили страшные слухи, будто всех их, и детей, и взрослых собрали, заставили выкопать ров и расстреляли из автоматов. Они попадали в этот ров, и немцы их закидали землей. Сама я не видела этого, но люди говорили, что еще несколько дней после этого, земля в этом рву шевелилась, и из-под земли раздавались стоны. Был среди евреев один портной, он был очень хорошим портным, шил в обмен на еду: пока работает над платьем или еще какой одеждой ты его кормишь. Это тягостные для меня воспоминания. Дело в том, что немцы расстреляли его детей, а он остался один и все время плакал, у него дети были примерно моего возраста.

Мать делала все, чтобы как-то облегчить своим детям жизнь за колючей проволокой. Был голод, страх, но люди держались изо всех сил в этих невероятных условиях. В лагере разговоры были лишь о еде. Есть нечего было, как бы где-то хлеба достать? Политику там забыли. О политике надо было говорить осторожно: если будешь говорить о России – несдобровать. Если хочешь жить, не лезь ни туда, ни сюда. Сейчас пишут, что внутри лагерей были целые подполья, но я этого не видела и не слышала. В моем лагере такого не было.

Весь 1941 и 1942 годы мы жили в напряжении. Весной 1943 года нас стали готовить к отправке в Германию. Многие очень боялись, что с ними поступят как с евреями. Под конвоем вооруженных солдат, под лай свирепых собак, нас погрузили в товарные вагоны на железнодорожной станции и отправили на Запад. Больше всего пугала неизвестность. Немного отлегло от сердца, когда прибыли в Кенигсберг. Если бы хотели расстрелять, то так далеко не повезли бы. Значит, предстояло и дальше жить в неволе.

На вокзале «Кенигсберг» всех разделили на отдельные группы. У каждого взрослого на груди была желтая нашивка и цифровой номер. Вдоль

выстроившихся людей расхаживали гражданские немцы и пальцем или тростью указывали на ту или иную группу. Забирали в рабство на свои помещичьи земли. Так наша семья Тужиловых попала в поместье недалеко от города Тапиау (ныне г. Гвардейск Калининградской области).

Первое время, конечно, плохо относились. Все люди голодные были, ничего не было у нас, никакого запаса не было. Помню, давали муку какую-то нехорошую, говорят, с примесью бумаги. Когда получали норму небольшую, туда всё что можно намешивали, чтоб только больше получилось. Ели мы клевер и травы разные, всё примешивали к муке. Совершенно не было сладкого, вместо конфеток мы ели пареную брюкву и свеклу. Иногда пекли лук в печке, вот это были сладости наши. Когда появлялся каким-то чудом сахарный песок – это уже в конце войны, самым любимым нашим лакомством – это было наше пирожное – был хлеб, посыпанный тоненьким слоем сахарного песка. Кроме голода мы испытывали еще и холод. Квартиру зимой почти никак не отапливали, поэтому мерзли мы просто немилосердно. Нечего было носить. Платьев не было. В телогрейках ходили. Из тряпок были сшиты простроченные сапоги. Ужасно. Холодно. Вот как мы ходили. В лагере была только наша одежда, та, что мы успели из деревни прихватить с собой, и у хозяина ничего не давали. Для того чтобы помыться давали водичку, чуть-чуть мыла. А так не мылись, только оботремся как-то и все.

В основном все работы были сельскохозяйственного плана. Наказаний не применяли и никого не поощряли. Наказывали только тех, кто попадался на воровстве. Били плетками. Зимой били плеткой через тулуп, а было не больно и помню тот, кто порол, заставлял его кричать, чтобы другим было неповадно воровать. Вместе с матерью я работала в поле – обрабатывала саженьцы, заготавливала сено, убирала картофель и т. д. Жили в небольшом бараке вместе с одной чувашской семьей, состоявшей из матери и двух мальчиков.

Война катилась на Запад. Близился неотвратимый конец. Пожилой немец, управляющий поместьем, всё время пугал: «Если придут русские, то все мы вас

успеем перестрелять». Однако ближе к концу войны и его забрали на фронт. Фашисты выгребали подчистую. Под ружье ставили и молодых, и пожилых.

Если дети подбегали к ограждению из колючей проволоки, которое преграждало путь в концлагерь, то их беспощадно избивали. За людей нас вообще не считали. На мой детский взгляд они были очень грозные и жестокие. Плеткой били тех, кто, по их мнению, плохо работал. Постоянно смеялись, фотографировали нас, когда мы были в нелепых позах.

В последнюю зиму и весну 1945 года мы перенесли сильную эпидемию. У детей распухло горло. Вскоре сестренка Рая умерла. Тяжело болел и братик Гена. Фронт приближался. В апреле все поднялись с места и направились в Кенигсберг. Ехали на подводах и немцы, и русские, и пленные французы. До города осталось совсем немного, когда танки с красными звездами догнали обоз и остановили его. Скорее всего, это и спасло всем жизнь. В Кенигсберге во время штурма, в страшной мясорубке, вряд ли удалось бы выжить.

Конечно, чувствовалось, что наши где-то близко. Активно стали действовать, бомбить стали чаще. Немцы тревожно стали себя чувствовать. Стали меняться немецкие части. Одни уезжали, другие приезжали. Было движение. Из тылового стали прифронтовыми. Потом около нашего дома поставили рацию. Такая крытая машина, там большие антенны. И мы всегда переживали, что наши будут бомбить именно эту антенну.

Мама, помню, собрала кое-что из белья, пару подушек, одеяло. Впопыхах даже забывали самое необходимое. Но возвращаться было уже поздно. Беженцы, и мы вместе с ними, забежали в какой-то дом и легли на пол. И такой вокруг стоял рёв самолётов, грохот пулемётных очередей, разрываемых снарядов и свист пуль. Пули падали так часто, словно дождь. Вдруг дом загорелся, и все бросились в соседний, но вскоре загорелся и он. Наши солдаты показали подвал, где можно было переждать бой. В подвале собрались и немцы, и русские. Этот участок боя несколько раз переходил из рук в руки.

Иногда открывалась дверь подвала, и русские солдаты спрашивали: «Кто здесь?». Тогда отвечали – русские.

Если же заскакивали вооруженные немцы, с ними разговаривали их соотечественники. Испуганных гражданских жителей не тронули ни те, ни другие. А потом бой ушел дальше. Тогда все вышли из подвала. Местность было не узнать: красивого двухэтажного дома не было, всюду дым, гарь, воронки от взрывов. Обитатели подвала чудом остались живы. Так, Советская Армия в апреле 1945 года освободила нашу многострадальную семью. Но испытания, выпавшие на её долю, ещё не кончились. От болезни умер братик Гена. Его наши солдаты похоронили на том же кладбище, где лежала Рая.

Но жизнь продолжалась. Мама стала работать в подсобном хозяйстве воинской части. Затем, когда эту часть стали перебрасывать на Дальний Восток, с ними вместе на родину отравились и мы с мамой. Доехали до Рязани, а оттуда на перекладных в родную деревню Брынку. Так в июле 1945 г. закончилась военная эпопея семьи Тужиловых. Мне было уже 12 лет, но, тем не менее, я совсем не знала грамоты. Очень хотелось учиться. В деревне была только начальная школа. Семилетку заканчивала в Русском Ошняке, там я догнала своих сверстников. Школу закончила хорошо, поступила в Казанский финансово-кредитный техникум. Через три года по распределению направили в Пермскую область. Однако в 1957 году по семейным обстоятельствам вернулась в родные края.

С 1957 года по 1996 год я проработала в Рыбно-Слободском отделении Государственного Банка. Из них 25 лет заместителем управляющего. О добросовестном труде говорят многочисленные почетные грамоты и медаль «Ветеран труда». За военные годы мне вручено удостоверение «Бывшие несовершеннолетние узники фашистских лагерей, гетто, и других мест принудительного содержания, созданных фашистами в годы второй Мировой Войны».

Брусько Валерий Васильевич

Родился 26 июня 1933 года. В начале войны проживал в городе Выборге Ленинградской области

Воспоминания эвакуированного блокадника

В Выборг моего отца Брусько Василия Илларионовича после окончания финской кампании направили по оргнабору летом 1940 года восстанавливать судоремонтный завод. 22 июня 1941 года я с отцом был на рыбалке. В тот день поймали мы угрей, больше похожих на водяных змей. Эта рыба очень жирная и при жарении не требует масла. Когда мы сели за стол, услышали по радио о начале войны, а граница с Финляндией была всего в 7 километрах от Выборга. Это известие ошеломило нас, мы не могли понять, что произошло. Отец на следующий день ушёл в военкомат и больше не вернулся. Никаких проводов не было. Он воевал в 474 артиллерийском полку Лужского бригадного района ПВО, под Лугой защищал Ленинград с юга.

Мы с мамой не знали, что делать, как поступить. 26 июня, когда мне исполнилось 8 лет, Финляндия объявила войну Советскому Союзу. В городе начались беспорядки, перебои с подачей воды и электроэнергии. Финны начали наступать, и мы с мамой решили эвакуироваться в Ленинград. Сели в поезд и через несколько часов наш состав остановился у дачного поселка Озерки, не доезжая несколько километров до Ленинграда. Нас приютила в своей избе баба

Маня. Так началась наша ленинградская эпопея. Мама устроилась на работу, а я с соседскими ребятами рыскал по колхозным полям в поисках картошки, свёклы, брюквы, моркови, репы, капусты и особенно капустных листьев. Тащил всё в дом, а баба Маня варила суп. Ни о какой школе речь не шла, думали, что скоро уедем, мы ведь не считались ленинградцами. Прописки не было.

Прошло лето и наступил сентябрь, началась блокада, к этому времени все запасы кончились. В сентябре стали получать по карточкам служащие и дети по 300 грамм хлеба в сутки. Моя мама была служащей. Продовольственная карточка являлась единственным способом получения продуктов, она была дороже денег, дороже всех драгоценностей. Несмотря на то, что мама подкармливала меня из своего пайка, мой молодой организм начал сдавать. Начался голод и когда в ноябре норма выдачи хлеба упала до 125 грамм, мама приняла решение эвакуироваться.

Только благодаря огромной жизненной энергии, настойчивости, умению ладить с людьми моей мамы, а также хромовому отрезку на сапоги (премия моему отцу за хорошую работу) и простому везению, я выжил. 9 или 10 декабря 41 года мама на полуторке вывезла меня из блокадного Ленинграда по «дороге жизни» – льду Ладожского озера, а затем поездом мы уехали в Архангельскую область, в село Ломоносово Холмогорского района. Конечно, ленинградский блокадный период жизни был самым тяжелым. Смерть смотрела прямо в глаза.

Летом 42 г. мама нашла работу в Архангельске, в том же году я пошёл в школу. Чем мне запомнился этот суровый северный город в 42-43 гг. Во-первых, деревянными тротуарами. Иду однажды по центральной улице Павлика Виноградова, по деревянному тротуару к маме на работу и вдруг в метрах 70-ти разорвалась небольшая бомба. Это был немецкий самолёт разведчик. Воздушная волна приподняла меня, и я ударился головой о тротуар. Немного полежал и бегом побежал. Маме об этом я не сказал. Во-вторых, мы с ребятами очень любили встречать северные британские конвои, которые сопровождали корабли с военными поставками по ленд-лизу. Завидев

заходящие корабли, мы бежали с уроков, встречали британских военных моряков, и они нас угощали маленькими шоколадками, жвачками, которых в то время у нас и в помине не было. Однажды мне повезло, один ирландский моряк подарил консервную банку американской колбасы, которая открывалась особым ключиком. Мы тут же на набережной открыли её и по-братски поделили. Это было настоящее пиршество для нас.

В Архангельске мы с мамой прожили до конца января 44 г., и по приглашению маминого брата Сергея, переехали в Краснодар 2 февраля. Уже в Краснодаре нам пришло извещение, что мой отец пропал без вести в июне 43 г. под Лугой. Это был страшный удар, самое горькое событие войны.

Дядя Серёжа воевал в партизанском отряде. Занимал высокую должность в крайпотребсоюзе. Он заботился обо мне, с ним я ходил в баню, летом 44 г. он выделил нам клочок земли, и мы посадили кукурузу, а осенью собрали урожай. Дядя выхлопотал нам комнату, она была маленькая, без окон, зато своя! Это стало очень радостным событием для нас. Однажды я зашёл на работу к дяде Сереже, и он дал мне небольшой бидончик с подсолнечным маслом. До чего вкусная с ним получилась каша тогда! В Краснодаре я стал учиться в школе №2. У нас в классе висела карта, где лучшие ученики отмечали флажками продвижение Красной Армии на фронте, мне часто приходилось это делать и становилось большой радостью для меня.

Там же в Краснодаре я встретил День Победы. 9 мая в 2 часа ночи меня разбудили выстрелы и шум на улице. Выскакиваю, народ ликует, высыпали все, радуются! Несмотря на ночь, светло, как днём, стрельба, фейерверк. Побежал, разбудил соседей – тётю Аню, её детей Зинку, Юрку и своего друга Роберта из соседнего двора, с которым вместе учились в одном классе. Все вместе пошли в центр города на улицу Красную. Там толпы народа пели и плясали. Незабываемая ночь в моей жизни!

Вишневский Владимир Александрович

Родился 10 июля 1888 г. в д. Палкино Ярославской области. Руководил пуском казанской электростанции имени 3-ей годовщины Татареспублики, директором треста «Эльводотрам», главным инженером Горкомунхоза, техническим директором завода Пишмаш, преподавал в КИИКСе. Репрессирован в 1941 г., реабилитирован в 1956 г.

Нелегкая судьба инженера.

Отец Владимира – Александр Александрович – являлся потомственным почетным гражданином, по должности был купеческим приказчиком, заведовал чайным заведением. Александр Александрович имел четырех сыновей (Николай, Владимир, Александр, Василий) и одну дочь (Анна). Все дети были очень дружны, но жизнь распорядилась так, что, несмотря на их стремление встречаться, это далеко не всегда получалось. Вторым по старшинству сыном А.А. Вишневского был мой прадед, Вишневский Владимир Александрович.

Первоначальное образование получил в сельской школе и духовном училище города Галича, также пел в церковном хоре. Затем закончил 4 класса Костромской семинарии. Во время учебы начал интересоваться политическими вопросами. Хотя и закончил семинарию, но скорее был атеистом и не планировал становиться священнослужителем. Мечтая поступить в университет, он сдает экстерном экзамены и получает аттестат об окончании Костромской гимназии.

В 1906 г. прадед вместе со своим знакомым Нифонтовым И. Н. переезжают в г. Казань и поступают на историко-филологический факультет Казанского университета. Во время учебы Владимир занимался политической деятельностью – был редактором студенческого журнала «Буревестник», агитатором в трампарке и в районе Суконного рынка. 15 октября 1907 г. последовал обыск и арест, при обыске была найдена нелегальная политическая литература. В «Деле о проверке политической благонадежности студентов Казанского Университета, примкнувших к партии СД В.А. Вишневого, И.Н. Никифорова, А. В. Львова» было записано, что В.А. Вишневский был членом городского комитета. Членство в партии он всегда отрицал.

24 января 1908 г. состоялся суд, который приговорил Владимира к 2 годам ссылки под гласный надзор полиции. 31 января он был отправлен в Тетюши, а затем 7 февраля в Вологодскую губернию. Он писал в дневнике: «Я понял, что получить высшее образование в России не удастся, так как справку о благонадежности не получить. Как осуществить свою мечту? Только побег за границу». Он осуществляет побег, добираясь до Санкт-Петербурга, далее следуя по маршруту Финляндия, Швеция, Англия, Америка (Нью-Йорк). В Америке Владимир Александрович поступает в Колумбийский университет штата Огайо. Так как ни при отъезде, ни во время учёбы, он не получал никаких средств, в Америке Владимир Александрович зарабатывал различными способами: работал в домашних столовых, в прачечных по сбору и доставке белья клиентам, контролёром в кино, рабочим вечерней смены на обувной фабрике. Летом работал на предприятиях сельского хозяйства, каменноугольной шахте в качестве техника в бригаде геодезистов, техником в трамвайных мастерских, в проектно бюро на заводе Вестингауза в Питтсбурге.

В 1913 г. прадед окончил университет и стал инженером-электромехаником, защитив дипломный проект на тему «Электрификация города Галич», получил диплом Колумбийского университета штата Огайо. По

завершению учебы он начал работать начальником лаборатории на Сталелитейном комбинате и вызвал для учебы в Колумбийском Университете своего брата Александра. Казалось бы, все прекрасно, но в письмах отца, которые приходили из России, все чаще говорилось об ухудшении состояния здоровья и просьбы приехать. К тому же, в честь 300-летия дома Романовых, была объявлена амнистия политзаключенным.

Прадед решил поехать. По приезду в Ригу он был арестован и отправлен в Сольвычегодск, где вскоре был освобожден по амнистии и приехал в Палкино. Александр Александрович был рад приезду сына. Вскоре Владимир Александрович женился на дочери купца 2-ой гильдии, имевшего магазин в селе Палкино, на Юниковой Варваре Ивановне, получив неплохое приданое. Ведь у прадеда были только диплом, знания и книги. Вскоре после свадьбы молодые уехали в Петербург, где сняли квартиру на Васильевском Острове. Владимир поступил на завод Гейслера, а Варвара стремилась завершить образование на знаменитых Бестужевских курсах. Это были счастливые годы становления семьи. Здесь в 1915 г. родился старший брат моего деда, Игорь Владимирович.

Первая мировая война внесла свои коррективы. В 1917 г. семья решила переехать поближе к родителям в старинный купеческий г. Галич Костромской области. Прадед приобрел акции и стал директором-распорядителем Кожевенного завода. Дела на заводе шли хорошо, продукция в виде сапог поставлялась и для Красной Армии. Кроме основной деятельности на заводе прадед мечтал внедрить свой дипломный проект об электрификации Галича. Настойчивость привела к успеху, и к началу 1921 года в Галиче была пущена электростанция мощностью 225 кВт. По словам жителей, электростанция работала и обеспечивала город до середины 50-ых годов прошлого столетия.

В 1919 г. у Варвары и Владимира родился второй сын. Его назвали Всеволод, но прожил он недолго и умер в младенчестве, похоронен был в Галиче. Варвара Ивановна в это время работала в Галичской гимназии

преподавателем. В Галиче семья пополнилась, приехала младшая сестра Владимира Александровича, Анна (ее называли в семье Нюрой), и поступила в гимназию для завершения среднего образования. 1921 г. был отмечен рождением третьего сына. Так появился на свет мой дед. Назвали его Всеволодом.

В 1922 г. семья переехала в Казань. По приезду в Казань Владимир Александрович работал заместителем начальника технического отдела Совнархоза и вел научные исследования в области научной организации труда. В Казани в этот период, после длительного строительства, было подготовлено здание электростанции имени III-ей годовщины ТАССР (где теперь находится театр им. Галиаскара Камала). Прадед взялся за руководство монтаж оборудования. Успешно и быстро выполнив монтаж, он пустил станцию в эксплуатацию, получив грамоту ВЦИК. В этот период произошло ещё одно событие, оказавшее влияние на дальнейшую жизнь. В 1923 г. в Казани проходил Всесоюзный ликвидационный съезд партии эсеров. При подготовке его Владимира Александровича пригласили в ОК КПСС и предложили председательствовать. Сколько он ни говорил, что он никогда не был членом партии эсеров, ничего не помогло, ему сказали, что это задание компартии. Съезд он провел, и за ним установилось прозвище «эсер», хотя он им никогда не был.

26 июня 1925 г. Владимир Александрович пустил в ход электростанцию имени III-ей Годовщины Татарской Республики. Это было крупное достижение и ценный вклад в хозяйство РТ. 5 февраля 1926 г. ЦИК ТССР выразил благодарность В.А. Вишневному. В 1927 г. Владимир Александрович был назначен директором треста «Эльводтрам» (Электричество, вода, трамвай). Обеспечение электричеством, водой и трамвайными перевозками в Казани лежала на нем, после ликвидации треста он был переведен в Казанский

Горисполком, где стал главным инженером Горкомунхоза. В начале 20-х гг. брат прадеда, Александр Александрович, окончил контракт и выехал в США. Оставшаяся в Казани, семья переехала на улицу Гоголя, а затем, купила дом №16 по ул. Поперечно-Академической. В доме в это время появился телефон (№6-25). Частенько ночью звонили по телефону и сообщали о какой-либо аварии в городе, прадед уезжал на присланной автомашине и возвращался после ликвидации аварии. В общем, всё действующее оборудование и основные фонды были старыми, поэтому аварии происходили, а работа была довольно тяжелая и беспокойная.

В 1929 г., очевидно, надеясь, на рождение дочери, Владимир Александрович и Варвара Ивановна решили родить еще одного ребенка. Так появился на свет младший брат моего деда, Владимир Владимирович.

В начале 30-х годов Владимир Александрович перешел на более спокойную работу: техническим директором завода Пишмаш, совмещая с преподавательской работой в Казанском институте инженеров коммунального строительства (КИИКС) и Казанском авиационном институте (КАИ). В 1934 году он перешел целиком на должность старшего преподавателя КИИКС. Владимир Александрович, будучи прекрасным лектором-докладчиком, успешно вел курс городских дорог в КИИКСе и научную работу по тематике Академии Наук, в области исследований «блуждающих токов».

5 января 1938 года ночью в дом явились представители прокуратуры, начался обыск. Изъяты фотографии, документы, книги и т.д. Всеволод Владимирович, мой дед, рассказывал о тех событиях, передавая детские воспоминания: «Меня отправили в свою комнату. Потом и ко мне пришли. Начали перебирать мои тетради, учебники, очевидно, смотрели, зачеркнул ли я врагов народа – Бубнова, Бухарина; отца увели, обвинив во вредительстве (ст.58 п.7), и посадили в тюрьму под Кремлем, где он уже был в 1908 г.». На допросы Владимира Александровича водили в прокуратуру на улице Кремлевской (тогда ул. Ленина). Он шёл, сопровождаемый одним или двумя

вооруженными милиционерами. В городе его многие знали. Некоторые прохожие вежливо здоровались с ним, некоторые стыдливо отворачивались. Прадед привлекался по делу Горсовета, где было арестовано более 100 человек, бывших работников во главе с председателем Павлом Васильевичем Аксеновым.

В январе 1939 г. состоялся суд. По делу Владимира Александровича и главного инженера Водоканала Сошко был назначен московский защитник Виноградов. По решению суда многие были освобождены за отсутствием преступления, а дело отправлено на пересмотр. На доследовании сменился следователь, вместо Переверзева, дело стал вести Рубцов. Где-то, в мае домой к Вишневым пришла женщина и представилась, как сестра Рубцова. Она сказала Варваре Ивановне, что если заплатить 5 тысяч, то на следующую ночь Вишневы В. А. будут дома, дала свой адрес. Варвара Ивановна с сыном Игорем после ее ухода пошли в НКВД. Их выслушали и дали денег. Варвара Ивановна понесла их Рубцовой. В момент передачи ворвались милиционеры. В общем, Владимир Александрович действительно пришел домой, дело было закрыто, всех выпустили, кроме председателя Горсовета П.В. Аксенова, дело которого перешло в НКВД. Прадед получил компенсацию за прогул и продолжил работу в КИИКСе.

1939 г. начался успешно для членов семьи Вишневских: был освобожден Владимир Александрович; Игорь Владимирович, закончив КХТИ, перешел на работу на СК-4; Всеволод Владимирович (мой дед) окончил школу и успешно поступил в КИИКС. Владимир Александрович сдал кандидатский минимум, успешно занимался кандидатской диссертацией, был избран доцентом, но в звании не утвержден. В январе, досрочно сдав зимнюю сессию на «отлично», Всеволод Владимирович был призван в армию.

В мае 1941 г. был получен приказ о ликвидации КИИКСа и передаче кадрового состава и имущества в КАИ. Прадед, несмотря на эти решения, в начале июня 1941 был командирован в Москву, а затем в Ростов-на-Дону. Это

позволило ему увидеться со своим братом Василием и его семьей. Вскоре после возвращения из командировки началась война. Владимир Александрович и Варвара Ивановна знали, что их сын, Всеволод, служил на западной границе, но он не успел сообщить им, что направлен на курсы в Могилев на Днепре. Очевидно, было много переживаний, но еще более черные дни наступили 7 июля 1941 года, когда Владимир Александрович был вновь арестован органами НКВД.

При обыске были изъяты радиоприемник, ружье. Прадед был направлен в следственный изолятор НКВД. Условия ужасные, у него начали отекать ноги и выявились другие недуги. За 10 месяцев пребывания в тюрьме НКВД он превратился из здорового человека в инвалида, с трудом передвигавшего ногами. Его перевели в ИТК (Плетеневской колонии) где, хотя, и работали инженеры по специальности до 12 часов в сутки, но обеспечивались прекрасным, для военного времени, питанием, достаточно хорошими бытовыми условиями, имели возможность писать и получать письма, даже иногда видеться с родственниками. Также, по состоянию здоровья, ему назначили спецпитание. Состоялись свидания Владимира Александровича с Варварой Ивановной и с их сыном, Володей. Иногда, из ИТК вызывали к следователю.

28 ноября 1942 г. Особым совещанием при НКВД Владимир Александрович был приговорен к 10 годам лишения свободы за контрреволюционную агитацию (статья 58 п. 10). Было и повторное решение, изменившее срок до 15 лет. Владимир Александрович был перемещен в Свияжскую колонию (ИТК № 5). Питание там было очень плохое, условия ужасные. В начале 1943 года Владимир Александрович был направлен для «работы по специальности» в Темниковские лагеря (МАССР, почтовое отделение Явак, п./я 241). Установилась переписка прадеда с родными. Письма прадеда носили обнадеживающий характер, хотя, конечно, в лагерях было очень плохо с питанием. В сентябре Варвара Ивановна получила последнее

письмо, и дальше, никаких новостей. В начале зимы пришел милиционер и сказал, что В. А. Вишневский скончался в заключении. Это была тяжелая утрата для всех в семье. Особенно тяжело было Варваре Ивановне, но она стойко перенесла и это испытание, продолжая работу в госпитале. Когда их сыну Всеволоду сообщили об этом, руководство дивизии нашло возможность послать его в командировку в Казань, чтобы он мог поддержать свою маму. Дед вспоминал: «Время шло, наступил конец проклятой войне. Все торжественно праздновали Победу. Конечно, было трудно с продовольственной проблемой. Выручали несколько огородов».

В марте 1946 г. Всеволод Владимирович прибыл по демобилизации (из города Вены), в 1946 году с отличием окончил в Москве спецшколу Володя (его брат) и поступил успешно в городе Ленинграде в ЛАУ-2. Продолжал работать на СК-4 Игорь (старший брат). Вроде все было хорошо, но жилось в послевоенный период тяжело. Чтобы помочь семье, пришлось заниматься экономическими вопросами. Семье пришлось продать дачу на снос казанским застройщикам, дом на Поперечно-Академической улице. Вместо него купили второй этаж дома №13 на улице Вишневского (в то время она называлась Академической). С 1946 года Варвара Ивановна проживала в нем, сначала с семьей Всеволода, затем с семьей Владимира. После реабилитации прадеда, прабабушка устроилась библиотекарем в школу № 28, пользовалась большим уважением коллектива школы и учеников, работала с большим увлечением.

В 1956 г. дело по обвинению В. А. Вишневского было пересмотрено, постановление особого совещания при НКВД СССР в отношении В.А. Вишневского отменено, и дело прекращено. Было объявлено о посмертной реабилитации Владимира Александровича.

Вохмина Юлия Николаевна

Родилась 28 июля 1934 г. Во время войны проживала в г. Сарапул Удмуртская республика.

Война забрала всех родных....

Я узнала о начале войны по радио, после радиозэфира, который слушали папа, мама, я, и моя сестра Тоня, не хотелось верить, что это начинается. Лица всех членов семьи приобрели опустошенный вид, в глазах виднелся страх, непонимание, что делать дальше. С друзьями я виделась редко, все работали, а по вечерам сидели дома. Жизнь кардинально поменялась. Все, кто мог работать, уходили на заводы. А мужчины уходили на фронт. Так ушел мой дед, Вохмин Александр Сергеевич. Это было очень горькое расставание, помню, как сейчас, мы всей семьей стояли у перрона, мама и бабушка рыдали, отец не хотел отпускать деда, моя сестра, обняв маму, плакала ей в старое платье. Точно не помню, почему не призвали отца, то ли он был необходим на заводе, то ли из-за его болезни. У моей бабушки были братья, трое, и их она проводила раньше, так что ее горе было особенно большим.

Папа работал на заводе. В нашем городе к тому времени был завод по производству радио и электроники. Поэтому в годы войны, там трудилось очень много людей, радио было необходимо для боевых действий. Завод работал на полную мощность. Как и по всей России, заводы с западной части

страны эвакуировали на Урал, в Сарапул переместили завод ЭГЗ (Электрогенераторный завод), который производил и производит до сих пор двигатели для летательных аппаратов, самолетов, вертолетов. Мама работала на ферме.

Когда началась война, папа заболел еще больше, помимо его старой болезни, у него на ноге выросла шишка. С каждым днем отцу становилось хуже, мы уже не знали, чем ему помочь. Жилось нам и так тяжело, так еще и с больным в доме, представить худшего нельзя было. У нас была корова, все надеялись, что хоть с ней будет чуть-чуть проще. Потому что корова – это мясо, молоко. Но папа велел зарезать корову, и продать мясо, чтобы увезти его на операцию, которая могла остановить опухоль. Отец всегда был главным в семье, поэтому перечить ему никто не посмел, хоть и была корова нашей кормилицей. Все сделали, как сказал папа, но мы не успели. Он умер.

Вся наша семья осталась совсем без мужчин, и из взрослых осталась только мама. До смерти отца приходили письма бабушке, все трое ее братьев погибли на фронте, потом и дед. Бабушка не выдержала таких ударов судьбы, ее похоронили зимой 1941 года. Я видела, в каком горе была моя мама, но эта женщина не сдавалась, она была настолько сильная, что не бросила нас, не оставила все, а стала работать еще больше. Мне было жалко ее, моя старшая сестра Тоня помогала ей во всем, а я многое не могла, была маленькая. Сарапул находится на берегу реки Камы, город небольшой, но окрестности богатые лесом. Маму отправляли на лесозаготовки и на повал леса за другой берег Камы. Когда она возвращалась с лесозаготовки, было страшно смотреть на ее тело, она вся была в клещах, по всему телу виднелись отеки, человек, который работал весь день, приходил домой и в первую очередь кормил своих детей. Сильный человек.

Кушать нам было нечего, но мама все равно пыталась в первую очередь накормить меня и Тоню. А Тоня подойдет к маме, возьмет свою порцию и скажет: «Кушай мама, кушай, пожалуйста, тебе нужно поесть». Слезы наворачиваются от такого. Нашим изысканным блюдом была заваруха – суп из

муки, а больше в нем ничего и не было. Вот как жили: мука была радостью. Ходили мы кто в чем, рваные тряпки, старые одежды, лишь бы теплее было. На ногах – лапти, в которых было невозможно ходить, но ходили. Ноги примерзали к ним. Как-то раз маме тетка (папина сестра) дала буханку хлеба, она работала на продовольственном складе, попасть туда и вынести что-то было трудно. Все подсчитывали, каждый грамм был на счету. Счастливая, что ее дети и она сама покушает, мама возвращалась домой. А дорога была неблизкая, и в очередной раз не повезло. По пути домой мама встретила каких-то парней, они увидели буханку хлеба и недолго думая, отобрали ее. Сказать, что мы потеряли «золото» – не сказать ничего. Мама вернулась домой, вся в синяках, села на пол и заплакала. Я подошла к ней, обняла, сказала, что все будет хорошо, что все вместе мы сильные, что у нас получится преодолеть это несчастье.

Мама часто плакала. Остаться одной с двумя детьми – тяжелое испытание. Я смотрела на нее, мне было очень жалко, но помочь я могла мало чем, и все-таки старалась сделать все, что могла. Весной, когда сошел снег, мы собирались в поле, чтобы найти колоски, которые можно было кушать. До сих пор мне не понятно, как они переживали зиму, возможно под снегом, ведь под ним теплее, чем на открытой местности. Придя на поле, принимаешься за сбор этих колосков, соберешь и кладешь в тряпочку, корзинок то не было. Очень уж мы голодали, как и все люди, поэтому брали все, что давала природа, каждое зернышко. А в рот ни капли, потому что все домой. Бывает, во время сбора смотришь на это зернышко и думаешь: «Съем одно, ничего не будет», и вспоминается мама, как она, приносит каждый грамм домой, ничего себе не оставляет, лишь бы ее дети были не голодны. Сразу перестаешь думать о том, чтобы поесть, маму жалко. Насобирав еды, возвращаетесь домой, торопясь, но не сильно, сил то уже и нет, на завтрак, потому что пару грамм хлеба было, но холод не дает останавливаться. Встанешь и замерзнешь, еще хуже только будет. Приходишь домой, и сразу к печке. Вечером мама приходит, не показывая

уставшего вида, улыбнется нам, спросит, как день наш прошел, выложит еду на стол и ложится спать.

А спали мы на соломе, простая солома, которую и истопить можно было в случае необходимости. Спалось, конечно, плохо, твердо, постоянно все чесалось, втыкалось в тело. Но после трудового дня, выбирать не приходилось, отдохнуть нужно и снова идти работать. А утром вставала я рано. Помню, встану, смотрю по сторонам, а никого уже нет. Мама на работу ушла, а Тоня уже чем-то занята. Так и получалось, что я – засоня, дольше всех спала. Не всегда получалось позавтракать, могло ничего не остаться из еды. Лекарств не было, лечились только народными средствами, мы и не видали, как выглядят эти таблетки, все отправляли на фронт, солдатам, им было нужнее. Одежды у нас было мало, но хоть какая-то была. Меня одевали в фуфайку, она была большой, толстой. Тоня как могла сильнее заворачивала меня в нее, чтобы ничего не разошлось, не отвязалось, пока я иду. Из-за этой тяжелой фуфайки я постоянно падала на улице и не могла встать, она была не моего размера, но опять же, нам не приходилось выбирать. Бывало, поскользнешься, упадешь, крутишься, крутишься, все пытаешься подняться, и не получается. Полежишь, отдохнешь пару секунд и снова.

Летом было легче жить, чем зимой. Если зиму переживали с трудом, то летом было что поесть, не нужно было искать и надевать теплые вещи, утеплять всевозможно дом. Да и болели летом меньше, поленьев нужно было меньше, обогреть то нечего. Но, война то продолжалась. И с каждым разом все больше и больше умирало людей. Становилось страшнее и страшнее, новостей с фронта было мало, далеко мы жили.

Кушать дома было нечего, и мы собирались на «вылазки». В таких операциях участвовала и я. Мы собирались небольшой компанией, представляли себя особыми солдатами, которым нужно было пробраться на территорию и захватить груз. Кто-то мазался грязью, кто-то рвал траву или ломал ветки и маскировал себя с помощью них, а кто-то просто шел вперед.

Территорией для проведения операции были выбраны сады. Парни перелезали через забор, а девочки в основном пролазили под ним. Тихонько пробираясь сквозь кусты, ползя как разведчики, мы продвигались к пункту назначения. Необходимо было не попасться охраннику, и забрать как можно больше груза. Грузом же для нас был горох. Его и достать легко, лезть на дерево не надо, и унести можно много. Некоторые попадались, председатель ловил детишек и отбирал у них горох, а потом и бил кнутом, чтобы неповадно было воровать. Приходила я домой вся в синяках, с красными царапинами.

Когда нужно было учиться, мы садились за стол, доставали кружку, ставили лучинку и зажигали. Читали мало, книг почти не было, а те, что были и то, уже давно прочитали. Несмотря на военное время, в школе нас заставили учить стихотворения, писать красиво и говорить правильно. Так же мы изучали предметы, которые сейчас не преподают. Нас учили, как перевязывать раны, из каких деталей состоит автомат.

Как-то я слышала, что Тоня сказала маме: «Похоже, пришел мой конец, бессмысленно тратить на меня еду, вам еще жить долго, лучше отдай Юльке». По моему лицу потекли слезы. Я не хотела верить в это. У Тони начал развиваться туберкулез. Вскоре она скончалась.

После смерти Тони, мама совсем стала опустошенной, а я теперь делала домашние дела, иногда помогала на ферме. И вот она победа! О завершении войны я узнала от мамы, когда она пришла рано с работы, села и заплакала. Я не могла понять, что случилось. Мы долго сидели в обнимку и просто молчали. После чего мама подняла свое голову и сказала мне: «Мы победили». У меня тоже побежали слезы. На этой войне я потеряла дедушку, троих дядей, бабушку, отца и сестру.

Вырупаев Виталий Григорьевич

Родился 12 декабря 1934 года в селе Куфтино Парангинского района Марийской АССР.

Суровые, грозные годы

Мои детские годы пришлось на те суровые, грозные годы. Село Куфтино, где я родился, немногочисленное, проживали в нем в основном марийцы. Трудолюбивые, дружные, незлобивые люди. Жили в прекрасном месте, окруженном бескрайними марийскими лесами. Родители работали в колхозе, чтоб прокормить четырех сыновей, держали хозяйство: кур, корову, овец. Жили ладно, в мире. Когда же пришло сообщение о начале войны, мой отец Вырупаев Григорий ушел на фронт.

Первое, чем запомнилась война, это заплаканные лица жен и матерей и очень глубокое огорчение, ведь 1 сентября я должен был пойти в школу. Проводив мужа на фронт, моя мать Анисия Ильинична, продолжала работать в колхозе, как и все женщины. Но так как не все было по силам, на помощь звали старших сыновей. С 1 сентября 1941 года я учился в местной школе. Воспоминания об учебе смутные, потому что очень часто приходилось идти в поле помогать матери и старшему брату или же присматривать за младшими – 5-летним Сергеем и 3-летним Михаилом. Весной сорок второго наравне со взрослыми я вышел в поле, пахал и сеял. Ходили с матерью в лес, богатый грибами и ягодами. Чтоб как-то прокормить скотину, вместе со старшим

братом Геннадием ходили по оврагам, собирали лошадиный помет. Радостным событием в эти дни были редкие письма с фронта. Самым трудным, как помню, для нашей семьи был сорок третий год. Зимой заболели младшие братья ветряной оспой, болели тяжело, лечили народными средствами. Да только младшего братишку Михаила выходить не удалось, у среднего же Сергея остались глубокие шрамы на лице и спине. Становилось голоднее. Ели все, что припасли с осени, но старались экономить, лишь бы дотянуть до весны. Из кулинарных изысков были оладьи из гнилой картошки.

Но еще одно страшное испытание выпало в этом году. Летом пришла похоронка на отца, Вырупаева Григория, погибшего в Польше (место захоронения так и не найдено). После этого мы в один миг повзрослели. Вместе с братьями и сверстниками помогали женщинам готовить дрова, работали в колхозе. Все чаще хотелось есть, ведь даже очистки от картофеля в этот год шли на посадку. Было тяжело: днем – работа на колхозном поле, а вечером с матерью вязали носки и варежки для фронта. Но трудно было всем.

Когда закончилась война, мне было 11 лет. Начали возвращаться с фронта односельчане, раненые и искалеченные. Дети все также помогали в колхозе. Но становилось веселее. Окончив семь классов, я остался работать в колхозе, потому что тяжело болела мать.

В 1950 году вся семья переехала в село Шеланга Верхнеуслонского района Татарской АССР поближе к родственникам. Здесь началось строительство плодовоовощного завода, в котором принимал участие и я. От завода меня направили на курсы водителей. Отсюда и призвали в армию. Служил на Дальнем Востоке в пограничных войсках. А вернувшись из армии, продолжил работать на родной земле.

Габдрахманова Сания Султановна

Родилась 15 июля 1924 года в селе Малая Атня Атнинского района Татарской АССР.

С началом войны жизнь изменилась

22 июня 1941 года... Мне тогда было 16 лет. В тот день я работала на поле, мы всей деревней занимались полевыми работами. Вдруг прибегает соседский мальчик и сообщает о начале войны. Я отчётливо это помню, хотя в тот момент не так сильно переживала по поводу войны, ведь кого можно было потерять – я уже потеряла. Моя мать умерла после того, как родила ребёнка, младенец без матери тоже не выжил. После этого отец взял в жёны другую женщину, и, как бывает во многих сказках, мачеха наша была злой и раздражительной. Однажды после ссоры с отцом, она кинула в него топор. Отец умер через 13 дней от заражения крови. Мачеху судили и отправили в лагерь. Я осталась одна с младшим братом и сестрёнкой. Так и встретила войну. Я не приняла войну как нечто ужасное, была юной и не переживала за брата и сестру, их же не возьмут на фронт. Мы жили в Атнинском районе, где не было ужасов войны. Но соседи, родственники уходили на фронт. Это было общее горе на всю деревню. Кто-то провожал единственного сына, кто-то – единственного кормильца. На войну ушли и, к сожалению, не вернулись мой двоюродный брат и дядя. Я проводила и своего молодого человека, не зная, что больше никогда с ним не увижусь.

С началом войны жизнь изменилась. Уже не так громко смеялись соседки, не бездельничали детишки. Зимой 1941 года меня отправили на работу в Буинский район. Женщины там должны были плести лапти, а мужчины обрабатывали дерево. Нас заселили в заброшенный дом, жили по 12 человек. Хорошо, что нам платили какие-то деньги, на которые я могла покупать еду и не голодала. Мы, дети, оторванные от родного дома, всячески поддерживала друг друга, вместе готовили, варили картошку. 1941 год был для меня самым тяжелым.

Я вернулась в марте 1942-го года в свои края и устроилась работать в пожарную часть в деревню Большая Атня. За это время мои друзья стали трактористами, некоторые уехали работать в Казань. Я переживала за судьбу брата и сестры, которые жили у соседей, пока меня не было. И, к счастью, на рынке я встретила женщину, которая помогла мне устроить их. Мы отправились в Казань. Сестру Саиму взяли на меховой комбинат, обучили и дали работу. Брата Мансура устроила в мебельный цех. Они не голодали, жили не плохо.

В пожарной части я была и охранником, и тушила пожары, и перевозила начальников на лошадях в Казань. Я жила одна в своём доме. Как могли, мне помогали соседи: жалея, пускали к себе переждать зиму, чинили забор, ремонтировали печку. Я копала погреба для картошки, огороды. Как-то за это мне дали батистовый платок. Не помню, чтобы я голодала. Я много работала: и в пожарной части, и в колхозе, и плела лапти, вязала шаль. Были деньги на еду. Бабушка, которая доила коров в пожарной части, тайком давала мне молоко, масло, которые были предназначены для жён начальников. Но вот пряники для меня были настоящим лакомством, я любила сладкое, но в годы войны их сложно было найти.

Кто остался в деревне, много работал. Но были и развлечения. Молодёжь ходила в клуб, организовывала игры на холме. Парней было мало: их забрала война. Книг у меня не было, и училась я только 4 класса. После смерти матери

перестала ходить в школу, надо было работать. В годы войны у нас в деревне была школа. Взрослые возили дрова, топили печь, чтобы детишки учились. Праздников у нас не было. Мы не знали дни рождения, особо не отмечали Нового года, не устраивали Сабантуи. Бывали редкие моменты, когда устраивали маленькие спектакли, иногда даже организовывали кино. В те вечера собиралась вся деревня. Это было для нас неким отдыхом, порою даже праздником.

На протяжении четырёх лет были и моменты отчаяния. Я сильно уставала, работала наравне с мужчинами. Одни за другим приходили письма о смерти родных, друзей, знакомых. А однажды моя подруга (она работала на почте) дала прочитать письмо, написанное родителям моего парня. Он погиб от взрыва бомбы. Друзья, соседи, постоянная работа давали мне силы переносить эти ужасные события. В соседнюю деревню эвакуировали детей, а в нашу – одну женщину. Она работала в НКВД (Народный комиссариат внутренних дел) и после войны уехала к себе домой.

9 мая 1945 года я пришла в пожарную часть и узнала о победе. Я радовалась, что настал мир в этом мире, но скорбела по тем, кто не вернулся с этой кровопролитной войны. У некоторых соседок возвращались мужья и сыновья. Некоторые воевали до 1947-го года. Объявление о Дне Победы – самое радостное событие за все годы войны.

Гайнутдинова (Мамакова) Мария Дмитриевна

Родилась 23 сентября 1923 года в г. Казани. Во время войны работала учителем в с. Шали Пестречинского района ТАССР.

Воспоминания о военном времени.

Отец, Мамаков Дмитрий Васильевич, был председателем сельсовета. Мать, Анна Степановна, была простым рабочим. В 1930 г. поступила в Казанскую школу и окончила ее в 1938 г. Впоследствии поступила в Казанское педагогическое училище, где продолжала учебу до самого начала войны. Когда началась война, была отправлена в д. Шали Пестречинского района,

расположенную в 35 километрах от города, обучать детей младших классов.

На фото брат Е.Д. Мамаков

Родной старший брат Мамаков Никифор Дмитриевич был директором школы, в 1941 г. забрали на фронт, умер в госпитале в марте 1943 года. Отец ушел на фронт добровольно, сразу

же, как началась война. Умер в 1943 г. под

Свердловском от тяжелого ранения. Чуть позже забрали младшего брата Мамакова Егора Дмитриевича, который успешно прошел войну до самого конца, получив немало орденов и медалей. Всего в семье было 8 детей.

Мне было 17 лет, когда началась война. День 22 июня 1941 г. поначалу не предвещал ничего плохого, было все как обычно. Вечером неожиданно пришли родственники и сообщили, что Германия напала на границы СССР, всех начнут забирать на фронт. Никто толком не мог поверить и понять, что будет дальше. Отец сразу заявил, что уходит на фронт добровольно, тогда еще никто не мог представить, впереди всех ждет 4 года непередаваемого ужаса. Мама сразу поняла, что сыновей тоже заберут на фронт и начала плакать. Все, кого я знала: друзья, соседи, родственники – все начали суетиться, не находя себе место.

Все начало меняться, мне пришлось бросить учебу в педучилище и уехать в деревню Шали Пестречинского района, где я стала учителем младших классов. Еды практически не было, не было даже хлеба, жизнь стала чрезвычайно трудна, горе и страх поселился в каждой семье. Мужчин совсем не осталось, все хозяйство перешло на плечи женщин. Я всегда старалась помогать маме, когда у нее не оставалось сил стоять на ногах. Вся живность, куры, все погибали от нехватки корма. Помню, что в 1941 году была засуха, даже картошки не было, страшное время началось для всех...

Папа взял только самое необходимое и мы проводили его до самого вагона поезда. Мама плакала, я тоже не могла сдержать слез. Было очень много людей, провожающих на фронт. Мужчин практически не осталось в городе, даже старики и мальчишки уезжали на фронт. Братьев тоже потом забрали, никто и не думал, что мы больше не увидим отца и брата. Я безмерно счастлива, что второй брат Егор остался жив и здоров.

Все дети помогали, даже самые маленькие не были в стороне. Я вне учебы работала на полях, мы собирали пшеницу и картошку, везде, где требовалась помощь, я старалась помочь. Многие мои друзья мальчишки работали на станках в городе, некоторые почти без отдыха, кроме них в конце

войны почти некому было работать, женщины падали от невыносимых темпов, мужчин и вовсе не оставалось. Государство практически ничего не выдавало из продовольствия. Мы же переехали в деревню после начала войны и нам повезло, что оставались запасы муки, лепешки и блины были самым лакомством, которое можно было представить, но этого мы почти не видели. Коров, куриц всех животных государство забирало, либо они погибали от нехватки корма. Иногда приходилось готовить из кожуры картофеля, а иногда и вовсе голодать, детей было жалко, даже на них не хватало еды. Летом все старались как можно больше посадить картошки и прочих овощей, чтобы зимой не умереть, трудно было очень с продовольствием, что тут сказать.

Понятия отдыха мы не знали, нам времени на сон практически не оставалось, а про чтение книг никто и не думал, все силы были брошены на помощь стране. Все пытались помочь друг-другу, чем могут, но у каждого хватало своих проблем, как выжить, как прокормить своих детей, как выстоять перед наступающей зимой. Часто ходили в лес, выжить зимой без дров невозможно, срубить дерево и вручную донести до дома тоже было не легко. Самые тяжелые годы были 1943 – 1945 гг., одежды почти не было, ходить было не в чем, зимой становилось совсем плохо, не хватало еды, не хватало всегда дров, но люди не отчаивались, все всегда верили, что мы обязательно справимся, что мы обязательно выиграем, что нужно только пережить эти тяжелые времена, а потом обязательно все будет хорошо. Вести о том, что погиб отец, а затем и брат, были самыми страшными, я тогда не могла успокоить маму, ее лицо было таким горестным, каким я не видела никогда в жизни. Нам сообщили об этом 31 марта 1943 г.

В 1941 г. мы еще не осознавали, какие трудности нас ждут впереди, особенно страшно было, когда немцы дошли до Москвы, мы боялись всего этого, но настроение более-менее изменилось к 1944 г. , когда наши войска погналы врага обратно, в людей начала вселяться вера, что вот он конец настает всего ужаса, в 1945 мысленно все понимали и осознавали, врага на нашей

территории уже нет, армия погнала его обратно в Европу, стало морально легче.

Радостных моментов во время войны быть не могло, только, когда приходило письмо от оставшегося живого брата – это было радостным моментом, а так не было повода быть веселым, когда война идет. Война хоть и была, но праздники старались отмечать, Новый год, 8 марта и другие праздники мы отмечали, но без особого веселья. Самым счастливым днем – это был день, когда узнали о том, что война кончилась, вам этого не понять сейчас, мы праздновали победу всей деревней. Тот день я отлично помню, было утро, около шести часов утра, я проснулась, мама ходила, занималась хозяйством, вдруг, стук в дверь, мама открыла, а там директор школы со слезами на глазах и громким голосом говорит: – «Вставайте! Вставайте! Война кончилась!». Я вскочила и выбежала на улицу, вся деревня кричал: «Ура! Ура!». Этот день я запомнила на всю свою жизнь...

Позже приехал брат, мы с мамой и с сестрами встретили его, около часа мы не могли поверить, что он стоит перед нами живой и здоровый, это тоже был один из самых счастливых дней моей жизни. Он нам потом долго рассказывал о своих заслугах и моментах, когда ему приходилось сталкиваться лицом к лицу с врагом. Он прошел войну до самого конца и встретил победу в Берлине. Я очень гордилась, что у меня есть такой отважный брат, который воевал и остался жив.

После войны мы всей семьей вернулись в город. Я пошла работать на завод «Точмаш», потому что страну нужно было поднимать. Первые годы было очень трудно, еды все еще не хватало, не было одежды и элементарных необходимых вещей в быту, но после пережитого во время войны для нас это казалось мелочью. Потом я вышла замуж, родила четверых детей, проработала всю жизнь на заводе и вышла на пенсию, я рада, что про нас не забывают и интересуются, надеюсь, что войны больше никогда не будет, потому что это все настолько страшно, что вам даже лучше не знать.

Галимов Гаяз Гайсович.

Родился 15 ноября 1938 года. Во время войны проживал в деревне Новая Амзя Тельмановского (Нурлатского) района ТАССР, затем – в г. Нижнекамске.

Состав семьи во время войны: мать – Каусар Галимова, отец – Гайса Галимов и еще шестеро детей: Ибрагим, Шагит, Вагиз, Разия, Рахима и Амина. Образование у отца было только начальное, закончил 3 класса, во время войны работал кузнецом на несколько колхозов, поэтому ему дали бронь от призыва. Задолго до войны вступил в колхоз, но не хотел отдавать свою лошадь. Из-за этого его раскулачили и посадили в Мелекесскую (сейчас Димитровград) тюрьму. Отца выпустили из заключения, колхозу нужны были его «золотые руки» кузнеца. А с началом войны, когда все мужчины ушли на фронт, отец трудился день и ночь не покладая рук, налаживая различную сельхозтехнику. Мать трудилась в колхозе на различных работах.

Старшего брата в 1938 г. призвали в армию. В 1939 году он без вести пропал на Дальнем Востоке, во время советско-японского военного конфликта на озере Хасан в Уссурийском крае. В июле 1942 года умер отец. В августе 1942 года призвали 18-летнего брата Шагита на войну, он попал в Подмоскowie в танковую часть. А через пять месяцев после смерти отца умерла мама. Она выскочила босиком на улицу осенью, когда ночью на другом конце деревни от удара молнии начался пожар. Простудилась и уже не смогла поправиться.

Так я в один год в 4-хлетнем возрасте остался круглым сиротой. За мной

присматривали брат Вагиз и сестры – в то время сами ещё дети. Помню было голодно и холодно. Дрова кончились. На санках из леса возили хворост, но от него было мало тепла. Несколько семей собирались вместе и шли в лес, одним детям было боязно, в лесах много волков.

Что касается одежды, то носили за старшими. Я сам носил вещи и за братьями, и за сестрами. Никто не жаловался и не выбирал. Покупать одежду по размеру было негде, да и не на что. Шили сами, добавляли заплатки. Вся одежда была в заплатках. Но вместе с тем, чистая, постиранная и аккуратная. На ногах носили лапти. Я сам научился их делать на деревянных подошвах и менял их на что-нибудь ценное. Во время войны, жили очень бедно, еды было мало. Из пропитания основной ингредиент всех блюд была картошка. Из нее, даже если она была не очень свежая, а иногда и гнилая, делали лепешки. Сушёные цветки клевера измельчали вместе с горстью ржи или пшеницы на ручной мельнице в подполе. Из полученной смеси готовили кашу. За работу в колхозе сёстрам не платили, но они по горсточке приносили зерно, которое мы прятали в подполе. Жили всегда со страхом, что эта горсточка зерна совсем закончится.

А ещё у нас была корова – наше всё: молоко, катык. Масла не было, потому что нужно было платить за корову налог, масло уходило на налог. Хотя это было очень тяжело готовить корм корове, мы её держали – это был залог того, что мы не умрём с голоду. Сил отбирало немерено, но другого пути не было, нужно было жить. Корм можно было готовить для коровы только в виде сушеного камыша с болот и вдоль речки. Благодаря общим усилиям мы смогли и огород поддержать, сажали картошку. Так же все вместе собирали ягоды и травы. Помогали на сенокосе.

Без общей помощи мы бы не справились. Я начал работать с шести лет. По наряду выходил пасти лошадей. Также работал при бороновании полей. Вёл по три лошади, запряженных в бороны. Когда выходил на пенсию все эти годы мне зачислили в стаж. То есть в 60 лет, у меня был трудовой стаж 54 года.

Колхозный архив в д. Новая Амзя сохранился отлично, все мои трудовни-палочки мне нашли.

О войне я сначала ничего не понимал, узнал, когда в августе 1942 ушёл на войну мой брат Шагит, до этого не помню, был маленький ещё. Помню, как вдовы собирались и плакали. В 1943 году призвали третьего брата Вагиза. Он попал в посёлок Суслонгер в Марийской республике, в учебный лагерь, печально известный преступно халатным руководством, продававшим продукты питания, вследствие чего условия обучения в лагере были крайне тяжёлыми. Жили солдаты в землянках. Ночью выходили к офицерской столовой, собирали рыбы головы, очистки овощей и жарили их на костре. Вернувшийся брат всю жизнь мучился от полиартрита и фурункулёза – следствие болотных землянок. В лагере они вручную заготавливали лес.

Помню 1944 год. В тот год с войны вернулся израненный брат Шагит: без глаза, без руки, без кожи на ногах, с осколочными дырками по всему телу. Потом мы узнали, что он воевал в рядах 11-ой танковой бригады, в 1943 году был ранен под Киевом. За свой подвиг был награждён орденом Отечественной войны I степени. Привёз с собой целый альбом рисунков: то, что видел за окнами госпиталей рисовал уцелевшей левой рукой. Затем он выучился на экономиста и работал на руководящих должностях, а также работал и художником-оформителем.

Хотя и говорят, что у нас отняли детство, и мы стали резко взрослыми, это не совсем так. Мы играли, конечно, намного меньше, чем до войны. Основной темой были военные игры. Мальчики мастерили разные игрушки из старых досок. В основном это были автоматы и другое оружие. Потом делились на команды, и стреляли или по вымышленным немцам, или по мишени, якобы настоящими патронами. Играть за немцев было не престижно и унижительно. Никто не хотел быть фашистом. Также любил играть в лапту. Еще делали мячи из дерева. Гоняли их, что-то подобие современного футбола. Я учиться в школу вовремя не смог пойти, так как у меня не было сносной одежды, пошёл через

год, когда вернувшийся с войны брат Шагит заказал в соседнем селе мне одежду. Домашнее задание выполняли, конечно, старались изучить побольше. Тетрадей и книг не было, из старых газет я сшил себе тетради. А книги были только у учителей. В деревне была только семилетняя школа. Я до обеда учился, а после обеда выходил на работу в колхоз.

Из праздников хорошо помню Октябрьский и Первое Мая. На эти праздники мы - дети готовили маршировку с песней. Я был всегда рослый и меня ставили на первый ряд, вместе со старшими. Учились мы в здании старой мечети в центре села. И по грязи в лаптях маршем и песней проходили по улицам.

После войны я выучился на многопрофильного тракториста, машиниста тепловоза, экскаваторщика в железнодорожном училище в Свердловске, где тогда жила вторая сестра. Я старался, хотел много зарабатывать, помнил своё голодное сиротское детство. Всю жизнь мне помогали профессии, полученные в Свердловске.

Ганиев Нурутдин Ганиевич

Родился 20 сентября 1927 года в д. Хасанишаих Балтасинского района. Капитан-лейтенант. Во время ВОВ служил на о. Кильдин в Баренцевом море. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

Родился я в бедной крестьянской семье. Мои родители были неграмотными, трудились в колхозе. Отец пользовался большим уважением у односельчан. Был очень добрый. К нему все приходили за советом. Родители мои учили нас уважать старших, не обижать младших, воспитывали в строгости. Я был старшим сыном в многодетной семье. Когда началась Великая Отечественная война, отец ушел на фронт, мне исполнилось 14 лет. Я стал главой семьи. В тяжелые военные годы пришлось бросить учебу в деревенской школе и пойти работать в колхоз. Это был тяжелый труд на разных работах. Пахали землю, сажали картошку, работали на сеялках, на прополке, косили косами траву, возили зерно, таскали мешки по 50 кг, заготавливали в лесу древесину и дрова на зиму. Приходилось работать наравне со взрослыми с утра до вечера. За работу давались трудодни. Ели в основном картошку, собирали ягоды в лесу, хлеба почти не было. Хлеб отправлялся на фронт.

В 17 лет я обманом ушел на фронт: купил за пять рублей свидетельство о рождении и добавил себе один год.

В конце 1944 г. нас, призывников, погрузили на товарный поезд и отправили на фронт. После долгой многодневной дороги мы оказались в г.

Мурманске, а после прохождения учебки и зачисления на Северный военный морской флот нас дислоцировали служить на о. Кильдин в Баренцевом море.

Во время Великой Отечественной войны о. Кильдин называли неприступным гранитным крейсером. Кильдин был включен в список наиболее важных стратегических объектов, так как находился на пересечении основных северных морских путей, выходящих из Мурманска. Это выход к Белому морю, а через Скандинавию в Европу. Выполнял роль форпоста с северной стороны.

На о. Кильдин были установлены секретные морские артиллерийские батареи и крупнокалиберные орудия, которые могли стрелять на большие расстояния. Здесь дислоцировались второй артиллерийский дивизион, шестой отдельный зенитно-артиллерийский дивизион противовоздушной обороны, радиолокационные станции, пулеметная рота, стрелковый полк, посты связи и наблюдения, а также морская больница.

На этом острове под землей был вырыт и построен целый подземный многоэтажный дом с различными сооружениями. Под землей размещались морские батареи, несколько этажей военного оборудования, склады для боеприпасов, для топлива. Также под землей находились жилые комнаты для матросов и моряков. Сверху практически ничего не было видно, и противник не мог обнаружить остров с воздуха. Морские подступы были надежно защищены нашими секретными морскими батареями от кораблей и подводных лодок противника.

Я начинал служить на о. Кильдин старшим матросом. Затем стал командиром артиллерийского орудия. Мы охраняли морские рубежи от немецких кораблей и подводных лодок. В зимнее время на острове было очень холодно, дули сильные холодные ветра, море было холодное и постоянно штормило. Мы в любую погоду несли караульную службу и в любой момент были готовы открыть огонь по противнику. Во время боевых дежурств моряки даже привязывали себя к орудиям, чтобы их случайно не унесло в холодное северное море. Был случай, когда сильным порывом ветра, одного из моих

товарищей унесло в море, и мы с трудом его спасли. Спали мы в землянках, которые были вырыты под землей. Это было сделано для маскировки, чтобы враг не мог обнаружить с воздуха. Наша военная служба была не из легких. Она проходила в сложных суровых условиях. Но моряки не унывали и достойно несли боевую службу, поддерживали в боевом состоянии морские батареи, тренировались. По вечерам рассказывали друг другу истории, пели военные песни.

В свободное от боевых дежурств время мы ловили морскую рыбу и готовили из нее уху. Была также и американская тушенка. Американцы были нашими союзниками и помогали провизией. Фашистские морские корабли боялись приближаться к острову Кильдин и обходили его стороной. Если немецкие корабли приближались к проливу, мы встречали их сильным прицельным огнем из морских орудий. За время службы не один вражеский корабль не прошел через этот пролив. Победу в Великой Отечественной войне мы встретили на острове Кильдин.

После войны я продолжил служить на Северном Военном морском флоте. Всего прослужил 7 лет, так как было необходимо охранять наши морские рубежи и после войны. За это время со звания старшего матроса, командира артиллерийского орудия я вырос до капитан-лейтенанта.

В 1951 году был мобилизован и приехал в г. Казань. В Казани я окончил вечернюю школу, историко-филологический факультет университета, затем аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию. Работал в комсомоле, долгое время преподавал в Казанском медицинском институте историю, философию и атеизм. До настоящего времени я веду активный образ жизни. Участвую в военно-патриотическом воспитании молодежи, выступаю перед школьниками, студентами, молодежью. Более 65 лет я живу в мире и согласии со своей супругой Хайретдиновой Раузой Кутдусовной.

Гибадуллин Гарифулла Гибадуллович

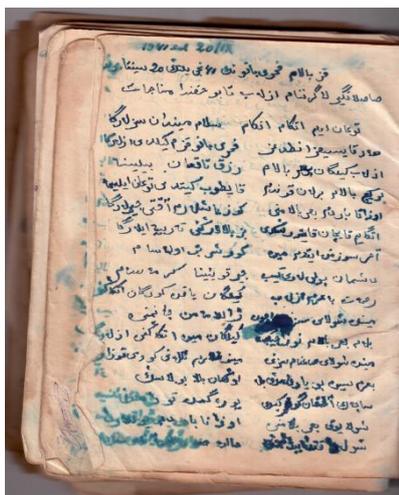
Родился в декабре 1903 года в деревне Большие Метески Пановской волости Лаишевского уезда Казанской губернии (ныне Тюлячинский район Татарстана). Уходит на войну в 1941 году, попадает в плен, в 1946 году возвращается на Родину.

«Молись, дед, молись»

Мой прадед Гибадуллин Гарифулла являлся участником Великой Отечественной войны. Ему, как и многим, пришлось пройти тяжелый путь длиной в четыре года. И, если бы не воля случая, он вряд ли вернулся бы живым домой. В детстве он получил образование в деревенском медресе, изучил там арабский алфавит. Впоследствии он стал человеком, строго следовавшим канонам религии. В 1925 году он женился на первой девушке в деревне Гафифе, став главой большой семьи, в состав которой входило девять детей.

Но война, начавшаяся в 1941 году, разрушила мирное течение жизни в деревне, забрав на фронт множество мужчин. Не только для солдат, но и для их семей, оставшихся без кормильца, начались тяжелые и страшные времена.

Гарифулла покинул деревню в августе 1941 года, прошел обучение в лагере Суслонгер, находившемся недалеко от Казани.

После лагеря Гарифулла отправился воевать на фронт, но, к сожалению, не известно в каком направлении. Позже, в результате окружения немцами, он попадает раненый в плен, осколок от снаряда попадает в ногу. В лагерях наши солдаты выполняли тяжелую работу и терпели ужасное отношение. Здесь он встретил военного украинского доктора, который спасает Гарифулла, и

чтобы предотвратить развитие гангрены, отрезает ему ногу ножовкой. После доктор ворует из госпиталя лекарства и передает их больному. Однако развитие гангрены не прекращается, таким образом нога моего деда была отрезана 13 раз. Во все время пребывания в лагере мой дед никогда не переставал молиться. И это сыграло определенную роль. Немцы, видя, что он молится, не трогали его, а лишь говорили: «Молись, дед, молись».

И все это время с начала войны Гарифулла вел дневник. Все записи в нем написаны арабскими буквами, в этом дневнике прадед писал не только о том, что с ним происходило, но также записывал молитвы и стихи.

Перед окончанием войны советская армия освободила пленных. Однако прадеду не суждено было так просто возвратиться домой. Он был отправлен в Москву и на протяжении трех месяцев его допрашивали, стараясь выяснить, не является ли он предателем. В 1946 году Гарифулла наконец-таки вернулся в Метески. В Казани ему установили протез, что помогло ему быстрее адаптироваться к прежней жизни. Он начал работать в колхозе, был бригадиром, одним словом, делал все возможное, чтобы помочь стране восстановиться после войны. А в 1983 году Гарифулла умер в возрасте восьмидесяти лет.

Гильманова (Гарифуллина) Энже (Энес) Талиповна

Родилась 27 мая 1929 года в д. Болгар Альметьевского района Башкирской АССР. Труженик тыла.

Учиться некогда было...

В очерке пойдет речь о моей бабушке. Она родилась в большой семье. Самая старшая из детей, поэтому рано приступила к трудовой деятельности. Трудовой стаж с 11 лет – трудилась в леспромхозе. В годы войны она и ее сверстники вязали лапти и отправляли их на фронт. Солдаты одевали лапти поверх обуви, чтобы беречь обувь при ходьбе по болотам. Я долго разговаривала с бабушкой, записывала ее воспоминания о военном лихолетье: много эмоций, мысли перескакивают с одного запомнившегося эпизода на другой, что-то уже позабылось, что-то додумалось. Решила не редактировать ее слова, не исправлять ничего, оставить рассказ в том виде, как услышала его я.

Даю слово Энже Талиповне: «Получали 150 грамм хлеба на каждого человека. 150 грамм – кусочек на целый день. И больше ничего. Не было ни крупы, ничего не было. На один месяц давали полкило крупы. Что это? Один раз сварить одному. Вот так вот жили. Тяжело было, очень тяжело было.

Жили тогда в Аше. Отца в армию не взяли. Ростом он маленький был, худой. А дедушки были на фронте, один с Ука, другой из Самостроя. Один был ранен, рука была прострелена.

Многие люди с голоду помирали, опухали. Есть нечего было. Траву ели. В огороде трава растёт – трава лебеда (красный корень) – ее варили. Ладно у кого корова была. Без коровы тяжело. И соли нет.

Мне тогда было 10 лет. На поезд не пускали. Украдкой на подножке ездили до Уфы – 100 километров. стакан соли – 30 рублей. Соль желтая какая-то была. Один раз поезд остановили где-то среди леса, среди дороги. Спекулянтов ловили. А я испугалась и тоже спрыгнула. А в другом вагоне сосед наш был, он учился в Уфе. «Аня, ты куда пошла?». Я оглянулась. Он обратно мне руку подал, и я на подножку обратно запрыгнула. Вот так и доехали, а то бы там, где-то в лесу осталась.

Когда уже стали ягоды, грибы расти, не так много людей стало с голоду помирать. А у нас огород хороший был, картошки урожай хороший. И дети – шестеро нас. Все мы маленькие, я самая старшая. Мама сварит чугуны картошки, мы ее очистим в сковороду и в печку сушить поставим (вместо хлеба с супом есть).

Сидим, чистим все дети за столом, а мама куда-то вышла. И заходит нищий мужчина. Уже разговаривать не может бедный, просит. Я взяла очищенной картошки ему наложила. Он ее в сумку положил. Одну-две в рот сунул. А тут кожурки, целый большой чугуны кожурки. Он говорит: «Дай мне вот этих». Просит кожурки. Я говорю: «Это корове, это нехорошие». «Дай мне», – говорит. Пришлось мне нагрести, это ему дать. Он прямо в рот толкает, ест их.

На заводе кто работает, получал полкило хлеба на целый день, а сутками работали. Соседи липу использовали. Когда липа листья пускает, листья собирали, сушили и из них лепёшки делали. Если соль есть, то хорошо. Вот это ели. Многие с голоду помирали, особенно молодежь. Идут крыс ловить, кротов. У кротов шкура дорогая была – 1 руб. 20 коп. одна. Парень кротов ловил, шкуры продавал, а кротов ел.

Мне учиться не приходилось, все маленькие в семье, маме помогать надо. Всё я маму жалела. Маленько подросла, лет в 12 пошла на железную дорогу снег чистить. Потом папа приехал с фронта.

Потом в 50-ых годах стали печь коммерческие булки килограммами. Стали в магазин выпускать – 24 коп. булка. Отец поедет, целый мешок стал привозить хлеба. Поедет купит, приедет, посадит нас, нарежет нам. Мама суп наварит. Полный стол. Мама говорит: «Давайте ешьте, досыта ешьте». Потом каждому по булке поставит нарочно. Вот так пошло все, все лучше и лучше.

Еще налоги были страшные. Корову держишь, 12 кг масла плати. А где ж его набрать? Корова даст если, дома ребят кормить, или сепарировать, сметану собирать, да масло делать, государству отдавать. Если овечку держишь, шерсть сдавай. Если картошка, столько-то картошки. Если вырастила теленка, нужно отдать мясо. Если узнают, что кур держишь, 100 штук яиц. Вот так было.

В магазинах ничего не было. Если что-нибудь привезут, карточка была. Карточку вырезаешь – 1 день. Так вот тебе 1-1,5 килограмма крупы дадут. И живи ты ими».

Грищенко (Храмова) Нина Дмитриевна

Родилась в 1949 году в селе Зеленовка Куйбышевской области.

«Мамка, отдай последнюю курицу, мы как-нибудь проживем»

Бабушка, часто вспоминает о своих родителях, об их нелегкой жизни в период войны. Некоторые из воспоминаний она передала и мне. После ее рассказов сложно оставаться равнодушным к событиям того времени, к историям о тяжелых человеческих судьбах... Вот некоторые из ее рассказов о моем прадедушке и жизни прабабушки в военные годы.

Мой папа, **Храмов Дмитрий Петрович** родился в 1913 году в селе Верхние Белозерки Ставропольского района Самарской области. С моей мамой, **Беляевой Матреной Ивановной** они поженились в 1940 году. Папа работал страховым агентом, а мама продавцом в сельском магазине.

В марте 1942 года папу забрали на фронт. Так как раньше не давали отпуск по уходу за ребенком, мама осталась с маленьким сыном, моим старшим братом Юрой, ему на тот момент было всего 4 месяца. У моей мамы не было родителей, к тому моменту они уже умерли. Она пыталась найти няню для ребенка, но, к сожалению, в селе не нашлось такой женщины.

Наступила весна, нужно сажать огород, ходить на работу, а тут после зимы, к несчастью, прохудилась крыша в доме, приходилось с ребенком спать под столом. В это непростое время появился в селе военный аэроплан, поломался и произвел аварийную посадку, сбежались односельчане – они самолет никогда в своей жизни не видели. Мама спросила – куда он летит? Кто-то ответил: «В Самару». И мама полетела с ним, чтобы повидать отца.

В письме он сообщал, что их отправляют на фронт после недолгой подготовки. Папа мой на фронте был механиком танка, ребенка мама оставила с сестрой, сельчане ее пугали: «Куда ты? Разобьешься! Неизвестно куда прилетишь!» Но желание еще раз увидеть папу оказалось сильнее страха. Приземлились в Смышляевском аэропорту города Самара. Мама с кулками-сумками стала искать воинскую часть. Пришлось идти пешком до хлебной площади, которая находилась на другом конце города, транспорт туда тогда еще не ходил. Иногда немного доезжала на трамвае, а потом опять пешком. Нашла воинскую часть уже поздно вечером. Когда спросила часового, он сказал – что она немного опоздала, и папу только сегодня отправили на фронт.

На ее счастье их разговор услышал солдат и сказал – что их взвод отправили в другую казарму, и она еще успеет с ним проститься. И мама опять собралась идти искать пешком с вещами для папы: теплая одежда, махорка, кое-что из еды. Солдат объяснил, где находится казарма, и рассказал, как нужно подойти. «Там большие заборы и забитые окна», – предупредил, что это секретно, и никто больше, как пройти туда, не подскажет. Нашла она эти казармы уже поздно ночью. Как оказалось, их подразделение перед отправкой на фронт повезли в баню, пришлось ей его дожидаться. В конце концов, так она смогла еще раз увидеть папу и проводить его на фронт.

Папа на своем танке Т-34 через Польшу дошел до Берлина. О войне рассказывал очень мало, наверное, тяжело было вспоминать те мрачные годы. Имеет 3 медали "За отвагу", ждал четвертую, говорил, что был приказ о награждении, но так медаль его и не нашла, есть и другие награды. С войны он

возвратился в октябре 1945 года. До 70 лет работал в колхозе Путь Ленина, Ставропольского района, механиком. Умер в возрасте 70 лет, сразу после того, как перестал работать.

Мама также рассказывала, что во время войны ей приходилось ходить по домам и собирать для фронта продукты и теплые вещи. Говорит: «Народ тогда сильно обнищал и оголодал». Пришла она как-то в одну семью, где пять человек детей, и говорит: «Ну что, будете своему папке на фронт посылать?» А дети говорят: «Мамка, отдай последнюю курицу, мы как-нибудь проживем» И

Германия, г. Росток 12 мая 1945г
Д.П. Храмов в верхнем ряду
первый слева

каждый старался хоть что-то дать, хотя сами голодали. Говорит, много было нищих и беженцев.

У мамы в няньках была женщина, старая дева – мордовка, она очень помогала ей по дому и нянчила ребенка, так как мама постоянно была на работе. Няня варила большой чугунок картошки и

раздавала нищим, а они все шли нескончаемым потоком, а когда кончалась вареная картошка, то отдавали и сырую.

Мама вспоминала одну женщину – беженку, на руках младенец, за юбку держится второй ребенок, и все трое падают от голода. Мама привела их домой, дала кашу. Женщина тогда упала на колени и благодарила. Мама говорит: «Плакали вместе и думали только о том, чтобы закончилась война, и вернулись мужчины домой с победой».

А похоронки приходили каждую неделю... То с одной стороны женские крики, то с другой... Проводила мать дочку на фронт, а вернулась та с одной ногой, вторую ампутировали. Мать ее кричала на все село от горя, кровь в жилах стыла. Другая девушка с фронта приехала с ребенком. Видно, и на фронте могли любить молодые люди. А через полгода ей пришла похоронка на

жениха. И пожить друг с другом не успели и ребенок уже сирота. Много видели горя наши родители. Когда мама рассказывала, я не могла сдержать слез. Во время войны в селе остались только старики, женщины и дети. В то время надо было обрабатывать землю: сеять хлеб, сажать картошку и овощи, чтобы отправить на фронт продукты.

Эти девушки все тяготы не женского труда взвалили на свои хрупкие

Сельские девушки на курсах,
М.И. Храмова (Беляева) во
втором ряду третья слева

плечи. Их отправили учиться на курсы механизаторов и трактористов в город Тольятти, ранее называвшийся Ставрополем, на долгих 6 месяцев. И до окончания войны, пока с фронта не вернулись мужчины, они пахали землю,

сеяли зерно. Зимой, работали со слезами. Таскали тяжелые запчасти, не могли завести трактор. Для этого была нужна мужская

сила, ведь тогда двигатель заводился ремнем. Руки замерзали, одежды теплой не было, но они с честью выполняли нелегкую работу, тем самым помогая фронту.

Моя прабабушка прожила 95 лет. Я успела застать ее при жизни, но, к сожалению, подробно расспросить ее о том, как она жила, что видела, я не успела. Своего же прадедушку в живых мне застать не удалось. Тем не менее, я бесконечно им благодарна не только за то, что на свете есть я, но и за то, что мир вокруг меня существует именно таким, каким я могу его видеть сейчас.

Гроте де Буко Владимир Евгеньевич

Родился 13 июля 1891 года в г. Сосницы Черниговской губернии, участник Первой мировой войны, в РККА с 1918 г., участник Великой Отечественной войны, кадровый офицер, преподаватель Военно-транспортной Академии, умер в 1943 г. в госпитале от тяжелой болезни, похоронен в братской могиле в г. Костроме.

«А уж погоны - то я носить умею...»

В моей семье почти полутора десятка военных, от рядового до генерала. Мой рассказ будет об одном из них, о том, в честь кого я был назван – о моем деде по материнской линии Владимире Евгеньевиче Гроте де Буко (фон Гроте-де-Буко). Родился он в городе Сосница Черниговской губернии в 1891 году в семье офицера. В семье было четверо детей, два мальчика и две девочки. Отец – Евгений Александрович, потомственный военный, в будущем – участник Первой мировой войны, генерал-майор, Георгиевский кавалер.

Владимир получил хорошее военное образование: окончил Варшавский кадетский корпус им. А.В. Суворова, затем – Павловское пехотное училище. Вступил в Первую мировую войну 18.07.1914 г., за храбрость был награжден тремя орденами: Св. Анны 3-й и 4-й степени и Св. Станислава 3-й степени. Во время войны участвовал в боевых действиях против Германии, Турции, Австрии, командовал ротой, пулеметной бригадой, был начальником конно-разведочной команды.

В 1915 г. контужен, в 1916 г. заболел и был отправлен для излечения в Петроград. Там познакомился с Елизаветой Евгеньевной Конопницкой, они поженились 9 апреля 1917 г. В феврале 1918 г. В.Е Гроте де Буко пошел в Красную Армию, служил в разных городах: Вологда, Архангельск, Новониколаевск, Омск, Спасск-Дальний, Томск, родились двое детей. Должности были и командные, и штабные, и административные, пришлось даже командовать кавалерийским полком. В 1931 г. семья вернулась в Ленинград, Владимир Евгеньевич преподавал военное дело в одном из техникумов города.

В 1935 году в период массовых арестов в Ленинграде после убийства С.М. Кирова Владимир Евгеньевич был арестован. В семье сохранились воспоминания об этих страшных днях. Со дня ареста его жена Елизавета Евгеньевна легла на диван, повернулась лицом к стене, и замолчала. Поднялась только дней через десять, тогда, когда Владимир Евгеньевич вернулся. Он был осунувшийся, похудевший, без знаков различия на гимнастёрке и с ремнём, свёрнутым в рулончик. Да и могло ли быть иначе, с такой-то фамилией?

В 1938 г. в Ленинград из Москвы была переведена Военно-транспортная академия (ВТА). Владимир Евгеньевич был принят на службу в ВТА преподавателем на кафедру тактики. Прекрасное военное образование, фронтовой опыт, служба в частях РККА позволяли ему с честью справляться и с этой новой для него родом деятельности. Вот строки из служебной характеристики: «Показал себя как вполне работоспособный и умелый руководитель работников штаба. Оперативные документы составляет быстро и умело. В обстановке разбирается быстро. Физически развит хорошо. В походах вынослив. Тактическая подготовка хорошая. Методикой тактической подготовки бойцов и начсостава обладает правильной. Личная стрелковая подготовка отличная. Умеет методически правильно проводить стрелковые занятия. В своей работе всегда исполнитель, отзывчив, иногда бывает

вспыльчив.» За успехи в службе в 1940 г. был награжден медалью «XX лет РККА».

Началась Великая Отечественная война и часть личного состава ВТА была направлена на фронт. Майор Гроте (фамилия к этому времени была сокращена) в должности заместителя командира ушёл на фронт с батальоном, сформированным из бойцов БАО при ВТА. Этот батальон в мирное время обеспечивал работу академии, в него входили водители, связисты, механики, в военное время как полноценная часть ушли на фронт. Военно-транспортную академию эвакуировали в Кострому в конце 1941 г., вместе с ней уехали и семьи преподавателей. Жена, Елизавета Евгеньевна Гроте работала в госпитале, старший сын Георгий ушел на фронт, младшая дочь Ольга училась в школе.

Владимир Евгеньевич воевал на Западном фронте, был заместителем командира полка, но в 1942 году с ним случилось несчастье. Во время поездки в кузове грузовика ему на ногу упала бочка с бензином, которую шофер возил про запас. После сильного ушиба развилась саркома. Болезнь развивалась стремительно: в начале февраля 1943 года он приехал в Кострому в госпиталь, а 12 февраля умер. Хоронили его слушатели и преподаватели академии со всеми воинскими почестями. Его дочь запомнила, что была очень снежная зима, и гроб везли на санях, укрытых еловыми ветками.

В 1944 году вдова и дочь Владимира Евгеньевича вернулись в Ленинград. Сын Георгий воевал до победы и в мае 1945 года расписался на Рейхстаге.

В 1943 году Красной армии вновь вернули погоны. Незадолго до смерти Владимир Евгеньевич сказал дочери: «А уж погоны-то я носить умею...»

В семье Гроте де Буко на сегодняшний день пять поколений русских офицеров, все воевали и свято чтит завет: «Жизнь – Родине, честь – никому».

Данилина Ядвига Семеновна

Родилась в 1937 году в Ленинграде. В годы войны семья была эвакуирована в г. Казань.

Дети войны – это особенные дети

В моей семье война живет в воспоминаниях моей бабушки Данилиной Ядвиги Семеновны. Это сейчас ей 80 лет, а когда началась война ей только-только исполнилось три года. Но воспоминания о войне оказались настолько яркими, что помнит она их всю жизнь.

Тогда наша семья жила в красивом большом доме с огромными витражными окнами в Ленинграде. Она играла с сестренкой и подружками во дворе с большими деревьями. И не важно, что квартира была коммунальной, ведь все жили дружно одной большой семьей. Было прекрасное лето, и маленькая Яденька проводила старшую сестру в Карелию. Тогда детские сады часто выезжали на летние дачи. Она очень расстроилась, что ее тоже на взяли. Никто и подумать не мог, что многие дети не вернуться домой и никогда не увидят своих родителей. Война наступила так предательски неожиданно несмотря на то, что о войне тогда многие говорили.

Моя двоюродная бабушка Нина, которой скоро исполнится 85 лет, вернулась к семье только благодаря своему отцу, моему прадедушке Семену. Он чудом добрался до лагеря, ночуя в стогах с сеном, ему повезло, он остался в живых. С началом войны была такая неразбериха, что любого могли принять за

шпиона. Но дед смог, ведь ему надо было спасти свою девочку. Он уговорил воспитателей отдать ему дочь, не дожидаясь эвакуации. А через день там уже были немцы.

Дед Семен работал на оптико-механическом заводе и был отличным специалистом, поэтому у него была бронь и его не взяли на фронт. Ему было уже 40 лет, и он был ветераном Первой Мировой войны. Наступила срочная эвакуация завода, ведь это было очень важное производство. На сборы дали всего два часа! Что брать? Как быть? Впереди неизвестность, никто не говорил куда поедут люди, это была военная тайна. А ведь надо было собрать двоих маленьких детей! Как назло, моя бабушка заболела. Тогда соседка, которая отказалась уезжать сказала, чтобы девочку оставили с ней, ведь дорога опасна и скорее всего она ее не переживет. Но семья твердо решила не расставаться.

Дети войны – это особенные дети. Слишком рано они повзрослели! Бабуля в деталях помнит весь путь до Казани. А ведь их поезд был не простой. Кроме людей он вез ценное оборудование! Часто ехали по ночам, постоянно ждали диверсантов и налеты. И в один из дней это случилось.

Станция Поварово навсегда осталась в памяти моей бабушки! Самолеты налетели стремительно, сначала люди думали, что это наши и махали им руками. Это было ужасно. Немцы бомбили поезда и расстреливали бегущих людей, пикировали, издевались. Люди в панике теряли друг друга, кричали, плакали. Тогда моя прабабушка Анна-Мария приняла решение. Она велела взяться всей семьей за руки и бежать до укрытия вместе, сказав, что если убьют, то пусть всех сразу. Тогда случилось настоящее чудо. Все люди, ехавшие в поезде, уцелели. Разбомбили соседний санитарный поезд. И хотя взрослые закрывали детям глаза, бабушка запомнила, как выносили по частям людей, отдельно руки, ноги... Помнит она и то с какой заботой и вниманием относились люди друг к другу, потом многие из них прожили рядом всю жизнь после войны.

Затем были долгие годы войны. Было и голодно, и холодно, ведь уезжали из Ленинграда быстро, не думали, что навсегда. Спасло нашу семью то, что мудрая прабабушка взяла с собой швейную машинку и дорогую посуду. Эта посуда помогла выжить в первую военную зиму. Ее меняли в соседних деревнях на продукты. Были налеты немецких самолетов, поиски диверсантов и многое из того, чего никогда не должны видеть дети. Но были и праздники. Соседи наряжали на Новый год елку, украшали ее игрушками из ваты, дарили детям незамысловатые подарки. Люди продолжали жить и любить друг друга.

И вот наступил май 1945 года. Тогда бабушке было уже 7 лет, и она вместе со всеми смеялась и плакала, пела и танцевала.

Вскоре прадед Семен поехал домой в Ленинград. Он хотел подготовиться к приезду семьи из эвакуации. Но это был уже совсем другой город. Разрушенный Ленинград, гибель друзей и соседей, чужие не всегда дружелюбные люди, которые заселяются в их разоренные квартиры... А как же плакала та соседка, что просила оставить Яденьку в городе!!! Она рассказала все о том, как сражался город, как уходили люди. Она плакала от счастья, что моя бабушка не осталась с ней, иначе она бы не уберегла ее. Семья так и не вернулась домой, это оказалось слишком больно.

Итак, прошло уже 72 года со дня Великой Победы. А моя бабушка помнит про блокаду, всегда доедает до крошки хлеб. Для нее хлеб и картошка до сих пор самая вкусная еда! Она всегда навещает могилы тех людей, с которыми ехала в эвакуацию и приезжает в Санкт-Петербург как в родной и самый любимый город.

Я люблю и горжусь своей бабушкой. Несмотря на военное детство она сильный человек и прожила прекрасную жизнь!

Загриев Фазыл Яхьяевич

Родился 3 сентября 1936 года в городе Нижний Тагил в семье шахтера. Во время войны жил с матерью и двумя братьями Мударрисом и Фаритом в селе Верхний Симет Сабинского района Татарской АССР.

Война глазами сельского мальчишки

Я родился в городе Нижний Тагил в семье шахтера. Там же в 1934 году родилась моя сестра Гульсахра. Но из-за плохих условий жизни в 1936 году она умерла. После смерти моей сестры мой отец, Загриев Яхья Загриевич, понимает, что на Урале очень тяжело жить, почти невозможно растить детей и решает переехать в Ленинград. Там он работает на строительстве моста. В Ленинграде в 1938 году родился мой брат Мударрис.

В Ленинграде мы жили не долго. Осенью 1939 года началась Советско-финская война и мой отец был призван в Красную Армию. Солдатам, которые должны были воевать против финнов, дали три дня, чтобы они эвакуировали своих жён и детей из Ленинграда. До сих пор помню, как мы ехали из Ленинграда в Арск в поезде, вагоны которого были сделаны из старых деревянных досок и покрашены в темно-зеленый цвет. Эти маленькие вагоны были настолько полны людьми, что даже мне, трёхлетнему мальчишке, не хватало места и воздуха, чтобы дышать. В Арске нас встретил брат моего отца Фавзетдин. В родную деревню Верхний Симет мы доехали на лошади. Путь

этот был немалым – 20 километров. Там мы остались: я, мама Бибиджамал и младший брат Мударрис.

Финская война длилась не долго, и мой папа вернулся живым и без ранений в 1940 году. Мы решили не возвращаться в Ленинград, а остались в деревне. Отец устроился на учебу по пчеловодству в Богатые Сабы – районный центр Сабинского района. Но он не сумел окончить учебу, потому что 22 июня 1941 года рано утром началась Великая Отечественная война.

О начале войны мы узнали от председателя сельского совета. Утром 22 июня он раздавал всем здоровым мужчинам повестки из военкомата. В то утро я вышел на улицу, чтобы поиграть... А там гул народа, все плачут, рыдают... Тогда я не понимал, что происходит, я не понимал даже, что такое война. 23 июня все, кто был приглашён в военкомат, с лошадьми, с телегами уехали на войну. Не помню точно сколько человек ушло, помню только то, что начало лошадиной колонны было в деревне Тулушка, а конец – в нашей деревне (а это 6 километров!). В этой колонне были будущие красноармейцы из всех соседних сёл. Помню, какая паника была среди народа, все рыдали, обнимались, целовались, прощались... с надеждой на то, что мужья, отцы, сыновья, братья обязательно вернуться живыми и здоровыми с этой проклятой войны. Сколько душ плакало, сколько сердец молило лишь о том, чтобы всё это было лишь страшным сном. Никому не хотелось верить, что война действительно началась, что она унесёт бесконечные жизни. Но на самом деле это было в реальности, и с этим нужно было смириться.

Все провожали своих родных, и я в том числе провожал своего отца. Рядом были ещё моя мама и братишка Фарит, который родился в 1940 году. А брат Мударрис остался дома с бабушкой. Мы вместе с отцом пешком дошли до деревни Нижний Симет, что в трёх километрах от нашего дома. В той деревне мы вынуждены были прощаться. Отец нас обнял, поцеловал и сказал: «Каласыз инде, сандугачларым... китэбез...» («Остаётесь, соловьи вы мои... уходим...»). По его щеке скатились слёзы, но он их быстро вытер, наверное, чтобы мы не

подумали, что и у мужчины бывают минуты, когда он проявляет слабость. Он ушёл, а мы долго-долго смотрели ему вслед. Помню, как я спрашивал у матери: «Мама, а когда папа вернётся? А он нам что-нибудь вкусненькое принесёт?». Наивным был ребенком, ведь тогда мне было чуть меньше пяти лет. Вслед за отцом на страшную войну ушли и его три брата, которые вернулись живыми, а отец ушел навсегда.

С началом войны в нашей жизни изменилось практически всё: вся работа легла на плечи женщин, детей, подростков, стариков. Я был маленьким, но уже задумывался над вопросами: «Какая же беспощадная эта штука-война? Почему она заставляет мою маму весь день трудиться, не покладая рук? Почему она увела нашего отца?» Но сколько бы ни старался, никак не мог найти на них ответа, а со временем и вопросов уже не было.

У нас, маленьких пятилетних мальчишек, появилась новая игра – игра в войнушку. Мы делали из палок и веток ружья, делились на красноармейцев и немцев, и перестреливались. Как правило, всегда выигрывали красноармейцы. Не удивительно, что никто не хотел быть немцем – мы уже тогда возненавидели их. Девчонки были санитарками, которые лечили нас. Многие ребята не выдержали голод – умерли, среди них был и мой брат Мударрис.

Мой отец оказался на одномесячном карантине в городе Ярославль. Потом он воевал в Подмосковье. Из города Орехово-Зуево отправил нам первое письмо, где он писал о том, что его два раза ранили в левую руку, и теперь он в госпитале, стрижет солдат. Потом, второе письмо. Второе письмо он отправил из Ворошиловградской области (ныне Украина, Луганская область). В письме было написано, что они освободили какое-то село, уже не помню, как называлось. А уже через некоторое время пришло письмо от чувашского парня о смерти моего отца. Погиб отец от попадания осколка снаряда в голову. Похоронил папу тот самый чувашский парень, с которым они воевали вместе с первыми днями войны. К сожалению, эти письма не сохранились. Когда мы узнали об этой страшной потере, наша жизнь потеряла смысл. Это было самым

горьким событием для нас во время войны. Но, несмотря на это, мы всё равно верили в победу.

Во время войны мы питались тем, что могли найти: ели крапиву, гнилой картофель, лебеду, конский щавель и всякую зелень. В 1942 году я начал помогать взрослым: с мальчишками собирали в поле горох, который оставался после работ, на лошадях работникам в поле привозили родниковую воду в бидонах, собирали с каждого дома 0,5-1 ведро золы, куриный навоз вместо удобрения в поля.

Помню, однажды весной мы собрали горох, пролежавший под снегом всю зиму, кушали и, отравившись, месяц лежали в больнице со всей семьёй. Самым вкусным лакомством в военное время для нас была булочка из гнилого картофеля. Она была почему-то была вся такая белая... Колхоз давал 200 грамм хлеба одному рабочему. А чтобы мы не голодали, наши матери работали и в ночной смене. Ради 200 г хлеба! Они не жалели себя! Им давали 2-3 кг муки. Когда мама возвращалась домой, она высыпала нам на руки 2 ложки этой муки, и мы лизали её...

В 1941 году я поступил в Верхнесиметскую начальную школу. Книг, тетрадей не было. Был лишь один учебник на весь класс. Мы его по очереди читали. А для того, чтобы было где писать, я рылся в мусорке рядом с сельсоветом, куда выбрасывали бумаги, документы. Писали и на старых газетах. Устраивали в селе концерты на праздники, чтобы поднять настроение людей, которые были утомлены трудом.

После долгих мучений к нам пришёл самый счастливый день – Великий День Победы! Узнали мы о нём от Левитана, который сообщил эту новость по радио. После этого дня со временем начали возвращаться в свои родные дома воины. Мы встречали их вопросом: «А наш папа скоро вернётся?». Солдаты утешали нас, мол «Скоро, скоро, я его видел». Мы были наивными, до конца надеялись на встречу с отцом... Но больше я своего отца не видел.

Зайнуллина Солтания Зайнулловна

*Родилась 10 января 1925 года в селе Суксу Дубьязского района ТАССР.
Заслуженный работник сельхоза (1945 г.). Труженик тыла.*

Моя прабабушка труженик тыла. Я приехала к ней в гости, чтобы побольше узнать о нелегком военном времени в период. Вспоминать и рассказывать о тех годах ей было нелегко, но она с гордостью и честью рассказывала о своей жизни, о том, что повидала, где побывала, как отличилась. У меня был некоторый перечень вопросов, которые я ей задавала, а она уже сама решала, что стоит рассказывать, что помнит.

Когда началась война, ей было всего 16 лет.

– Расскажи пожалуйста, как и при каких обстоятельствах началась война и какова была реакция?

– В июне 1941 года мы еще были в школе, заканчивали учиться, как к нам прибежал председатель колхоза и начал кричать, что началась война. Тогда не было ни радио, ни телефонов, поэтому он просто бегал по селу и всем сообщал. Всех мужчин собрали забрали в армию. Отец мой был главным агрономом деревни, поэтому его оставили как одного из мужчин. Остались только маленькие дети и женщины. Меня назначили бригадиром колхоза, где я проработала 2,5 года. Позже меня отправили на 3 месяца на повышение квалификации, единственную из села. Но я там не пробыла и двух недель. Позвонили в райком Дубьяз из Сабинского района и сказали, что я и так все

знаю, все умею, и меня отправляют обратно. Там я сама учила даже некоторых работников, была очень способной и все умела, из-за этого и сказали, чтобы я возвращалась обратно.

8 марта 1944 года меня уже избрали заместителем председателя колхоза.

– Какие времена были самыми тяжелыми в то время и что вы делали?

– Самым тяжелым было время конечно же во время зимы. Мы – женщины – валили леса, кололи дрова, прятали их до весны, потому что невозможно было увезти такое количество до деревни сразу и что-то оставалось спрятанным, что-то мы забирали в течение года. Собирались мы с вечера (запрягали лошадей), чтобы успеть к раннему утру прийти в Шаймардан и Куркачи. Так мы делали ежедневно пятью бригадами. Там находились станции, мы ждали составы поездов с семенами – грузили их, и везли обратно. Пока мы шли, вся наша обувь разваливалась, идти было невероятно трудно, зимы были холодные. Так как я была самой главной – бригадиром, мне нельзя было останавливаться ни в коем случае, иначе все встанут, я отвечала за все, на мне лежала невероятная ответственность.

Также зимой после стрижки овец всю шерсть мы везли в деревни по домам, где дети, девушки, бабушки пряли, вязали носки по 150-200 пар. Каждый раз привозя шерсть, мы забирали предыдущую партию готовых носков и везли в Шаймардан на станцию для солдат. Там же мы и получали иногда посылки и письма с фронта, если были. Еще одной тяжелой работой в зимнее время было снегозадержание. Мы вручную лопатами, руками делали стены из снега, чтобы запасы влаги в почве увеличивались. Работали мы по 12-18 часов в день. Болели и спина, и ноги, и руки.

В весеннее и осеннее время мы – только женщины – сами пахали и орошали земли, сеяли, сажали, собирали урожай. Мы делали не менее важную работу, нежели солдаты на фронте. Мы обеспечивали их продовольствием и одеждой.

– Было ли что-то позитивное в то время? Устраивали ли вы праздники? Как вы их отмечали?

– Да, праздники были, и мы их сами устраивали. Например, самым веселым праздником у нас в деревне был «Сабантуй». В конце деревни был лес, куда мы все ходили, устраивали конкурсы и хоть как-то отвлекали себя на малый промежуток времени. У нас в деревне было немало детей. Чтобы они более-менее не волновались и могли иногда развлечься – вот для этого, пожалуй, тоже мы выкраивали время и устраивали небольшие веселья. Дни рождения мы отмечали просто – собиралось несколько девушек, женщин, бабушек, сидели, пили чай, вязали, разговаривали, танцевали. Несмотря на то, что шла война, мы находили повод передохнуть и хоть на время забыть о том ужасе, который творился вокруг.

– А какое лакомство было самым любимым в то время?

– Еды было очень мало, порой даже не хватало, поэтому мы довольствовались тем, что имели. Есть хлеб – да и прекрасно. Вот хлеб да сахар- единственные наши лакомства.

– Как вы все узнали, что война закончилась?

9 мая 1945 года я работала на тракторе на поле, смотрю, бежит бригадир и машет мне руками. Тут я подумала, что что-то делаю не так, смотрю, он все машет и машет. Может, хочет сказать, что с аппаратом что-то не так, подумала я. А его не слышно, он что-то пытается мне сказать, как я позже поняла. Остановилась и он кричит? «Война закончилась!». На что я ему ответила - «Ну и что, что война закончилась? А работать кто будет? Кто сажать урожай будет? Сейчас доделаю работу, тогда и вернусь в деревню». Да, вот такая странная у меня была тогда реакция. Когда я, как и сказала, все доделала, я вернулась в деревню. Там в центре устроили огромный праздник, настоящее пиршество. Поставили огромный стол, собрали весь народ, каждый доставал то, что есть у него в запасах. Гуляли долго.

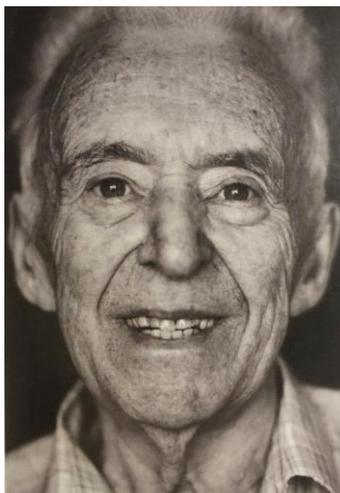
– Как складывалась жизнь в послевоенное время?

После войны через 3-4 года я вышла замуж, переехав в Казань. Нигде не училась больше, а пошла работать на стройку, поначалу маляром. а потом бригадиром. Там же мужа своего я и встретила. Родила 4 детей – двоих мальчиков и двоих девочек. Имею 9 внуков и 12 правнуков, которые, к счастью, не забывают обо мне и навещают меня. В этом году устроили мне прекрасный 90-летний юбилей, собравшись все вместе.

Какой самый любимый праздник?

– Конечно же, как это не банально, но самый мой любимый праздник – День Победы. Каждый год меня поздравляет президент. Иногда, когда здоровье позволяет, я с удовольствием одеваюсь как можно красивее и посещаю парады, посвященные Дню Победы. Те времена были очень нелегкими для всего народа. поэтому, для тех, кто побывал и почувствовал всю эту атмосферу на себе, тот день, как второй день рождения, а соответственно и самый лучший день.

Зверко Леонид Станиславович

Родился в 1931 году в г. Минске Белорусской ССР.

Чем мне запомнился каждый год войны?

1941 г. Помню, как незадолго до начала войны мы ходили в кинотеатр «Звезда», где смотрели фильм про борьбу красноармейцев и басмачей. Каждый раз, когда наши побеждали в сражении, мы с друзьями вскакивали и начинали аплодировать. Так же сильно мы начинали аплодировать, когда на экране появлялся Сталин.

В начале июня 1941 года мне исполнилось 10 лет. В день начала войны я был в пионерском лагере, который был западнее Минска. Напротив лагеря был артиллерийский полигон. Первым делом в лагере спилили флагшток. Я не помню, зачем это сделали. Наверное, чтобы в нас не стреляла фашистская артиллерия. Примерно 25 июня взрослые – администрация лагеря – сбежали. Остались только девушки-комсомолки, которые были вожатыми. Они велели нам сидеть в палатках: лес прочёсывал немецкий десант. Через пару дней безвылазно сидеть в палатках нам надоело. Мы пошли на разведку, тогда я впервые увидел живого немца, его под конвоем вели красноармейцы. Немец был очень высокий, а наши, наоборот, мелковаты. Это мне особенно запомнилось, хотя это может быть из-за того, что я был ребенком.

Мы вспомнили фильм про войну с басмачами, решили, что немцы первым делом отравят колодец. После отбоя я и еще несколько ребят стащили на кухне ножи, и пошли охранять колодец. Было холодно, поэтому нас хватило на пару-тройку часов. Замерзнув, мы убежали в палатку. Минск горел. Со стороны города по ночам было видно зарево.

За моим товарищем пришли родители, они позвали меня с собой. Я подумал-подумал и отказался, но про себя решил: «Если меня не заберут, я застрелюсь. Сдаваться врагу не буду». Но у меня с собой даже рогатки не было. В ночь на 27 июня меня забрали. Отец был строитель, поэтому смог приехать на служебной машине – полуторке. Минск заняли немцы 28 июня. Мы покинули город за полдня до этого. Работа отца сгорела, госпиталь мамы тоже. Мы на машине доехали до Вязьмы, я впервые увидел бумажные кресты на окнах, которые клеят, чтобы стёкла не вылетали при бомбёжке. Нас посадили на поезд. Куда он идёт, никто не знал.

На одной станции поезд остановился. Отец спросил, что это за город. Кто-то из железнодорожников ответил: Казань. У тёти Мани в городе оказалась знакомая, мы быстренько слезли с поезда, стали ждать, когда вернётся тётя и найдет дом тёти Рагибы. Они вернулись вдвоём. Тётя Рагиба приехала на подводе, местные детишки бежали возле телеги и кричали «цыгане, цыгане!» – мы все были грязные и загорелые. Но нас очень хорошо приняли. Отец был умелый строитель, поэтому быстро нашёл работу.

1942 г. Мы всей семьей жили в маленькой комнатке. Я привык есть стоя.

1943 г. Я учился в 24-й школе. Меня и мою одноклассницу послали к исследователю Севера Отто Юльевичу Шмидту, которого эвакуировали с Академией наук, чтобы передать приглашение на ёлку. В то время он был так же известен, как Гагарин в 60-е. У меня уже потом была догадка, что его пригласили, чтобы нашей школе дали дрова. Отто Юльевич показался нам глубоким стариком. Наверное, тоже из-за того, что мы были детьми. Мы

разговаривали, он гладил кошку, о чём-то нас спрашивал, вроде бы про школу. Шмидт на ёлку не пришёл, но дрова нам всё-таки дали.

1944 год. Я и одноклассники участвуем в тимуровском движении: пилим для фронта дрова, собираем лекарственные травы, выступаем в эвакогоспиталях. Я почти всегда танцевал «Яблочко», это был мой коронный номер.

9 мая 1945 г. На площади Свободы было очень много народу. Мы тоже туда отправились. Все, естественно, очень радовались. Незнакомые люди обнимали друг друга, поздравляли.

Керн Тамара Антоновна

Родилась 2 октября 1938 года в городе Брянске. В 1964-2012. работала в КИСИ.

Война глазами ребёнка

Моя бабушка родилась в г. Брянске, где война и застала ее семью. Отец бабушки, мой прадедущка, Антон Фёдорович— был командиром Красной армии, воевал на фронте, был ранен. Но я знаю, что на самом деле, его настоящее имя – Антек Фердинандович. Он сбежал из плена, чтобы его не убили, он переделал немецкие документы на русские. Я смогла найти его трудовую книжку, которая велась с 1932 г. Мать бабушки, моя прабабушка, – Керн Татьяна Степановна, инженер-строитель. Все семьи военнослужащих были эвакуированы из Брянска в тыл, так они и оказались в Казани.

Бабуле было 3 года, но она помнит эту жуткую эвакуацию и вереницу грузовых машин, куда их и погрузили. Она рассказывала, что было очень холодно, шли дожди, так как была, очевидно, глубокая осень. «Мы мёрзли. Помню, вдруг начался сильный грохот, вой – это немецкая авиация начала бомбить нашу колонну. Мы выскочили из машин. Меня нёс папа, мама несла брата, в тот момент была беременна. С диким воем падали снаряды. Родители бросались на землю и закрывали нас своими телами. Помню фонтанчики земли, очевидно, от пуль. Одним таким фонтанчиком у меня было поранено лицо. Крики взрослых и детей заглушала бомбёжка. Потом стало тихо, мама говорила, что от колонны машин осталась одна треть и было много раненых, от

этого ужаса я не могла успокоиться и всё время кричала. А как выбрались, не помню... Нас довезли до города Орёл. Помню товарный вагон. Много раненых солдат. Мама говорила, что я им пела песенки, а они угощали нас сухариками и галетами». Дальше был тыл, Киндери. Они жили в бараках и им всё время хотелось кушать. Там у них родилась сестрёнка Ирина, это был 1942 год, а их папа был на фронте. По ее рассказам я помню, что им было страшно спать из-за крыс, они нападали по ночам. Летом было легче, ловили раков в реке Казанка и жарили их. Ели молодой хвощ, лепёшки из муки пополам с травой – лебедой. Их было трое детей и больная мама, как они выжили, бабушка не знает, да и я не представляю. Позже с фронта вернулся отец, в Казани он руководил строительством суворовского училища. Бабушка даже помнит голос Левитана, он передавал сводки с фронта. Однажды она проснулась от того, что на улице все собрались около репродуктора, смеялись и плакали: «Я спросила у мамы: «Что это?» Мама сказала: «Окончилась война, Победа!!!»

В 1946 г. бабушка поступила в школу уже в городе Кирове, в Казань вернулась в 1948 г. Школу окончила в 1956 году, поступила в КИСИ, окончила в 1961 г, получив специальность инженера-строителя. Работала на строительстве мастером, а затем прорабом. Она также была избрана секретарём комитета комсомола стройтреста №2. В 1964 году перешла на работу в КИСИ ассистентом, старшим преподавателем, а затем доцентом кафедры начертательной геометрии и графики. В 2005 году награждена нагрудным знаком «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации»

В 1965 году она вышла замуж. Её муж, мой дедушка, Воронин Юрий Иванович, так же инженер-строитель, они учились вместе в КИСИ, он долгое время работал управляющем стройтреста №2. Воронин Юрий Иванович – «Заслуженный строитель России» награждён орденами, медалями за построенные объекты. Когда я родилась, моей прабабушке было 86 лет, она увидела меня и сказала: «Господи, хоть бы эта девочка не видела войну...».

Козлова Анна Петровна

Родилась 8 февраля 1930 года в д. Абамза Батыревского района Чувашской АССР. Награды: медаль «Ветеран труда», медаль «За доблестный труд во время ВОВ», медаль «65 лет Победы в ВОВ», медаль «70 лет Победы в ВОВ».

Довоенное время

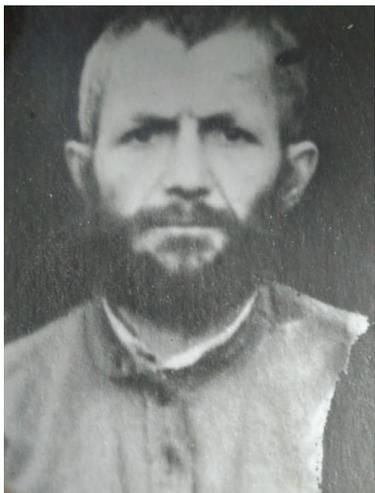
Я родилась в 1930 году в семье кулака (на фото с сестрой Сарой). Семья была большая, семеро детей. Я была четвертым ребенком.

В 1928 году начали появляться колхозы, всех крестьян уговаривали вступить в них. Дело было новое, люди не хотели отдавать свое, нажитое тяжёлым трудом имущество. Конечно, к этому новшеству относились с недоверием. Мои родители решили не торопиться вступать в колхоз. Поэтому их прозвали кулаками и впоследствии раскулачили. У семьи забрали все: добротный дом, большую часть скота, необходимые предметы быта, а главное – землю-кормилицу. Но после выхода в 1930 году статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» нам вернули лошадь, корову и поселили в дряхлую хибарку. Родители решили теперь, уже точно, не вступать в колхоз. В деревне мы были единственной такой семьёй.

У меня было обычное детство, до тех пор, пока в одно воскресное утро не объявили о начале войны. Мне было 11 лет. В тот день была хорошая, ясная погода. Мы с сестрой пошли на воскресную ярмарку. Людей там, как всегда,

было много. И вдруг кто-то говорит: «Война началась». Все начинают повторять эту фразу, кто-то плачет, кто-то бежит домой рассказать эту страшную новость, всюду суматоха. Сестра уводит меня за руку домой. Я ничего не понимала. Тогда я спросила у мамы: «что такое война?», она ответила, что это большая беда. Я до конца не могла понять, что же произошло, но все дни с тех пор, как будто потеряли краски.

На тот момент единственным кормильцем в семье была мама. Отца,

Петра Павловича, в марте 1941 года посадили в тюрьму, он работал на лесоповале. Когда началась война, всех заключённых, в том числе и моего отца, отправили на лесосплав в Алатырский район (сплавляли бревна по реке Сура). Там он и погиб 12 июля 1941 г. в результате несчастного случая, завалило брёвнами его и ещё десятки человек. Его похоронили там же в колонии. Так мама осталась без

мужа, с семьёю детьми, один из которых совсем маленький. Кормить семью надо, работать надо. И без того жизнь вдовы с детьми в те времена была нелегкой, а тут ещё и война. Старший сын (1919 года рождения), мой брат Василий, служил ещё до войны в Казани, так что в 1941 году его оттуда сразу отправили на фронт.

Не было возможности повидать семью перед отправкой. Изредка мы

получали от него письма. Писал, что скучает, что нелегко. В конце каждого его письма была вереница приветов родным, друзьям, соседям, даже нам, детям, каждому предназначался свой привет. В 1942 году перестали приходить письма, пришло извещение о том, что Козлов Василий Петрович пропал без вести. Последнее письмо было прислано им из Могилёва.

Другой брат – Матвей до войны помогал маме

на сенокосе. Он так старался для всей семьи, всегда был очень ласковый, добрый ко всем, любил труд. Его забрали на фронт в июле 1941 года, ему было всего 18 лет, воевал на Ленинградском фронте. Он прислал только одно письмо. К сожалению, оно было утеряно, но я хорошо его помню, потому что в последствии много раз перечитывала. Он писал о том, как они спрыгивали с поезда на ходу, о том, как им приходилось постоянно прятаться при авианалетах. В этом же письме брат описывал страшные вещи, так характерные для войны: нескончаемые бомбежки, пожары, горы трупов, окровавленные расчлененные тела.

Поскольку моя семья не вступила в колхоз, муку, картофель, соль и другие продовольственные товары нам не давали. А землю у нас отобрали еще в 30-е годы, так что выращивать зерновые тоже не было возможности. Была земля, на которой выращивали картофель, но его полностью отправляли на фронт. Моей матери приходилось непрестанно колоть дрова и возить их на рынок в райцентр Батырево. Там она обменивала их на муку и прочее. Мы, дети, нередко помогали ей с дровами. Еще она успевала работать техничкой в школе, за это давали 1 кг муки в месяц.

Часто женщин со всего села, в том числе и мою мать, отправляли рыть окопы. Тогда я оставалась за старшую. Мама всегда для меня была примером стойкости, мужества. Только спустя время я стала осознавать, насколько тяжелой была жизнь вдовы со многими детьми, а еще и война – вечный голод, холод, нехватка одежды. Но мама не падала духом. Она всегда молилась Богу и нас приучала к тому же. Моя мама была достаточно строга в воспитании своих детей. Благодаря этой строгости я продолжала учиться в школе даже в такое тяжелое военное время. В итоге я получила 7 классов образования и в дальнейшем даже смогла поступить в университет. И все благодаря моей маме. Она вставала в 4 утра, чтобы хоть из чего-то сделать еду и отправить меня в школу. И после меня ей удалось вырастить еще четверых детей и дать им образование.

Во времена Великой Отечественной войны я была ребенком. Я мало что понимала. Но уже хорошо знала, что такое непосильный труд. Два брата на войне, одна старшая сестра – Сарра (1923г. рождения) работала учительницей начальных классов в деревне Именево, только по субботам возвращалась домой, вторая сестра – Лидия (1926г. рождения) уехала на добычу торфа.

Мне приходилось следить за четырьмя детьми: Маней, Саней, Иришкой и годовалым Коленкой. Кроме того, я училась в школе, которая находилась в соседнем селе. Приходилось ходить через лес по 7 км до школы и обратно. Конечно, с фашистами я не встречалась, но и без них опасностей в этом лесу было достаточно много. Как-то мне на встречу вышел волк. У меня сердце в пятки, не могу пошевелиться. Он смотрит прямо на меня. Но, Бог миловал, через несколько минут волк ушел, скрылся в лесу. И в ливень, и в лютые морозы приходилось ходить через этот лес в школу. Я единственная в своем поселке продолжала ходить в школу, невзирая на тяжёлое военное положение. Да и в классе-то осталось всего шесть человек. Дети были слабые, сказывалось постоянное недоедание. Никто не играл, не гулял на улице, все дети сидели дома. Те, у кого были силы, помогали родителям.

Ничего не было, ни еды, ни одежды, ни школьных принадлежностей. Канцтовары в школу привозили редко, а в конце 1942 и вовсе перестали. Нужно было что-то придумать. На занятиях вместо тетрадок мы использовали старые книги, писали между строчками. Чернил тоже не было. Приходилось делать самим. В воде мы расталкивали и отмачивали дубовые жёлуди, и в этот же раствор клали ржавый гвоздь. В качестве пишущего пера был стебель камыша. Как говорится, выкручивались, как могли.

Что касается еды, в 1941 году жили более и или менее нормально благодаря заготовкам с лета. Потом уже становилось все тяжелее и тяжелее. За то, что моя семья в колхоз не вступила, у нас отрезали огород. Поэтому за продуктами мы ездили в Батырево. К нам в деревню присылали эвакуированных из крупных городов детей и взрослых. Помню одну

учительницу по русскому языку из Латвии. Уж больно хорошая, добрая женщина была. Война отняла у нее дочку и мужа. Но, несмотря на это, она оставалась светлым человеком и хорошим преподавателем. Благодаря ей я выучила русский язык. В будущем, после войны, я тоже стала учительницей русского языка, возможно, под впечатлением от этой женщины. Эвакуированные дети все говорили на русском, а нам, деревенским, было интересно с ними общаться, вот и выучили.

Все бедствовали. Одни только тетки с отцовской стороны привозили, что могли, еду, одежду и т.п. До сих пор им благодарна. Их приезд всегда нас очень радовал. Пожалуй, это были одни из немногих положительных воспоминаний времён войны. Еще помню скромные новогодние вечера, которые устраивали в школе. Все приносили, что могли, пекли лепешки на овсяной муке, варили кисель. Ученики вырезали снежинки из старых газет. Все садились за стол и пели песни на русском и чувашском. Больше радостных моментов не могу вспомнить, было очень тяжело физически и морально. Конечно, мы радовались за тех, чьи родные все же вернулись с войны живыми, ведь из каждой семьи кто-то ушел на фронт. Из каждой семьи ушли, но не в каждую возвращались. В нашу семью не вернулся никто. Обоих братьев забрала эта ужасная война.

9 мая 1945 года мы были в школе. Нас вывели строем на школьный дворик. Выступали учителя, местные власти, председатель, секретари, фронтовики, вернувшиеся с войны по ранению. Да мы как следует и радоваться-то не умели, забитые жизнью были, можно сказать. Все наши родственники, кто был на фронте, остались там. Послевоенная жизнь складывалась тоже достаточно непросто. Тем не менее, мама постаралась сделать так, чтобы все дети выучились. И, действительно, мы все получили высшее образование. Без сомнения, ни что не сравнится с годами полнейшей нищеты, голода, скорби 1941-45 годов. Великая Отечественная война оставила неизгладимое впечатление в наших детских умах. Поэтому я с уверенностью могу сказать, что мое поколение умеет по-настоящему ценить жизнь.

Колесникова Елизавета Дмитриевна

Родилась в 1923 в с. Черемшан Черемшанского района ТАССР. В Красной Армии с осени 1942 года, на фронте с весны 1943 года. Зенитчица. Ефрейтор. Награждена орденом Отечественной войны II степени.

«Любовь сорок пятого года...»

Отец уже был на фронте, когда меня осенью 1942 г. призвали в армию. С матерью оставались еще четверо детей – две дочери и два сына. К осени 1942 г. я успела закончить семилетку и года три уже работала секретарем-машинисткой в Лашманской МТС. Моя зарплата была единственной в семье, ведь отец с матерью работали в колхозе, а там денег никогда не давали. Все хорошо у меня было – и работа была, и жилье, и кое-какая кормежка в эмтэссовской столовой, да и домой деньги приносила. Повестки нам вручили пятерым девчонкам одновременно. Парни-одногодки уже воевали, из них никто почти не вернулся с фронта.

В нашей группе мобилизованных была Настя Лупанова, Татьяна Долгополова, я, потом одна девчонка из числа эвакуированных, их тогда было много в районе, и ещё одна девушка сиротка, фамилию ее сейчас уж не помню. Ну, вызвали в военкомат, а потом, как обычно, направили на медкомиссию. Слез при проводах было много. В деревню уже вовсю приходили похоронки, еще больше было таких с семей, где по несколько месяцев от нас не получали никаких вестей от фронтовиков. Мы думали, что отправят сейчас сразу в пекло

войны, и все мы погибнем. Но довели нас до Казани и оставили там – учиться военному делу. Вначале по программе курса молодого бойца – уставы, маршировка, винтовка, приемы штыкового боя, а потом стали готовить из нас артиллеристов-зенитчиков. Так всю зиму и пробыли, проучились в Казани – в Красных Казармах.

К весне здесь же был сформирован 379 отдельный зенитно-артиллерийский дивизион (ОЗАД) 85 миллиметровых пушек, и нас отправили на фронт. В дивизионе три батареи, и в батарее четыре пушки, меня определили третьим номером пушечного расчета. Расчеты были смешанные: наводчик, заряжающий были из мужиков, а третий номер-девчонки. А что такое третий номер в пушечном расчете? Это подай-принеси. По боевому штатному расписанию мы вроде наблюдателями числились – ловили, слушали звук самолетов, а потом определяли, свой или чужой. Но это только до появления самих самолетов, потом же, – что называется, отражали налет, мы, третьи номера, подносили снаряды. А снарядик к 85-мм зенитке – кукла не легкая, килограммов 20. В снарядном ящике их было четыре таких. Этих ящиков я за войну перетаскала видимо-невидимо. Дивизион наш носил название отдельный, а это значит, что мы воевали как бы автономно, при передислокациях все возили с собой, в первую очередь снаряды грузим, выгружаем... И не только это. А по обустройству позиций? Что бы как-то замаскировать такую громадину как 85-мм пушку и обустроить саму позицию, мною надо земли перекидать. А в армии привилегий и льгот нет, солдат он и есть солдат, неважно в юбке он или в брюках. Кстати, мы, девчонки, нередко тоже ходили в штанах, так что нас особо и не выделить было...

Боевое крещение получила под Курском. Город был весь разрушен, наши войска уже вели бой за рекой, а мы обороняли железнодорожный мост. Я не могу сейчас сказать, наступали мы или оборонялись, это потом здешние бои стали широко известны как Курско-Орловская дуга, я помню лишь итог – страшный до ужаса первый бой. Да и то без деталей. Сначала сплошной гул

приближающихся самолетов, а вот они и сами, да столько, что, казалось, все небо покрыто ими. Наблюдателю определять нечего, да и страх жмет к земле, в укрытие. Но зенитки моей батареи все же начали стрелять, с упреждением. У нас задача отогнать самолеты от моста, но упреждающей стрельбой мы обнаруживаем себя. Немцы начинают бомбить не только мост, но и нас. Так, кстати, всегда будет, мы всегда были мишенью.

Это я сейчас пытаюсь как-то осмыслить происходящее тогда под бомбежкой, а в то время я мало что соображала. Вой пикирующих бомбардировщиков, вой бомб, близкие их разрывы, так, что кажется земля становится дыбом, кто-то рядом истошно орет, не то ранило его, не то с перепугу. А может маму зовет...

Спрашиваешь, сбили ли мы тогда хоть один самолет; так отвечаю: ничего мы не сбили. И вообще за всю войну я не видела, чтобы наша батарея сбила хотя бы один немецкий самолет. Я вот теперь думаю, что и задача, наверное, такая не стояла. Конечно, неплохо было бы сбить, но главная цель зенитного огня – заградительная, то есть показать немцу: сюда нельзя, мы собьем тебя. Немец видит наши разрывы, старается их обойти, но у него своя задача, поэтому он переключается на тех, кто мешает выполнить эту задачу. Так что нам, зенитной батарее, перепало от немцев больше, чем охраняемому объекту. В этом, наверное, и вся военная хитрость, и назначение зениток на войне – отвести огонь противника на себя.

Мы потом, уже после войны, подсчитали: только одних девчонок, третьих, номеров, в нашем дивизионе погибло 19 человек, а мы ведь, третьи номера, все-таки больше имели возможности укрыться, но все равно потери были. Но Катю Гущину, подруг мою, убило на моих глазах. Повторяю: такая была особенность нашей части. Она не была наступательной, штурмовой, она не участвовала в прорывах, не шла в первом эшелоне наступления, мы шли вслед наступающим частям, чаще всего охраняли мосты, железнодорожные станции, где бомбили нас постоянно.

Правда, таких бомбежек, как была первая в моей фронтовой жизни, под Курском, уже не было. Из-под Курска нас передислоцировали под Киев. Крещатик, улица там такая есть центральная, был весь в руинах. А вот монастырь сохранился. Я вспомнила о Крещатике потому, что видела его дважды. Уже после окончания войны, когда поезд вез нас домой из Венгрии, остановились в Киеве. И нам показали почти вновь построенный Крещатик, сказали: все построили пленные немцы.

Мало-помалу мы обживались на фронте. И какой-никакой быт на войне определялся, не все ведь время под бомбежкой. Жили чаще всего в землянках, каких-то приспособленных помещениях, если они находились рядом с батареей. Чаще же всего все было уже разрушено кругом. Питались как все на фронте: когда густо, когда пусто, чаще – как придется. Сносно кормили в Казани, на курсах, и под Курском. Потом пошло все хуже и хуже. Временами побирались, кто чего найдет – у населения, в разбомбленных складах, в брошенных, необработанных полях и огородах, да мало ли где. Население, однако, не обижали, не мародерничали. В России, на Украине и взять-то особенно нечего было, славяне сами голодали, в Румынии не особенно и брать хотелось, население там, показалось мне, не особенно приветливое, может быть тоже по причине бедности, а вот в Венгрии народ жил справно, да и страна не такая разрушенная. Жили мы там совсем хорошо. Вот видишь вырвалось у меня слово жили, вроде и войны совсем не было. А ведь и на самом деле так, вроде война-войной, но человек продолжает жить.

Вот ты говоришь, не можешь представить женщину на войне. А что, женщина такой же человек. Кстати, в части приспособлялась она лучше мужика. А потом мы не были девушками из дома благородных девиц, мы – молодые, здоровые, чаще всего, крестьянские девушки, привыкшие и к работе, и к невзгодам, и к неустроенной жизни. Да и заботились о нас, и мы эту заботу чувствовали. Заботились мужики, хотя какие они мужики, те же парни-одногодки, в батарее мы все были одногодками, даже командир, лейтенант

Кругляков, был чуть только старше. Заботились бесхитростно, без умысла, но всегда ловко, больше по мелочам, в меру своих небогатых возможностей, но мы, девчонки, ценили эту заботу. Они успокаивали нас, чему-то учили, по-своему оберегали. Землянка у нас всегда была отдельная, только для девушек. Нет-нет, ребята придумают что-то насчет бани, помывки. А нет её, но вода женщине все же нужна, позаботятся хотя бы об этом. Грязи в отношениях с парнями не было, братьями они были для нас.

А потом мы тогда не чувствовали себя несчастными или какими-то особыми страдальцами. Мы чувствовали себя нужными! Обязанными, если хочешь. Ну как же, война ведь идет, кто-то должен защищать Родину. Не из-под палки мы воевали, не из-за страха быть наказанной властью за уклонение. Нет, мы были обыкновенными советскими девчонками - комсомолками, заряженные патриотизмом, верой в правоту дела, слова «долг», «обязанность» не были для нас только словами, мы ответственными за страну себя считали. Это так, сколько бы сейчас не иронизировали над патриотизмом. Конечно, нас мобилизовали, конечно, мы были здесь, на фронте не по доброй или своей воле, конечно, определяющими тогда был и страх, и ужас, но было ещё и такое понятие как «Надо!»

И ребята нам, девчонкам, больше тогда говорили: «Терпите, девчонки, надо ведь». Мы и старались терпеть. Правда, под Киевом я заболела и свалилась. Определили в госпиталь, гастрит нашли, а было, наверное, простое истощение. Но долго там не пришлось лежать, войска пошли вперед, снялась наша часть. Прилетела ко мне в госпиталь Лера Румянцева, подруга из нашей батареи, собрала меня и увела из госпиталя. Лера ленинградка, отец ее погиб там же под обстрелом, а она ушла на фронт. Она, конечно, развитее всех была. И верховодила над нами. Всю войну мы с ней прошли и после войны поддерживали связь. Встречались, перезванивались.

Войну я закончила в Венгрии, наша часть шла по южному участку фронта: Румыния, Венгрия. Особо жестокие бомбежки были к концу войны в

Венгрии, где-то под Балатоном. Но наступила весна, и все закончилось. Я за водой пошла, помню, когда услышала по радио.

Скомканная юность получилась у моего поколения. Хотя... Тут не все так просто. Я вот сейчас, под конец жизни, все больше и больше прихожу к выводу, что эти жуткие военные годы и были лучшими годами моей жизни. Дико это, наверное, звучит сегодня, но так оно и есть. Здесь, на фронте, за три года я, глупая деревенская девчонка, превратилась в зрелого человека, женщину. Здесь, и только здесь, я почувствовала себя нужным человеком, нужным моим товарищам, стране. Здесь я познала любовь, и здесь во мне зародилась новая жизнь: ведь тогда, когда 9 мая 1945 я шла за водой и услышала ту радио, под сердцем я уже носила ребеночка. В то майское утро 1945 г. едва ли можно было найти человека счастливей меня: война кончилась, я – жива, у меня есть любимый человек, теплится во мне самой новый человек... Жизнь впереди не пугала, все худшее уже пережито. Да, не все так сложилось в дальнейшем, что казалось уже определенным. Но тот факт, что на войне я зачала ребенка, никогда в последующие годы не вызывал у меня ни сомнения, ни раскаяния. Все шло естественным путем, как в жизни мирной: пришло время любить, - полюбила, пришло время зачать новую жизнь – зачала. Видимо, Богу было угодно распорядиться так: в море сплошных смертей дать жизнь новому человеку, видимо, сам Бог позаботился о сохранении рода человеческого

С отцом будущего ребенка, воевали вместе, с ним мы строили планы будущей жизни до самой Победы, он знал о ребенке. Вместе мы и ехали с фронта. До Казани, где он остался, чтобы вначале повидать родителей, а потом уж насовсем приехать в Черемшан. Больше я его никогда не видела. Не видел его и сын мой. Только когда родила. – осенью 1945 г. прислал ребенку небольшую посылочку через нашу однополчанку Раю из Казани. Рая же мне сообщила: не жди его, он женился.

Горько было, среди нас, фронтовиков, особенно презренным было предательство, и, видимо, поэтому я быстро смирилась и не искала с ним

никогда никаких контактов. Вычеркнула просто его из числа своих близких, тогда было именно так. Сейчас же я не столь категорична: не приехал тогда, значит были какие-то обстоятельства, вплоть до того, что, может, и не любил он меня вовсе. Было бы еще хуже, если бы и при этой нелюбви мы пытались бы что-то склеивать.

Дома меня с таким «положением» встретили хорошо. Родители, отец раненый пришел с фронта, так толком после ранения не оправился, так вот родители, сестры, братья трагедий по поводу меня не устраивали, не корили и не попрекали. А я родила и продолжала жить с родителями, через какое-то время пошла работать. Да, была потом возможность выйти замуж, сватали даже, и родные мои хотели, чтобы я устроила свою жизнь более счастливо, даже дом мне построили отдельный и вне очереди, брат уже женился, и ему, вроде бы, надо было помогать в первую очередь. Этот брат первым и отказался от дома. «Пусть Лиза с сыном живет, а я обернусь сам». Я и стала жить в этом новом доме, но замуж так и не вышла. Почему? Боялась нового обмана, не хотелось передоверять кому бы то ни было воспитание и заботу о моем сыне. Может быть, хотела кому-то чего-то доказать. А чего доказать и не совсем ясно, хотя, чего греха таить, доказывать приходилось, отношение в деревне к таким как я, приехавшим с фронта с «подарком», не всегда было для тебя приятным. Так вот и хотелось таким чистоплюям и ханжам сказать; «Не такая я, как вы думаете!» Не говорила, конечно, молча жила.

А может, не вышла замуж и потому, что все мои одноклассники погибли. Пустота вокруг меня была. Ни в чем я не раскаиваюсь. И хорошо, что тогда родила. Два внука теперь, два правнука. Укоренилась, проросла та наша любовь, любовь сорок пятого года. Чего же тут плохого? Недавно внук Андрей пришел, подсел ко мне и говорит: «Бабуль, а как найти тех трех девочек, у которых отцом был мой дед?» Обрадовало меня это. Родство, корни свои ищет мой внук. По-человечески все это.

Краснов Алексей Сергеевич

Родился в 1916 году в с. Средняя Камышла Октябрьского района Татарской АССР. Младший сержант. Водитель, командир машины роты управления. Пропал без вести в сентябре 1943 г. Награжден медалью за «Боевые заслуги».

Эту историю рассказал моей бабушке Вере Алексеевне Ивановой сослуживец ее отца Алексея Сергеевича Краснова. Он остался жив, а мой прадед пропал без вести. Бабушка настолько хорошо запомнила все, что было рассказано об отце, настолько эмоционально, образно эту историю она пересказывала, что мне захотелось дать ей художественное оформление. Вот что у меня получилось.

Тёмный лес и его тени

Нас – группу, состоящую из 7 человек, направили пополнить запасы продовольствия воинского отряда. И я вместе с товарищами перетаскивал ящики и мешки в грузовой автомобиль. Было почти 5 вечера, когда меня вызвал командир. Секундой позже я заметил, что к нам подошел еще паренёк из группы. Командир сказал нам: «Ребята, хорошо работаете. Справляетесь. Молодцы, одним словом! Необходимо передать несколько папок с бумагами и картой одному разведывательному отряду. В срочном порядке, ты, Алексей, за главного будешь».

Пешим ходом дорога должна была занять примерно 2 дня, поэтому мы вышли почти сразу. Мы шли молча, наверное, потому что мы оба были не из тех людей, кто любил молоть языком. Подкрадывалась темнота. Я чувствовал её позади себя, и даже несколько раз непроизвольно оборачивался, чтобы проверить. Но я никого не видел. Да что там... Я свои руки едва мог разглядеть.

На горизонте показался лес. Меня пробрала дрожь, но я думаю, что это от холода.

– Надо переночевать, хоть немного поспать, иначе не дойдём. В лесу, под деревом самое то, – предложил паренек.

– Давай спать по очереди. Сначала ты поспишь, я тебя охранять буду, и потом мы поменяемся, – он потянул меня за рукав, чтобы удостовериться, что это всё он сказал живому человеку, а не кучке хвойных деревьев.

Я устроился полулёжа под деревом. Отпил из фляги воды и предложил товарищу. Ужасно холодно, но разводить костёр было слишком опасно. Оружие у нас одно на двоих, патронов пару штук. Думаю, и его не хотели нам давать, но, Фёдор Иванович, наверное, хотел так поддержать нас. Мол, глядите, ребятки, вот защищаться будете, не пропадёте! Вряд ли моему напарнику приходилось стрелять по живой мишени, да и мне тоже. Да и пригодится ли оно тогда? Если уж беда придёт, мы – не бойцы, да и против кучи народу – нас двоих не хватит. Так я и заснул с этой мыслью.

Проснулся от ощущения какого-то нечеловеческого присутствия надо мной. Оглянулся и страх меня охватил. Я почувствовал дикое одиночество. Хотел было уже позвать паренька, но он сам это сделал. Тут он мне поведал, что в пятистах метрах отсюда развели костёр.

– Народу, человек 15 точно насчитал. Речь нерусская. Сам понимаешь, что значит. Ох, ну не только нам взбрело ночью в такой лес идти. Надо бежать отсюда, Алексей. – почти задыхаясь, негромко объяснял он.

– Да-да, уходим, вскочил я, придерживая сумку с документами к груди. Не пройдя и десяти шагов, я услышал писк и глухой удар. Очнулся привязанный к дереву, без ботинок и сумки.

Вернуться в реальность мне помог удар по лицу. Меня отвязали и толкнули близко к огню, начали яростно пинать. Я пытался закрыть лицо руками, сжался в клубок – и тут как в противодействие мои действиям – боль приходилась на спину. Массивные ботинки топтали её, от чего я содрогался и ослаблял хватку, открывая живот. Тогда они начали бить по нему. И я снова сжимался. Это длилось какое-то время, пока им не наскучило. Ко мне подошли три человека, двое из них потащили меня, просто везли по земле, а третий пинал по ногам, чтобы я пошел сам. Мы отошли на метров восемь. Меня отпустили и тут же ударили чем-то, от чего я спустился на колени. Перед моим лицом оказалось дуло ружья. Я смотрел прямо внутрь и увидел там страх, который стремительно настиг меня, он хищно вцепился в меня и распространился по всему моему телу. Они подняли меня на ноги, подвели к яме, при этом один из тех, кто держал, говорил хриплым голосом (сначала я подумал, что это было шёпотом на случай, если бы я понимал их, но это был в действительности его голос). Дали мне лопату, указав на место, а сами сели поодаль к остальным своим товарищам. Пять человек уже копали яму. Среди них я заметил паренька. Он смотрел на меня внимательно и с надеждой. Я прочитал по его губам своё имя. Мы не говорили, боясь обратить на себя лишнее внимание. Я принялся копать.

Земля была сырая и плохо поддавалась. Босые ноги вскоре стали чёрными и пальцы на них отмерзли. Ступни болели, когда пытался вдавливать лопату в мокрый грунт. Попеременно менял ноги, чтобы хоть как-то смягчить боль. Возможно, они были в крови, но увидеть я этого не мог и почувствовать тоже. По лицу катился пот, который в миг становился холодным. Пересохло в горле и хотелось есть. Прошло пару часов, мы вскопали в высоту примерно

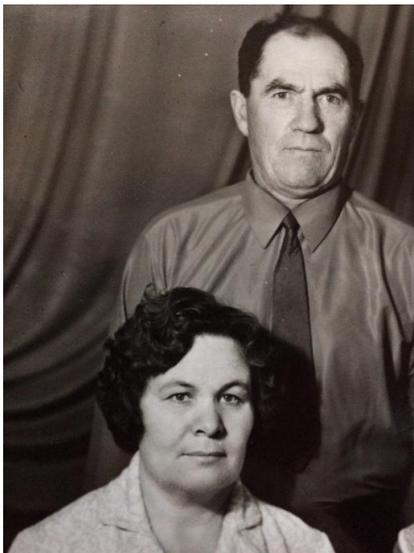
полтора метра. Небо светлело. Темнота начала рассеиваться. Тусклый свет придавал окружающей обстановке очертания.

Сверху начали скидывать трупы как мешки. Прямо на нас. Я отстранился к краю ямы. Несколько из нас пытались взобраться на поверхность, заметив это, немецкие солдаты начали кидать камни. Их смех не прекращался. Один парень пытался преодолеть высоту, карабкаясь по влажной неприступной стене, его пристрелили. Тело рухнуло к остальным останкам и смешалось с ними, в миг превратившись в такой же мешок неживой плоти. Страх и отчаяние – это всё, что я мог ощутить тогда.

Паренёк держался в углу. Его пихали палками. Он упал. Трупы продолжали лететь в эту яму. Его завалило. Я понял то, насколько я бессилен. Понял, насколько жизнь бесценна: это самое удивительное, что существует в этой Вселенной; и также это не имеет никакой цены в рамках той же Вселенной, ты просто винтик, крупица, пыль. Словно всё живёт и будет продолжать жить. А я умру. И мир не потеряет от этого много, зато сколько потеряю я. Остальных тоже начали нещадно и резко бить палками, чтобы мы свалились с ног. «Помощь не придёт, мы все тут умрём», - подумал я. Меня тоже завалило в мгновение. Давило на спину и живот. Это был кошмар наяву, открывающий взор реальности этого мира. Теперь реальность была такова: мы умрём, осознавая это, пока будем дожидаться смерти. Стояла глухая тишина. Казалось, что прошла уже целая вечность. Я постарался вылезти из-под нависшей на меня туши и перевернуться на бок. С паузами я пролезал между телами, так как подвинуть их было невозможно. От них исходил тухлый запах. Дышать становилось тяжелее. Мне повезло, что я был на поверхности этой горы мертвецов, и у меня были хоть какие-то шансы. Толкаясь среди мёртвых тел, я достиг земляной насыпи. С большим усилием я смог повалиться на живот и упереться о тело покойника, и спиной вытолкнуть тяготеющую грудку земли. Я увидел свет.

Последнее письмо от него пришло 20 февраля 1943 г.

Лоскутов Савелий Иванович

Родился в 1917 году в д. Кислицино Советского района Марийской АССР. Водитель автомашины автотранспортной роты. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За Отвагу»

«Фотография из семейного альбома»

Однажды в детстве мне довелось найти альбом со старыми фотографиями нашей семьи. Именно тогда я в первый раз услышала о своем прадедушке – Савелии Ивановиче. Мой прадед выучился на тракториста, а после работал в местном колхозе. За 2 года до начала войны был призван в армию, где его определили на Дальний Восток. Там он получил водительские права и служил поначалу в автополку. Когда началась война, он продолжил службу в Забайкалье, так как в сложившейся обстановке существовала угроза нападения японской армии на СССР, поэтому дальневосточные границы страны тоже нуждались в защите.

В 1942 г. Савелий Иванович был направлен на Ленинградский фронт. Из курса истории известно, что 18 января войсками Ленинградского и Волховского фронтов в ходе наступательной операции удалось прорвать начавшуюся 8 сентября 1941 года блокаду Ленинграда, а именно - освободить побережье Ладожского озера и установить связь с городом. Это была дорога по

заледеневшему озеру, которую называли «Дорога жизни». Савелий Иванович являлся участником этой операции, а после прорыва, на протяжении дальнейших освободительных действий Красной армии, он по возможности ввозил в город продовольствие, одежду, оружие и другие необходимые средства существования. Сложно даже представить, что он видел там: мертвые, обезвоженные, голодные люди с блеском сохранившейся надежды в их глазах. Но никто не сдавался до последнего, никто не устрасился перед превосходящей силой врага. Он воевал до самого победного конца войны, участвовал в освободительных операциях в Восточной Европе, в то время как советские войска продвигались в сторону Берлина.

Однако после подписания безоговорочной капитуляции Савелий Иванович был вынужден остаться в рядах армии, дома никто не знал, когда он вернется. Савелия Ивановича направили служить в Чехословакию, где советская армия приводила страну в порядок после гитлеровской оккупации. Там он пробыл до 1946 г., а после вернулся домой в колхоз. Прадед стал работать водителем. Он построил здесь дом, в котором по сей день живет моя семья, встретил свою будущую жену Марию Федоровну. Но до самой смерти прадед никогда не забывал о том, что когда-то происходило с ним, о том, какие страшные вещи он наблюдал, о том, как хоронили братьев, друзей, сослуживцев. Каждый год 9 мая, сидя в тихом дворе своего дома или гуляя в компании ветеранов, он шепотом благодарил погибших за то, что он дышит, любит и живет.

Мать Савелия Ивановича – Матрена Андреевна в 1941 году проводила на фронт шестерых детей, домой прислали похоронки на троих, что стало страшным ударом для матери. Еще один брат Савелия Ивановича не вернулся домой, и его признали без вести пропавшим. В 1945 году домой вернулась старшая дочь Матрены Андреевны – Лоскутова Анна Ивановна. Она добровольцем ушла на фронт, была зенитчицей на Западном фронте, участвовала в битве за Москву.

Мавлетбаева (Хабибуллина) Назия Шамсуновна

Родилась 22 августа 1938 г. в д. Абдрахманово Альметьевского района ТАССР. Награды: медали «За трудовое отличие», «Ветеран труда», «Почётный ветеран». Заслуженный деятель культуры Республики Татарстан.

Ничто не напрасно...

Я родилась в 1938 г. в небольшой деревушке Абдрахманово. Когда началась война, мне едва исполнилось 3 года. Поэтому я была ещё далека от понимания слова «война». Как мгновение пролетело моё довоенное детство. До 1941 года мама не брала нас на поле, однако мы рано познали тяжесть крестьянского труда. Нам было в радость помогать старшим: мы веселились, когда собирали урожай, соревновались, когда пололи грядки колхоза. Усталость настигала нас только под вечер. У нас в ту пору было по-настоящему счастливое детство, которое вскоре отобрала у нас война. Мама каждый день была на работе. Ей нельзя было пропускать ни дня. Днём она работала, а в свободное время учила взрослых односельчан грамоте и чтению. Она научила меня читать и писать. Но я так и не смогла написать письмо своему отцу... Накануне Нового 1942 года пришла похоронка: отец погиб в Новгородской области (д. Дубовицы Парфинского района), в операции «демянский котёл». Поэтому 1942 год запомнился для меня самым тяжелым годом... тяжелее, чем те года, когда практически вся деревня голодала. Было тяжело морально...

Мне было 3 года, когда я видела папу в последний раз. Я помню только некоторые моменты: как папа собирал свои документы, принадлежности. Как он обнял меня и поцеловал. Он делал так каждый раз, когда уходил на работу. Поэтому я не придавала этому значения. Со слов матери папа работал ветеринаром. В тот день в деревне проходил Сабантуй, но папа решил пойти на рыбалку (недалеко от нашего дома протекает река Зай). По словам матери в тот день он хотел оторваться от мирской суеты, и побыть наедине с природой. Видимо что-то тревожило его душу. Там же он и узнал о начале войны и получил повестку. Помню, как он пришёл домой, собрал всё нужное и с первым эшелонам ушёл на фронт. Эшелон отправлялся из Бугульмы. Однако мы не смогли туда поехать. До сих пор в памяти хранится день, когда вся семья провожала отца. Мама с бабушкой долго плакали. Я никогда в жизни более не видела их такими сломленными и поняла эту боль лишь спустя время...

С малых лет я помогала маме по хозяйству. Так как днём мы чаще оставались с бабушкой, она учила нас заниматься домашними хлопотами. До войны у нас было много скота, которого нужно было кормить. В огороде росли картошка, овощи. Мы с бабушкой работали, не покладая рук, чтобы урожай было больше, так как многое забирали на фронт, нам оставалась лишь часть всего урожая. Бабушка всегда хвалила меня даже за самую простую работу. По её словам, она специально для меня пекла хлеб, делала блинчики из крапивы. Колхоз давал муку лишь в ограниченных количествах. А мясо и вовсе считалось «деликатесом». Наверное, поэтому настоящей радостью было обеденное время.

Когда я стала старше, бабушка научила меня доить корову, готовить из тех немногочисленных продуктов, что имелись у нас в запасе и в целом следить за хозяйством. Помню с 1944 – 1945 годов мама начала брать меня на работу. Я помогала ей колоть (точнее собирать уже колотые дрова), готовить сено, ходить за грибами, ягодами, за различными травами.

Я помню один случай: как мы с сестрёнкой и мамой кололи

почтовая карточка от Хабибуллина Шамсуллы жене

дрова. На дворе 1945 г. Была осень. Сил не осталось, на улице стоял мороз. Вскоре появился сосед. Взял у меня топор и помог

доделать начатую работу. Я была очень благодарна ему. Наверное, годы войны научили нас быть добродушными, терпеливыми и стойкими перед любыми трудностями. Война сблизила нас всех, и с каждым годом это чувствовалось всё сильнее.

Я очень любила праздник 1 мая. Тогда это праздник называли «День Интернационала». Помню, как мы с семьёй ходили на «маёвки». На тот момент мне казалось, что на день всё становилось как прежде, что война на день останавливалась. Только всё так же не было еды, и всё так же не хватало отца.

В начале 1942 года у меня появилась сестрёнка, Назия. Я была так счастлива этому. Помню, как смотрела на неё и мечтала, что вскоре мы будем вместе играть, работать, будем вместе ждать папу... В тот год у нас осталась единственная корова, которая родила теленка. Я очень обрадовалась тому, что у нас во дворе появилось ещё одно живое существо. Однако вскоре его забрали. Я не хотела с ним расставаться и сильно испугалась, что у меня отнимут и сестрёнку.

Нам не случалось сталкиваться с противником. Но мне удалось познакомиться с теми, кого постигла эта участь. Во время блокады Ленинграда в деревню привозили женщин и детей. Они вставали у нас на учёт и жили вместе с нами. Когда я стала председателем сельсовета и своими глазами увидела списки тех, кто был эвакуирован в Абдрахманово в годы войны, меня

охватил ещё больший ужас. Все эти люди уехали из родных краёв, в надежде выжить. После войны многие из них вернулись домой, в дома, которых, возможно, уже и не было. В числе эвакуированных мне запомнилась одна семья, состоявшая из матери, её сына и бабушки. Как позже выяснилось, в семье было 2 ребёнка, но второй скончался по дороге. С мальчиком из этой семьи я была знакома лично. В 1945 году я пошла в школу. Его же постоянно не было на занятиях и это легко объяснялось. В первые годы, когда они переехали в нашу деревню, у них не было даже обуви. К тому же, вероятно, привыкнуть к новой жизни было невероятно трудной задачей даже для взрослых. Что говорить о детях?

С наступлением победы жизнь в деревне сильно не изменилась. Сестрёнке исполнилось 3 года. Мне всё так же не хватало отца. Мне было радостно видеть, как возвращаются солдаты. И каждый раз меня не покидала надежда, что похоронка была отправлена ошибочно, что в один прекрасный день папа переступит порог дома и всё будет, как раньше, но этого не случилось. О победе слышали по радио. В тот день на площади напротив сельсовета собралась толпа. Все радовались, плакали, наш сосед играл на баяне.

В октябре 1945 года (учёба начиналась только в октябре) я пошла в 1 класс. Окончив её в 1955 году, начала работать сельском совете. Я не хотела уезжать далеко от матери, потому как она нуждалась в моей помощи. Мне сейчас 81. Детство, приходящееся на годы войны, остались далеко позади. Но я никогда не забуду того, через что пришлось пройти. Войну трудно было пережить, ещё труднее её забыть...

Миллер Мария Георгиевна

Родилась 18 февраля 1910 года в Саратовской области. Труженик тыла.

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в каждой семье. Она коснулась и моей семьи. Я хочу рассказать со слов моей бабушки Зубринкиной Маргариты Васильевны и с помощью сохранившихся в нашей семье документов о нелегкой судьбе её тёти Миллер Марии Георгиевны. Мария – старшая сестра моей прабабушки по материнской линии Миллер Паулины Георгиевны.

У моей прабабушки была старшая сестра и два брата. По национальности они являлись немцами Поволжья, их род проживал в Саратовской области со времен Екатерины II. Во время Великой Отечественной войны при наступлении фашистов к Волге все немцы, проживающие на территории Саратовской области, были депортированы. Старшего брата Миллер Генриха (Андрея) Георгиевича депортировали в Сибирь, в Омскую область. Младший брат Миллер Давид Георгиевич на момент начала Великой Отечественной проходил службу в Красной Армии и в первые же дни войны был отправлен на фронт, где и погиб (успел отправить только одно письмо, которое не сохранилось, считается без вести погибшим). Моя прабабушка Миллер Паулина Георгиевна на тот момент находилась еще в приюте, как несовершеннолетняя, и позже тоже оказалась в Омской области после эвакуации приюта.

Что касается Миллер Марии Георгиевны, то её судьба тоже складывалась не легким образом. Потеряв ещё в довоенные года (1932-1933) во время голода двух малолетних детей и мужа, Мария через какое-то время повторно вышла замуж и родила троих детей. Так, разлученная со своими братьями и сестрой, при депортации она вместе с мужем и детьми была тоже депортирована в Омскую область. При переезде Мария Георгиевна вновь теряет двоих малолетних детей, умирающих от дифтерии в поезде, где царил полная антисанитария. На руках у нее остается только сын Давид, названный в честь ее брата. Прибыв в Омскую область, её мужа отправляют на лесозаготовки, где он умирает от болезни.

Но вскоре судьба сталкивает Марию Георгиевну с новой бедой, её вновь депортируют, на этот раз в Казань на военный завод (на сегодняшний день он является все ещё действующим и называется Точмаш, ранее этот завод был эвакуирован из Ленинграда), при этом женщинам запрещают брать с собой детей. Марии приходится оставить пятилетнего единственного сына своей соседке в Омской области, не подозревая о том, что она больше никогда не сможет вновь увидеть его. При переезде в Казань в поезде Мария Георгиевна совершенно случайно встречает свою младшую сестру (мою прабабушку) Паулину Георгиевну, тоже депортированную в Казань на тот же завод, что и Мария.

После окончания войны, Мария Георгиевна пытается найти своего сына Давида, но в послевоенные годы она, как представитель репрессированного народа, не может покинуть Казань. Так ей оставалось только писать письма своим знакомым и подавать запросы в организации. Сына так и не увидела.

Мингазова Ильза Бурхановна

Родилась 16 июня 1935 года. Жила в Казани в годы войны. Училась в школе № 90.

Четыре года в ожидании счастья

Праздник в самом разгаре. В преддверии Нового года вся детвора собралась в нашей просторной комнате; папа Бурхан Хасанович и старший брат Ильдус поставили большую ель в небольшой разноцветный горшок, которую окружили наши ребята. Наши глаза искрились, и в душе каждого играла мелодия старого коричневого граммофона, а родители, прислонясь к межкомнатной арке, никак не могли нарадоваться братом и мной, так задорно пляшущими возле елки. Ильдус был любимым ребенком, а главное – мой брат всегда был первым помощником родителей. Мы точно знали – после плясок нас ждет тонкий кусочек ароматного, темного хлеба, смазанного чем-то мясным. Я думаю, отец заранее постарался добыть эти чудесные консервы! Это ли не счастье? Но это только сон. Сладость моего сна нарушила беспокойная беседа старших. В соседней каморке, которую мы приспособили под кухню, отчетливо слышались всхлипывания матери Гульсум, командный тон отца. «Бурхан, но ты не можешь уехать! Я этого не переживу: воспитание троих детей сломает меня, а дети, дети будут оставлены на произвол судьбы...», – выдавила она, глядя на него красными глазами.

В шесть лет мне неинтересен диалог за стеной, я предпочитаю следить за ползущей по стене мухой, пока братья спят рядышком. Чувствую аромат гречки и встаю. На кухне никто не обращает на меня внимания, все слушают радиоприёмник. Для меня всё как прежде – воскресным утром двадцать второго июня все родные дома. На следующей неделе отца провожали на фронт под «Прощание славянки». Теперь я уже начинаю интересоваться песнями, причём военными, жизнь задает новый тон.

Бурхана Хасановича определили в сухопутные войска. Весточек от него приходило мало. В своей памяти я храню только его мужественный образ.

Наша семья и все соседи, начиная от эвакуированных блокадных и заканчивая старожилами, знают, что он был ранен в Сталинградской битве. Почти тысячу километров отцу и его собратьям пришлось прошагать от Волги до Сталинграда. С какими увечьями он прибыл в ульяновский госпиталь, мне неизвестно. Но в документах значилось: из госпиталя его тело было вывезено в братскую могилу местного кладбища. Похоронка была прислана в ноябре 1942 года. Именно в тот день брат Ильдус понял, что он и муж, и брат, и сын. Семейные заботы тяжким грузом легли на еще не окрепшие, юные плечи. Ильдус знал цену каждой мелкой сделке, поэтому всегда был при деле. Иван Александрович, квартирант этажом ниже, был военным. Сигарет он на дух не переносил, сбывал свои военные папиросы моему брату. Холодными, промозглыми вечерами Ильдус торговал папиросами у самого входа в кинотеатр «Электра», монетку за монеткой скидывая в карман старого холщового пальто. Мой брат уже в зрелом возрасте припомнил ситуацию, когда его, юнца, оставили с носом, украв пачку прямо на глазах.

История с хлебом так же неизгладима из моей памяти. Это было очень кропотливым занятием – резать буханку хлеба на восемь больших частей и серединку (самую тонкую, девятую часть) оставлять для своей семьи. Мы с Ильдусом покупали хлеб за 200 рублей и восемь частей продавали за 25 рублей каждая, то есть будто по себестоимости; недовес был неразличим на глаз.

Я, еще дошкольница, с друзьями ходила в подвал местного пединститута. В этом подвале нам разливали суп по старым тарелкам. Неудивительно, что все мы ели очень быстро. Кто-то боялся, что у него отнимут заветное, поэтому не хлопал ушами. Мы ели как маленькие зверьки, и наша большая община была диким зрелищем. Иногда можно было услышать за столами злые шутки забористых повес, детский смех, плач – и все эти впечатления с холодом залегали в душу, оставляя в ней звуки суеты: рокот столовых приборов, зычный крик поварахи, возгласы малышни. Место холодное и худо освещенное, зато тарелка водянистого горячего супа, в котором, кому повезет, и косточки

рыбных консервов попадут, была для меня обрядом каждодневного удовлетворения. Чётко помню, что тарелки были с синей каймой.

Что касается меня, то бабушка Бибикамал ежедневно выдавала мне хлебные карточки. Однажды, имея на руках ровно пять продовольственных карточек, я выбежала во двор и в благодушном настроении помчалась к огромной очереди за перекрестком. Добропорядочно заняв очередь, я вскидывала голову к небу и что-то высматривала; только спустя часы очередь дошла и до меня. Растрюсив свои карманы, я так и не обнаружила карточки.

В один августовский день я в одиночестве сижу на крыльце своего дома. Мама уехала в Кильдуразы (Апастовский район), там получила должность заведующего аптекой, приезжая раз в две недели, она снабжала нас продовольствием. Мать привозила чемодан со свежим хлебом, теплыми картофельными ватрушками... И в очередной пятничный день она приехала домой. Она застала меня в комнате, в то время как остальные ребята были в школе. С удивлением обратившись к бабушке, спросила: «Почему Ильза сегодня не в школе?» Я ей объяснила, что мне нечего надеть в школу. Залатанное тряпье на мне омрачало мои дни в школе, поэтому я просто пропускала занятия, и бабушка не могла мне противостоять. Одинокое серое платье на вешалке было ветхим, медные пуговицы стали чернеть, а красивое кружево изъела моль.

Снежинки медленно падают за заиндевелым окном, пока я дочитываю отрывок из книги Габдуллы Тукая. Подле меня за самодельным столом сидит бабушка, прокладывая раскатанную вату между медицинскими бинтами. Так она создает небольшие теплые лоскутки для моего будущего ватника. Мама снабдила нас всем необходимым: ведь ей, как фармацевту, можно иногда принести домой бинты, куски ваты или медикаменты. Сшивая белые квадраты между собой, бабушка создает для меня новое зимнее пальто, которые затем выкрашивает в отцовских чернилах: «Бурхану чернильница уже не нужна, кызым, подай-ка мне с полки...». Отец преподавал математику в школе. И

только любимая чернильница, подаренная ему моей матерью, синим пятном выделялась на пустом столе.

Этот учебный год промчался незаметно. Уже сентябрь 1942-го и я в теперь уже новом платье и с пышным букетом гладиолусов торопливо шагаю в школу. Дело в том, что из США приходила одежда для советских детей, не знаю как, но мне досталось креповое красное платье в крупный горох. Оно просто не могло не восхитить всю нашу улицу. В этот первый день сентября мне поскорей хотелось выбежать из дверей школы, чтобы покататься на нашем городском трамвайчике, ведь это баловство доставляло нам особенное удовольствие. Вечером мы непременно собирались нашей дружной гурьбой, где за костром обсуждали военные действия, подвиги наших солдат; каждый рассказывал, что слышал от взрослых о войне.

Помню моя мама сидит передо мной с перевязанной рукой, а я плачу и кушать хочу... А она говорит: «Ну нет у меня ничего!» Мы голодали с тех пор, как мама перестала ездить в Кильдуразы. Бывало, я захаживала к маме в госпиталь, она передавала нам свой обед – порядка 500 граммов хлеба – Ильясу, прежде всего, а потом и остатки нам с Ильдусом. Я помню длинный коридор с затхлым запахом и железные койки с ранеными. Серая муть затмевает глаза, и, кажется, что сейчас потеряю сознание. Однако перебарываю себя и медленно шагаю вперед. Справная главврач, пышущая энергией и привлекательностью, останавливает свой взор на мне, однако это меня не волнует, и я двигаюсь вперед. С материнской обходительностью она узнает, что привело меня в госпиталь – это порядком удивило её, ведь она не знала, что дочь её работницы пухнет от голода. С тех пор главврач выдавала мне порцию, наверное, предназначенную больным, и я потихоньку начала выздоравливать. В день Победы мы с братом в приятный весенний час привычно и без возмущений пошли сажать картофель на небольшом поле за нашим домом. Каждый из нас точно знал, что наступит мирное и теперь уже спокойное время. Закончились четыре года в ожидании счастья – Победа!

Мои боевые прадеды

Рассказ об участниках Великой Отечественной войны М.Х. Хабибуллине, З.Г. Газимзянове, Ф.М. Хазиеве, труженике тыла М.М. Газимзяновой.

Каждый год наша страна отмечает годовщину победы в Великой Отечественной войне. И как же мне было приятно узнать, что свой вклад в Великую Победу над нацистскими захватчиками внесла и моя семья, и мои боевые прадеды. О них я и хочу подробнее рассказать.

Хабибуллин Миннулла
Хабибуллович (слева)

Первый мой прапрадедушка (со стороны мамы) **Хабибуллин Миннулла Хабибуллович** (28.08.1908–02.12.1997) родился в д. Кудашево Бугульминского уезда Самарской губернии (в годы войны Ново-Письмянский район ТАССР), в семье крестьян-середняков. В г. Бугульме окончил 8 классов. Работал секретарем сельсовета, районным инспектором хозяйственного учета Альметьевского района.

Принимал участие и был премирован деньгами за перепись скота в 1935 г., за перепись населения в 1937, 1939 и 1959 годах.

В Красную Армию был призван в феврале 1942 г. В ноябре 1942 г., был зачислен в 33-ю Гвардейскую Севастопольскую дивизию. Вот что написано в его боевой характеристике: «Товарищ Хабибуллин М.Х. – участник боев на фронтах Отечественной войны. Бился на Сталинградском, Южном, Украинском и Прибалтийском фронтах. За время пребывания в батальоне, тов. Хабибуллин М. Х. проявил себя как стойкий, мужественный и дисциплинированный боец. В боях с немецкими захватчиками, личным примером увлекал бойцов на подвиги, будучи всегда впереди. Как пулеметчик, тов. Хабибуллин М.Х., пулемет всегда держал в исправности и с него он мужественно и стойко бил фашистов. Товарищ Хабибуллин М.Х. морально устойчив, выдержан, политически развит, предан делу партии Ленина».

В 1944 – 1945 гг. он был курсантом и состоял на военной службе в Московском Краснознаменском военно-политическом училище им. В.И. Ленина. 16 октября 1945 г. был демобилизован из состава советской Армии. После войны поступил на работу инспектором ЦСУ Альметьевского района. Работал в исполкоме, райсовете. За проявленный героизм и отвагу он был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

Второй мой прапрадед (со стороны мамы) – **Газимзянов Закижан**

Семья Газимзяновых.
Слева направо: Мугалима, Муктасим, Закижан Газимзянович, Мунира, Марьям Мансуровна, Раиса.

Газимзянович (22.03.1903 – 21.02.1976). Ушел на войну с самой первой мобилизацией. Прошел все трудности Суслонгерских лагерей для новобранцев. Учебный лагерь печально известен преступной халатностью руководства: продавали продукты, полагающиеся солдатам,

из-за чего последние умирали от голода или совершали самоубийство, не вынося таких условий. Попав на ленинградский фронт, был зачислен в разведгруппу. Много раз мой прадед участвовал в доставке «языка» противника. Кроме того, проникая по ночам в Ленинград с товарищами, собирал по ночам мертвых и хоронил их. По словам моей бабушки Мугалимы: «Папа, вспоминая и рассказывая эти эпизоды, всегда плакал». В июне 1943 года, при возвращении из разведки, дедушка был ранен в левую ногу. «Языка» они все-таки доставили, но его товарищу пришлось тащить попеременно то «языка», то его. Это было его последнее задание, а дальше – госпиталь... И ампутация левой ноги трижды без наркоза обыкновенной пилой.

У Закижана Газимзяновича была большая семья. Его жена, моя прабабушка, **Газимзянова Марьям Мансуровна** (17.12.1908 –16.04.1996), всю

Закижан Газимзянович с женой Марьям Мансуровной

войну проработала конюхом в тылу. Хороших лошадей забрали на фронт, оставались так называемые «клячи». В условиях постоянной нехватки кормов, суровых зим, женщинам приходилось изо всех сил ставить лошадей на ноги. Результатом таких невероятных трудов стало то, что бабушка заболела, и у нее

отнялись ноги. Это произошло как раз в тот момент, когда ее муж вернулся из госпиталя в 1943 году.

Его дочь, моя бабушка Мугалима, вспоминала: «Папа въехал во двор на повозке, слезть с которой без посторонней помощи не мог. Ждет. Никто его не вышел встречать потому, что мама не может ходить, бабушки не было дома, сестры на работе на полях, а мне примерно пять лет. Мама слышит отца, но не может ничего сделать и двигаться. Отец рассержено кричит извозчику: «Поворачивай назад! Меня здесь никто не ждет!», и мама с криком, практически выбросилась во двор и поползла к повозке со слезами. Тут папа понял в чем дело, спрыгнул с повозки, и они поползли друг к другу. Так папа распрощался с военной службой». За проявленный героизм и отвагу награжден орденом Славы I степени, медалями за «Оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», «За отвагу». Впереди их семью ждали трудности послевоенных лет и болезнь Закижана – ведь он, находясь в разведке, часами лежал на снегу. К тому же влажный климат Ленинграда вызвал у него астму и другие сопутствующие болезни. После выздоровления в 1943 – 1956 гг. он был председателем сельсовета. Марьям тоже выздоровела, работала в колхозе.

Мой прадед Закижан отличался строгим, справедливым и напористым характером. Его дочь Мугалима рассказывает: «Недалеко от околицы в один

год посеяли горох. И, когда он стал поспевать, мы, дети, пошли в поле и набрали полные карманы зеленого гороха. Принесли его домой, и мама сварила гороховый суп. Папа, когда увидел это, выстроил нас перед столом и допросил: «Откуда это? Ведь горох еще не убрали, колхоз никому не отпускал – значит своровали! Мне не нужны дети-воры!». И выгнал нас из дома. Этим он навсегда отбил у нас желание трогать не только чужое, частное, но и общественное. С этим чувством мы доживаем свой век. Мы очень благодарны своему отцу и матери и очень гордимся ими».

Третий прадед, участвовавший в Великой Отечественной Войне (со

Фоат Хазиевич с женой Гайшей Мингалиевной

стороны папы) – **Хазиев Фоат Мухаметович** (20.10.1920-06.10.2000).

В Красную Армию был призван осенью 1941 года. В 1943 году он был ранен в ногу, и осколком снаряда ему оторвало 3 пальца на правой руке, впоследствии был демобилизован. Осколок снаряда так и остался в ноге до конца его жизни.

После войны, из-за влажного климата средней полосы и из-за ноющей боли в ноге, ему пришлось переехать в Таджикистан, где и родился мой папа. В последние годы Фоат Мухаметович, убегая от второй в его жизни войны - войны в Таджикистане, приехал и остался навсегда на своей исторической родине – в г. Альметьевск. За боевые заслуги мой прадедущка был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Я горжусь тем, что мои прадеды были активными участниками Великой Отечественной Войны и внесли свой вклад в победу. С тех пор праздник 9 Мая – это праздник нашей большой семьи. Я всегда буду вспоминать подвиги моих предков, благодарить их за то, что ценой своей жизни и здоровья они завоевали нам мирное небо над головой!

Моя семья в годы войны

Великая Отечественная Война. Страшное время для нашей страны. В каждой семье есть свои воспоминания, история, и даже сломанные судьбы. Нелегкие годы, когда мальчишки становились взрослыми и шли воевать. Когда матери, сестры и бабушки работали, не покладая рук в тылу. Когда отцы уходили на фронт, а возвращались немногие. Вот и нашу семью тоже коснулось это время. Собирая информацию для проекта, я узнала очень многое о своих родственниках, как они жили в это суровое время.

Моя прабабушка – **Дзема Евгения Григорьевна**. Во время войны она трудилась в колхозе, а затем училась на курсах снайперов. Это была зима 1944 года. Она училась, часами лежа в снегу, что потом сказалось на ее здоровье. Весной 1944 года мою прабабушку должны были отправить на фронт, но вышел приказ о том, чтобы девушек и женщин на фронт не брать. Тогда уже нужно было думать о будущем страны. Её мама – **Ходак Прасковья** – во время войны пекла хлеб для фронта, как лучшая хозяйка деревни Колосовка Башкирской АССР. Очень сложно было выживать в деревне, но выручали овощи. Жители деревни делились семенами овощей с жителями соседних башкирских деревень, так как до войны башкиры занимались скотоводством. Во время войны лошадей отправляли в войска и люди в башкирских деревнях умирали от голода. В эти времена люди старались спасти друг друга.

Мой прапрадедушка **Григорий Гаврилович Ходак** не был призван на фронт, так как ему на начало войны исполнилось 53 года, поэтому его и младшего сына **Дмитрия** отправили в трудармию – на юг в Ростовскую область, где шли кровопролитные бои. Нужно было собирать и хоронить трупы и наших солдат, и фашистов. Это был невыносимый труд, как в физическом, так и моральном плане, особенно летом.

Старший брат прабабушки – **Ходак Николай Григорьевич** был офицером, воевал с начала и до конца войны. После войны был военным комендантом города Североморск, вышел на пенсию подполковником. Старшая

сестра прабабушки – **Екатерина** – во время войны была в колхозе комбайнером-трактористом. Приходилось чинить технику, когда не было ни запчастей, ни теплой одежды, вся страна жила так во времена войны.

1944 год, Украина. Верхний ряд, центр – И.Г. Дзема

Мой прадедушка – **Дзема Иван Григорьевич**. Родился в 1923 г. в Стерлитамакском районе Башкирии. Он ушел добровольцем на фронт в 1941 году – ему еще тогда не было и 19 лет. Под Сталинградом воевал в башкирской дивизии, в которой воевал и его дядя **Комар Тихон Петрович**.

Прадедушка прошел всю войну, дважды был ранен. Был младшим лейтенантом, артиллеристом, командиром расчета. Имел пушку сорок пятого калибра. Иван Григорьевич награжден медалью «За оборону Сталинграда», орденами Красной Звезды и Отечественной Войны. В 1948 году был демобилизован, женился, у него было трое детей. Стал председателем колхоза. Никогда он не рассказывал детям и внукам о войне. Говорил, что это страшное время, и кто по-настоящему воевал, тот молчит. Он только однажды рассказал о случае на войне. В начале военных действий прыгал с парашютом и попал в болото. Выбраться помогли местные рыбаки, проходящие мимо.

Его старший брат **Андрей Григорьевич** в июне 1941 года приехал в отпуск в родную деревню Яблуновку вместе с невестой. 20 июня 1941 года у них была свадьба. На следующий же день он отбыл к месту службы – на Дальний Восток. До 1944 года он писал рапорты о том, чтобы его отправили на фронт. Наконец его просьбу удовлетворили – в то время наши войска освобождали Молдавию. Так случилось, что с прадедушкой они оказались в соседних частях и смогли даже встретиться. Но через месяц Андрей

Григорьевич погиб под Яссами. Он был офицером, комиссаром части. Уже в наши дни родственники нашли его могилу, за ней много лет следил один молдаванин, а затем его сын.

Мама моего прадедушки **Дзема Анастасия Петровна** и его младшие братья **Григорий** и **Василий** трудились в колхозе. В начале войны в деревню привезли эвакуированных женщин и детей. Две семьи поселились и у прапрабабушки. Было еще самое начало войны, женщины прибыли из Москвы. Когда однажды прапрабабушка увидела выброшенные черствые белые булки, она, конечно, отругала этих женщин. Спустя время они поняли, что совершили недопустимую ошибку и жалели о своих действиях. Анастасия Петровна рано осталась вдовой с пятью сыновьями, ее муж умер в 1930 году в возрасте 30 лет.

Годы Великой Отечественной Войны были очень тяжелыми, как и для нашей семьи, так и для всего нашего народа в целом. На кону стояла жизнь и свобода. Каждый вносил свой вклад в победу нашей страны. Этот подвиг нужно помнить и чтить память.

Мухамадеев Магдан Хусаинович

Родился 15 декабря 1936 года в селе Яналиф Бугульминского района ТАССР.

Детство моего бабая выпало на период Великой Отечественной войны. Когда началась война, ему было всего 5 лет. В семье моего дедушки было еще 4 человека – его мама, папа, сестренка и бабушка. Мой прадедушка болел туберкулезом, поэтому его не взяли на войну. Несмотря на это, он все равно работал с раннего утра до позднего вечера счетоводом на колхозе, а моя прабабушка работала в поле. Воспитанием дедушки, в основном, занималась моя прапрабабушка.

Они держали корову, кур, гусей и несколько баранов. Несмотря на это, дети и взрослые были всегда голодными, потому что им ничего почти не оставалось, все мясо, яйца, шерсть сдавали в колхоз по продразверстке для помощи фронту.

Дедушка рассказывает, что зимой было очень холодно и для того, чтобы растопить печь, они ходили за щепками для дров, потому что нельзя было рубить деревья в лесу. Они сами готовили сено для скотины; зерно, полученное за трудодни, везли на мельницу, чтобы смолоть муку для хлеба.

«Раньше татары в огородах около дома сажали только картошку, а свеклу и капусту не выращивали, даже при получении их за трудодни скармливали скотине, потому что не знали о том, что эти овощи можно есть. Мы как раз и относились к числу этих татар», – рассказывает дедушка.

«Нам было трудно, и мы были голодны в годы войны, но все же у нас были времена, когда мы веселились. Наша деревня стояла на берегу маленькой речки Сула, летом там мы с друзьями ловили рыбу. Весной ходили собирать с деревьев яйца диких птиц», – вспоминает мой дедушка.

В 1945 году умер отец деда. После ухода кормильца им было очень трудно выживать. Все хозяйство, включая и мужские обязанности, легли на плечи его мамы, поэтому она очень сильно заболела к сорока пяти годам.

Мой дедушка учился у себя в деревне в татарской школе, там он закончил 4 класса, затем перешел в другую школу в селе Надеждино, где учился до 8 класса на русском языке. Дедушка рассказывает, что ему было очень трудно первые годы обучаться на русском языке, это для него казалось просто невероятным, однако постепенно он привык и окончил школу, учился в ремесленном училище в Бугульме на тракториста, после окончания учебы их отправили в Казахстан на целину. По приезду они обнаружили, что там нет ни тракторов, ни жилого помещения, поэтому им приказали копать траншеи. Трактористы сказали, что траншеи копать они могут и у себя дома и вернулись в Татарстан. Когда мой дедушка приехал с целины, он устроился на работу трактористом в СУ-854 треста «Каздорстрой». Закончил вечернюю школу и заочно Куйбышевский строительный техникум транспортного строительства. За годы трудовой деятельности он поднялся до начальника РММ и проработал в этой организации 66 лет. Мой дедушка получил звание Ветерана Труда. Выйдя на заслуженный отдых, устроился охранником в Дом Карате и проработал там 10 лет.

На сегодняшний день у моего дедушки есть две дочери, сын, две внучки, два внуки и две правнучки. Он всем нам помогает, поддерживает, дает советы. Мы все его любим, ценим, уважаем и желаем долгих лет жизни.

Мухаметшина Ламига Хазиахметовна

Родилась в д. Старые Челны Алькеевского района. В начале войны было 13 лет.

Я родилась в семье муллы. Отец наш скоропостижно умер в возрасте 47 лет, мама осталась одна с 5 детьми, старшему из которых было 17 лет, а младшей 2 года. Время было тяжелое, время голода в стране. Отец всю жизнь работал сам, не надеясь ни на кого, он научил и нас не ждать милостыни, а уметь обеспечивать самих себя своим трудом. После его смерти нам было особо тяжело, так как были люди, которые не по-доброму относились к нам, как к детям духовного лица. Мы старались выжить изо всех сил, держали корову, сами заготавливали корма, косили сено, в маленьком огороде выращивали овощи, обеспечивая себя едой.

В начале войны мне было 13 лет. Всех мужчин, которые могли держать оружие в руках, забрали на фронт. В деревне остались одни женщины, старики, дети и инвалиды. Вся тяжесть трудовых будней легла на них.

Как сегодня помню: 22 июня я, как обычно, в 5 часов утра выгоняла корову в общее стадо. Так как мама болела, мне часто приходилось это делать. Смотрю, все женщины в слезах. Спрашиваю в чем дело. Мне отвечают, что на нашу страну напал Гитлер, началась война с Германией. Я прибежала домой и со слезами на глазах рассказала о новостях маме. Мама сказала, чтобы я не плакала. Она собралась в соседнюю деревню, которая находилась в 3 км от нас, откуда она была родом, где находились все ее родственники, для того чтобы проститься с мужем сестры.

С этого времени тяжелые времена наступили для всех. В те годы налоги были непомерны. Если в доме была корова, то нужно было сдавать государству 250 л молока, либо 25 кг топленого масла, 40 кг мяса, 100 яиц в год, не зависимо от того, есть у тебя куры, скотина или нет. Если у коров появлялся теленок, то его забирали, не давая ничего взамен. Даже в магазине приходилось

расплачиваться куриными яйцами. А куры яиц не несли, потому что не было ни зерна, ни комбикормов.

Я закончила только 5 классов в 1940 году, очень любила учиться и училась только на пятерки. В первом классе за отличную учебу меня даже наградили отрезом ткани на платье.

Но, к сожалению, у меня не было возможности продолжать обучение, так как школа находилась в другой деревне, в 3 км от нас. Мне нечего было надеть, и зимой я сильно простудилась. К тому же, в 1941 году старшую сестру забрали на торфяные работы, еще одна сестра умерла от воспаления легких. Я осталась в доме за старшую. Кроме меня был еще братишка 10 лет и сестренка 7 лет.

С началом войны началась моя трудовая деятельность. Председатель колхоза сказал: «Дочка, Габдуллу поставим бригадиром, он будет приглашать людей на работу, а ты будешь учетчицей и будешь вести документацию». Я согласилась. Девушки, которые были постарше меня на 1-2 года, освоили мужские профессии, стали трактористками. Ночью они вспахивали поле, которое находилось в 5 км от деревни, а я с 5 часов утра, повесив на плечо двухметровый сажень, шла к ним измерять выполненную работу. Затем шла на другое поле, где занимались прополкой, и учитывала их работу. Учитывала я и те сотки земли, которые давали односельчанам, и сама участвовала в жатве: собирали в снопы колосья, так как и нашей семье выделялся отдельный участок в поле для работы. По вечерам мы обрабатывали снопы с помощью молотилки, отделяли зерна от колосьев и сортировали сено, очищали зерна от сорняков. Целый день я проводила на ногах, на сон приходилось всего 4-5 часов в день. За проделанную работу нам не платили ни копейки. А длинными зимними вечерами мы собирались у кого-нибудь в доме и вместе с девушками и молодыми женщинами пряли пряжу и вязали рукавицы для отправки на фронт. Причем выполнение этого задания касалось даже тех, у кого не было в хозяйстве овец и шерсть приходилось покупать самим.

Вспомнился такой эпизод. Собранный урожай зерна мы должны были отвозить на элеватор, который находился на берегу Камы в 50 км от деревни. Машин не было, лошадей тоже было мало, основную часть забрали на фронт. Потому те, кто имел корову, должен был в обязательном порядке использовать ее как тягловую силу. Я запрягла корову, в телегу погрузила 1,5 центнера ржи, и отправилась вместе с другими женщинами и стариками на элеватор. Полдороги моя корова шла вместе со всеми, а когда до очередного населенного пункта оставалось 9 км, вдруг легла на землю и отказалась идти. Люди, которые были со мной, изо всех старались поднять животное и продолжить путь. Но все было тщетно. Смеркалось. Тогда один из стариков сказал: «Дочка, мы не можем больше тебя ждать, пойдем вперед, остановимся в крайнем доме следующего села. Ты нас потихоньку догонишь». Я осталась одна в поле с 1,5 центнерами хлеба. Было очень страшно. Почти всю ночь я ходила вокруг коровы, плакала и говорила ей: «Пожалуйста, вставай. Заберут ведь и тебя, и меня, и наш хлеб». Военные времена, бандитов было много, а мне всего лишь 15 лет. Наконец корова встала, и к рассвету мы дошли до пункта назначения. После этого случая мои попутчики рассказали начальству о случившемся, и просили больше не отправлять меня в такую дорогу.

Участвовала я и в заготовке древесины для колхоза. Нас с подростками, женщинами отправляли в дальние леса, где мы вручную срубали толстые дубы и укладывали их на телеги. Порой невозможно было сдвинуть с места голодную тощую лошадь, запряженную в эту телегу. Работала я в лесу и для своей семьи, когда нам зимой выделялся участок земли под вырубку высохших деревьев. Заготовленные дрова нужно было быстрее вывезти из леса, чтобы их не украли. Поэтому приходилось ходить туда по 3-4 раза с санками, иногда под вечер. В лесу, в темноте виднелись вдали светящиеся глаза волков. Чтобы не было так страшно, я брала с собой младшего брата.

В то же время я работала и почтальоном. Как же тяжело было, когда приходили «похоронки», а неграмотные женщины просили их прочитать. Я была первой, кто доносил до них скорбную весть.

Весь год питались мы скудно, только летом рацион обогащался. Мама старалась разделить все запасы поровну на весь год, чтобы хватило на всех детей. Порой приходилось есть жидкую похлебку, в которой была одна ложка муки и плавала одна гнилая картошка. Спасибо маме, мы никогда не опухали от голода. Были люди, которые жалели нас. Однажды меня угостили свежеспеченным черным хлебом, на который был намазан мед. Вкус этого «бутерброда» до сих пор остался у меня в памяти. Это было самым изысканным лакомством, которое я попробовала.

Всем семьям приходилось тяжело. Были случаи, когда женщины, чтобы не умереть с голода, воровали зерно, за горсть которого могли надолго посадить в тюрьму, не считаясь с тем, что дома плакали голодные дети. Самыми тяжелыми оказались 1941-1943 гг., зимы выдавались очень суровыми, надеть было нечего, ходили в основном в лаптях. Одна пара валенок была на всех детей. А работать надо было.

Помню День победы. Радиоприемников ни у кого не было тогда. У сельского клуба висел репродуктор. Вышла для чего-то на улицу и услышала объявление Левитана о том, что война закончилась. Все люди собрались около клуба и радовались окончанию войны, горевали о потерянных близких. Помню дедушку Сафиуллу, который потерял сыновей на войне он и плясал, и плакал, и радовался одновременно. Трудно передать то состояние, которое испытывали люди в этот момент.

В 1948 г. я убежала из деревни в Казань без паспорта и денег, добираясь на перекладных, устроилась на тяжелую работу в валяльно-войлочный цех, затем перешла на меховую фабрику. В 1951 году вышла замуж, и жизнь моя стала налаживаться, родились дети. Я не испытывала материальных трудностей. Сейчас я живу с детьми и внуками.

Мухина (Делиз) Ольга Михайловна

Родилась в 1924 г. в д. Поповка Ленинградской области, с 1941 г. находилась на оккупированной территории, в 1942 г. была вывезена в Германию, освобождена из концлагеря в мае 1945 г.

«Взаимоподдержка помогла выжить...»

Судьба дала шанс познакомиться с удивительной женщиной, нашей соотечественницей, 75 послевоенных лет живущей во Франции, услышать рассказ о невероятных страданиях, которые ей выпали, о стойкости и большой любви, воспоминания о той войне, которую пережила она. Заметно, что ей уже непросто говорить по-русски, но исправлять что-либо в ее интервью было бы, наверное, неправильно.

«...Я родилась в деревне Поповка рядом с Ленинградом. Мы с сестрой Антониной и братом Павликом рано остались сиротами. У нас была очень дружная семья, папа с мамой всегда жизнерадостные. Им было по 48 лет, когда от тяжестей жизни друг за другом они умерли. Мне было 12 лет. Не смотря на свою тяжелую жизнь нас забрала к себе тётя Акулина, сестра мамы. После смерти родителей у тёти жилось очень бедно. Не было обуви ходить в школу. И мне посоветовали написать письмо Крупской, в то время она заведовала детьми. И Крупская помогла! Я начала получать небольшую пенсию.

Мне только исполнилось 17 лет, когда началась война. Я работала в Алховском Совете библиотекарем в избе-читальне, это территория Карело-Финской ССР. Про войну узнала по радио. В августе 1941 г. изба-читальня закрылась и меня уволили. В сентябре 1941г. я должна была вернуться к сестре в деревню Поповка, что в 5 км от Колпино под Ленинградом. Но билеты на поезд уже не продавались, т.к. немцы уже вторглись в несколько районов и было опасно. Я пошла к начальнику вокзала и умоляла о билете, плакала. Так, в сентябре 1941 года я смогла вернуться к своим. Деревня уже была занята немцами.

Это было страшно, кругом враги, мы ничего не понимали, ни на что не надеялись. Помню, как в праздник 7 ноября, день революции, над деревней пролетел русский самолёт. Фашисты его сбили, но летчику удалось спастись на парашюте. Он спрятался в доме и отстреливался. Немцы предлагали ему сдаться: «С тобой ничего не будет!» Пилот отказался. Дом спалили. Позже я узнала его фамилию - мл. лейтенант Анатолий Полетаев, после войны про него написали книгу. Герою было всего 18 лет, он был мой ровесник.

С каждым днём все становилось труднее. Нечего было кушать, не было дров и электричества. Мы с соседними детишками ходили по окрестным полям собирать картошку и зерно. Но поля были заминированы уходящими русскими солдатами. Страшно вспоминать, когда взрывались наши друзья... В это время тётя Акулина решила уехать из деревни со своей внучкой Юлей (14 лет) со мной (17 лет) и моей сестрой Антониной в сторону Ленинграда. На каждого были сделаны санки для пожитков. Шоссе Москва-Ленинград было захвачено немцами и нам пришлось идти по бездорожью. 5 км в день.

Повсюду царило несчастье. Ночевать просились к людям. Не все решались нас пускать. «Что дадите?» – спрашивали всегда. Очень помогло приданное моей сестры, которое она начала собирать заблаговременно. Однажды, в одной из деревень, хозяин сказал, что у него живут немцы, но впустил в дом. Немцы оказались веселые, играли на гармошке, угощали своим

пайком. Утром, когда мы продолжили свой путь, я обнаружила, что мой чемодан пустой. Хозяин украл. В дороге боялись не только немцев, но и партизан. Они также могли отнять все остатки еды...

Холодная зима, недоедание, тревога, страх и усталость подкосили здоровье тёти Акулины. Однажды утром она не смогла встать и сказала нам с сестрой чтобы мы продолжали путь. Тётя Акулина с внучкой Юлей остались, а мы с сестрой пошли дальше, надеясь, что скоро опять воссоединимся. Мы больше не встретились. Она умерла в феврале 1942. А Юлю приютил староста деревни, который служил немцам. Как-то пришли к нему партизаны и спалили его дом с ним вместе. А Юле разрешили сбежать... Итак, две юные девушки остались одни на улице зимой на оккупированной немцами территории. Нас приютили в одной из деревень с условием, что будем делать всю работу по дому: ходить за водой, колоть дрова и т.д.

Но так долго не продолжалось. Староста велел явиться с вещами на станцию. Так меня с сестрой депортировали в Германию. Могли ли мы поступить иначе? Измождённые и голодные, у нас не было сил сопротивляться. Мы были брошены в вагоны для скота. Нас было примерно 40 несчастных в каждом вагоне. В углу стоял горшок для нужд. Поезд часто останавливался. Только через щели вагона мы видели солнце, леса, поля, покрытые снегом. Время от времени нам приносили жидкий суп. Мы были грязные и полуживые, что не скажешь о вшах на нас. Поездка длилась до середины апреля. Два с половиной месяца ада, после чего я могла сказать, что меня больше ничего не пугает. На границе Польши с Германией нас доставили в подземный лагерь, *(его название Ольга не помнит, по документам и картам удалось установить, что это скорее всего, печально известный подземный лагерь Дора-Миттельбау в Тюрингии, подразделение Бухенвальда)*, где подвергли дезинфекции и присвоили регистрационный номер. В бараке мужчины, женщины и дети спали на жидкой соломе. Каждое утро была перекличка. Вскоре лагерь был переполнен массовым прибытием депортированных. Так

прошёл месяц. Однажды пришёл инспектор труда, чтобы разобрать заключённых. Он выделил Антонину. Она сразу же схватила меня и, недолго думая, мужчина взял нас обеих.

Мы попали на завод по изготовлению оружия. Kupfer und Messingwerke. *(Ольга не помнит название города, мы смогли его установить по документам, это Хетштедт (нем. Hettstedt) — город в Германии, в земле Саксония-Анхальт. Завод производил военную продукцию из цветного металла, работает и сейчас. Рабочие из СССР носили на одежде нашивку OST, т.е. восточные рабочие).* Работа велась днём и ночью по десять часов. Я работала с поршнем, который не имел никакой безопасности и в любой момент я могла быть травмирована. Часто посреди лагеря организовывалась виселица, на которую вешали провинившихся заключённых *(особо жестоко наказывали за попытку побега, - в подземном заводе лагеря на подъемном кране можно было повесить сразу до 60 человек, что фашисты и делали «для профилактики побегов»).*

Не раз была наказана и я: меня сажали в камеру с голыми стенами, куском соломы с опорожнениями, без еды. Однажды была эпидемия дизентерии. Все заключённые страдали от болей в животе. В бараке стоял удушающий запах. Многие умерли. Я проработала там три года, до освобождения. Наравне с нами работали итальянцы, поляки, белорусы, французы ... и даже немцы. Наша молодость и одинаковость положения сделали нас друзьями. Несмотря на ужасные условия труда, жестокое обращение, унижения, болезни эта взаимоподдержка помогла выжить. В мае 1945 г. концлагерь освободили американские солдаты.

На заводе Ольга познакомилась со своим будущим мужем-французом, который в июне 1945 г. привёз ее в свой родной городок Гужан-Местрас на юго-западе Франции (регион Новая Аквитания, Франция), где она до сих пор проживает. Ей сейчас 96 лет. В 1985 г. она побывала в России, пыталась найти кого-то из родных. К сожалению, деревни этой сейчас нет, и родных никого нет, она одна осталась в живых.

Набиуллин Хабибулла Набиуллоевич

Родился в 1899 году в селе Большие Тиганы Спасского уезда. Участник Гражданской войны. Был призван на фронт 11 ноября 1941 года. Красноармеец. Стрелок. Санинструктор. Сапер. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалью За Отвагу

История одного солдата

Хабибулла Набиуллоевич появился на свет в крестьянской семье. С малых лет он рос помощником отца. С ранних лет научился плотническому делу. В 1919 году его призвали в армию, он стал участником Гражданской войны, воевал до 1921 г. После окончания военной службы женился, друг за другом у него появились дети: 4 мальчика и 2 девочки росли, радуя своих родителей. Проходит ровно 20 лет, как он пришел с Гражданской войны и 11 ноября 1941 года он призван на Великую Отечественную войну. Мобилизованных отправили в Нурлат через Билярск, затем по железной дороге до лагеря около реки Сура. Там они проходили военную подготовку, строили огневые точки. «Зима была очень холодной, были дни, когда морозы достигали 50 градусов», – вспоминал Хабибулла в своем дневнике. Дальше их отправили на пароходе по Волге.

Он участвовал в ожесточенных боях на берегу реки Дон. Наши отступили, а Хабибуллу направили в Ленинградскую область в транспортную

роту. Здесь также шли ожесточенные бои, фашисты бились в желании поставить на колени Ленинград. Хабибуллу назначили перевозить боеприпасы.

За берег Балтийского моря не прекращались сражения. 26 марта 1943 г. среди ночи возобновились боевые действия. Хабибуллу назначили санитаром. «Война была очень суровой. Было большое количество раненых. В первый же день я вынес 50 раненых с поля», – писал Хабибулла в своем дневнике. За это мужество его наградили орденом Красной Звезды. С этого дня он начинает сильно болеть, пролежал 4 дня без сознания, после чего все решили, что он уже мертв и вынесли из палатки. Когда его уже собирались похоронить, один из санитаров заметил, что Хабибулла открыл глаза, и его отправили обратно в госпиталь. Ему очень долгое время пришлось там восстанавливаться. После выздоровления он снова просился на фронт. Хабибуллу определили в роту саперов. «Новый 1944 год был для нас годом, приближающим к победе. Закончилась блокада Ленинграда. По построенным нами, саперами, мостам и восстановленным дорогам шли многочисленные войска Красной армии. В результате незатихающих бомбардировок вражеских самолетов новопостроенные мосты уничтожались фашистскими бомбами и нам приходилось начинать работу заново», – так писал Хабибулла в своем дневнике. – Теперь мы строили мосты ночью. Приходилось работать в холодной, морозной воде. Погибло очень много людей, не выдержав таких условий».

Через построенный мост они переправляются в Латвию. Фашисты не дремлют, то и дело подвергают наших менометным обстрелам. Очень много бойцов Красной армии сложили здесь свои головы. Тех, кто остался в живых, наградили орденами и медалями. Хабибуллу наградили медалью "За отвагу". Они строили мосты в Эстонии, также восстановили мосты через реки Двина и Огре в Латвии, прошли Литву, Белоруссию, Польшу. «Мы прибыли к городу Данциг (Граньск). Когда мы в него вошли, все горело. Мы совместно с жителями этого города расчистили дороги. 6 апреля мы прошли город

Балдинбург и вышли к реке Одер. Переправившись через реку мы прошли по улицам Нойбранденборга, Штавинхагена и многих других городов Германии и 8 мая отпраздновали победу на немецкой земле. Вернулся домой 30 июля 1945.

Хабибуллу с фронта ждала вся деревня. В колхозе он выполнял разнообразную работу, помогал односельчанам строить дома, возводить мосты. В 1946 году появляется на свет дочка Рахилия. Долгое время работая плотником, ветеран выходит на заслуженную пенсию. Они со своей женой Зобаржат встречают счастливую старость.

Бер солдат тарихы

Нәбиуллин Хабибулла Нәби улы 1899 елда Спасс өязе Зур Тигәнәле авылында крестьян гаиләсендә дөнъяга килә. Кече яшьтән этисенен ярдәмчесе була ул. Бик яшьли балта тотарга өйрәнә. 1919 елда солдат хезмәтенә алына һәм 1921 елның жәенә кадәр Гражданнар сугышында катнаша. Егет озак тормый өйләнәп жибәрә, бер-бер артлы балалары туа. 4 малай һәм ике кыз бала атананың сөнечләре булып тәгәрәшәп үсәләр. Ләкин Гражданнар сугышынан кайтуына төп-төгәл 20 ел вакыт үткәч, Хабибуллага 1941 елның 11 нояберендә сугышка алынуы турында повеска килә. Игезәкләре Наил белән Әминәгә 2 генә яшь була бу чакта. Биләр аша Норлатка китәләр. Аннан вагоннарда төялеп күп кенә авыл-калалар аша үтәп, аларны Сура елгасы буена төшерәләр. Анда хәрби өйрәнүләр алып баралар, ут нокталары ясыйлар. «Кыш бик салкын иде. Салкынлык 50 градуска кадәр житте», – дип искә ала Хабибулла абзый, үзенен куен дәфтәрендә. (Ике сугышта да көндәлек алып барган ул). Идел аша паром белән чыгып, юлларын дәвам иттерәләр. Дон елгасы буенда каты сугышларда катнашалар. Безнекеләр чигенәләр, Хабибулла абзыйны транспортный ротага билгелиләр һәм Ленинград өлкәсендә күчерәләр. Монда да каты сугышлар бара, фашистлар революция бишеге булган Ленинградны тез чүктерү өчен бик нык сугышалар. Алар Ладога күле буена килеп житәләр. Хабибулла абзыйны сугыш кирәк-яраклары ташырга куялар.

Балтыйк буе жирләре өчен каты суышлар бара. 1943 елның 26 марты төнөндәкаты сугыш башлана. Хабибулла абзыйны санитар итеп билгелиләр. «Сугышлар бик каты булды. Яралылар да бик күп иде. 1 көндә 50ләп яралыны сугыш кырыннан алып чыкканмын. Соңыннан үзем дә һуштан язып егылганмын», – дип яза ул көндәлегендә. Аны шушы батырлыгы өчен Кызыл Йолдыз ордены белән бүләклиләр. Шул көннән соң авырып китә, аңсыз 4 тәүлек ятканнан соң, үлеләр яныначыгарып куялар. Күмергә килгән санитарларның берсе аның азырак кымшанганын күреп ала һәм янадан госпитальгә илтәләр. Бик озак вакытлар госпитальдә дәваланырга туры килә аңа. Терелүгә янадан сугышка сорый, аны саперлар ротасына билгелиләр. «Яна 1944 ел безнең өчен жиңүгә якынайтучы ел иде. Ленинград блокадасы бетерелде. Совет гаскәрләре без саперлар төзегән күперләрдән, сугыш калдыкларыннан чистартып төзәткән юллардан ташкын булып агыла иде. Янагына ясаган күперләребезне дошман самолетлары килеп бомбага тоталар һәм безгә эшебезне янадан башларга туры килә иде», – дип язган ул, куен дәфтәрендә. Инде күперләрне төнлә генә ясый башладык. Салкын карлы-бозлы суга кереп эшләргә туры килә иде. Бик күп кешеләр, коточкыч бу авыр шартларда эшләп, үлеп калдылар.

Калинин өлкәсендә Великая исемле елга аша күпер төзеп Латвия жиренә чыгалар. Шактый авырлык белән төзелә күпер, немецлар йоклап ятмый, самолетлары бомбага тоталар, менометтан аталар. Бик күп кеше һәлак була монда. Исән калганнарны орден-медальләр белән бүләклиләр. Хабибулла абзыйга «Батырлык өчен» медале тапшыралар. Эстония жирләрендә бик күп күперләр салалар. Двина аша зур күпер салалар. Огре аша күпер торгызыла. Литва, Белорусия, Польша жирләре аша узалар. «Польшаның Данциг (Граньск) шәһәренә китерделәр. Без кергәндә шәһәр дөрләп яна иде. Шәһәрне, юлларны шәһәр халкы белән берлектә чистартып төзекләндердек. 6 апрельдә Балдинбург шәһәре аша чыгып һәм башка авыл-шәһәрләр аша үтеп, Одер елгасына життек. Елга аша чыгып Нойбранденбург, Штавинхаген һәм башка

шәһәрләр урамнарын тазарттык, юллар төзәттек. Болар инде Германия жирләре иде. 8 майда немец жирендә Жиңүне каршыладык. Әле безнең өчен сугыш бетмәгән иде... », – дип яза ул. 1945елның 30 июлендә генә туган иленә кайтып житәргә насып була солдатка.

Аның ике улы Зиннәтулла һәм Габдулла, әнәсе Хәйдәр сугыштан исән-сау кайталар. Ике туганы мәңгегә яу кырында ятып кала.

Хабибулла абый Туган авылында көтеп алынган кеше, танылган балта остасы. Колхозда төрле эшләрдә эшли, кирәк чакта авылдашларына өйләр салыша, күперләр төзи. Ямь өстенә ямь дигәндәй, 1946 елда төпчек кызлары Рәхилә дөнъяга килә. Озак еллар балта эшендә йөрөп лаеклы ялга чыга ветеран. Карчыгы Зөбәржәт апа белән бәхетле картлык кичерәләр. Ләкин 1976 елда карчыгы үлеп китә. Хабибулла Нәби улы соңгы елларын улы Зәкиулла абый белән килене Земфира апа тәрбиясендә үткәрә. 1985 елда якты дөнъядан китә карт солдат, туган авылы Зур Тигәнәле зиратында жирләнә.

1943 елның язы каты сугышлар бара. 26 март төнөндә каты сугыш башлана. Хабибулла абыйны алгы сызыкка санитар итеп билгелиләр. Санинструктор нәрсәне, ничек башкарырга икәнлеген күрсәтеп, аңлата. Хабибулла абый тиз генә окоптан-окопка күчә, чокырдан-чокырга шуышып алгы сызыктагы яралыларны барлап чыга, беренче чиратта ничек һәм кемгә ярдәм итәргә кирәклеген ачыклай. Ачык жирдәгеләрен, снаряд-миналардан саклау өчен окопларга, траншеяләргә өстерәп төшерә. Булдыра алганча беренче ярдәм күрсәткәннән соң, жиңелерәк яралыларга куркынычсыз урынга китәргә ярдәм итә. Ә яралылар күп анда кычкыралар, монда ыңгырашалар, ярдәм сорыйлар. Кайсының кулы, кайсының аягы юк, кайсының бер нәрсәсә дә калмаган теткәләнгән, ләкин алар да ярдәм сорый. Коточкыч күренеш, аңа тыныч кына карап булмый баш әйләнә, күңелләр болгана. Ләкин берни дә эшләп булмый, бары тик хәлдән килгәнчә ярдәм итәргә генә кала.

Авыр яралыларны плащ-палаткаларга салып өстери, булдыра алганнын аркасына салып шуыша. Яралы, авыр сугышчы астында сулыш кысыла.

Маңгайдан агып төшкән тир, тузан белән кушылып күзлэргә агып керә. Күзләрне әчетә, яндыра, күзләр томалана, бернәрсә дә күренми. Ләкин түзэргә, булышырга кирәк. Ул кабат-кабат алгы сызыкка шуыша. Яқында гына бертуктаусыз снаряд-миналар шартлый, пулялар сызгырып оча. Дөнъяның асты- өскә килгән кебек. Кыйпылчыклар каскага килеп бәрелә, аны янчи. Шулай итеп көне буге барган каты сугыштан яралылар ташый Хабибулла абзый. «Түзэргә-түзэргә», – дия-дия ул алгы сызыкка омыла, коткарган яралыларының хисабын югалта һәм хәлсезләнеп үзе дә егыла. Аңына килгәндә, янында командиры була. Торырга тели, ләкин булдыра алмый. Берәз хәл алгач, торып: «Анда тагын бер-ике яралы бар, мине көтеп калдылар, алырга барам», – ди ул Ана ярдәмгә ике солдат бирәләр. Карангы төшөп житкәнче аларны да сугыш кырыннан алып чыгалар. Бу көнне ул 50 ләп сугышчыны сугыш кырыннан алып чыккан була. Нәбиуллин Хабибулла Нәбиулла улы бу көндә кылган батырлыгы өчен «Кызыл Йолдыз» ордены белән бүләкләнә.

1944 елның язы. Совет гаскәрләре немец илбасарларын, зур югалтулар белән булса да, акрынлап, көнбатышка кууларын дәвам итәләр. Ике яктан да югалтулар зур. Гитлерчылар, үзләрендә булган барлык кораллы көчләрне кулланып. Каршы тора. Сугыш Украина жирендә бара. Днепр елгасын кичәргә кирәк. Немецлар үзләре чигенгәндә барлык кичүләргә дә, юкка чыгарып бара. Моңа кадәр дә күперләр төзәргә, юллар төзекләндерергә туры килгән була. Бу юлы бик зур күпер кирәк. Кызу эш башлана. «Башта 7 км ераклыктагы урманнан агач кистек, техника житмәү сәбәпле, күбесен жылкәгә салып ташыдык. Бу вакытта немецлар да тик ятмый, самолетлары бомбага тота, артиллерияләре ут яудыралар. Бик күп сугышчылар ятып калды», – дип яза Хабибулла абзый. Күпер төзүне төнлә генә алып баралар. Шулай да эшли башлаган күперне авиабомбага тота немец. «Күпердән йомычкалар гына калды», –д ип яза абзый куен дәфтәрендә. Солдатлар эшне яңадан башлыйлар. Бер төн эчендә күперне төзөп бетерергә кирәк. Чөнки елганың теге ярындагы

безнең сугышчыларның хәле мөшкел була, аларга ярдәмгә килергә тиешле барлык техника бу якта.

Барлык булган көчне туплап, уйланылган зур эзерлек белән эшкә тотыналар. Төзелешне сакларга зениткалар, прожекторлар, авиация китерелә. Немецлар монда да үзләренең өстенлеген күрсәтмәкчеләр: күпер турысына, югарыга- бик биеккә кечкенә парашютларга яктырткыч ракеталар элөп куялар. Алар бик акрын төшкәнгә озак вакыт төзелеш майданын яктыртып торалар һәм төзөп утка тотарга мөмкинлек бирәләр. Төзелештә кызу эш кайный, меңләгән кеше, кайсылары көймәләрдә, саллардаторып, кайсылары билдән-муеннан салкын суда торып эшли. Шулар арасында Хабибулла Нәбиуллин да бар. Ләкин дошман монда да бик күпләрнең башына житә. Батыр сугышчылар шул суда үлемнәрен таба. Зур югалтулар, авырлыклар белән бер төндә күпер эзер була. Яна частьләре, техникаларны икенче ярга чыгарырга мөмкинлек туа. Алда куйган бурычны үтәгәннәре өчен йөзләгән солдат һәм офицерларны орден-медальләр белән бүләклиләр. Хабибулла Нәбиулла улы Нәбиуллинга, гвардия ефрейтеры званиесе бирелә һәм «Батырлык өчен» тапшырыла.

«1 майда Германия жиренә аяк бастык. Нойбранденбург, Штавеинхаген һәм башка шәһәр урамнарын тазарттык, юллар төзөттөк. Төрле немец шәһәрләрендә эшләдек. Сугыш жимереп, таптап узган. Андагы ватык-жимерек һәм ташлап калдырылган немецның хәрби техникасы очы-кырые юк, санап бетергесез иде. 8 майда немец жирендә Жинүне каршыладык. Бу әйтеп бетергесез зур шатлык иде. Моны язып та, сөйләп тәңләтүчү түгел иде. Күзләрдә яшь, шатлык яше. Тик күпме гомерләр өзөлү, күпме аналарның баласын, хатыннарын ирләрен югалту бәрәбәрәнә килде ул – Бөек Жинү. Күпме балалар бер тапкыр гына булса да «әти» сүзен әйтсә түгел үсәчәк иде бит. Шулар йөрәкне тетерәндерде, әрнетте. Ләкин көтелгән, бик көтелгән Жинү иде бу безнең өчен».

Петров Анатолий Николаевич

Родился 24 февраля 1925 г. в Казани. Мобилизован в феврале 1943 г., командир отделения топовычислителей артиллерийского полка, командир саперного взвода, участвовал в операции «Багратион», награжден Орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

На войне – жизнь страшная...

Анатолий Петров после окончания школы поступил в КХТИ, а в 18 лет был призван в ряды РККА и направлен в школу младших командиров. После ее окончания – командир отделения топовычислителей 1520 артиллерийского полка 3 артиллерийской бригады резерва Ставки Верховного Главнокомандования. Топовычислители занимались подготовкой координат всех необходимых пунктов обстрела: установка на нуль, угловой размер в тысячных, угол возвышения, чтобы снаряд, описав траекторию, упал в нужном пункте, учитывались ветер и другие силы. Со своей частью А. Петров принял участие в операции «Багратион», освобождал Белоруссию. На белорусской земле летом 1944 г. был тяжело ранен и контужен. Ему и бойцам его отделения повезло – соседняя группа подорвалась, все погибли. После излечения направлен на учебу в Московское Краснознаменное военно-инженерное училище.

1 мая 1945 г. участвовал в военном параде на Красной площади в Москве. Подготовка началась с середины апреля, предполагалось, что к 1 мая будет взят Берлин. В параде участвовали войска Московского гарнизона, курсанты военных училищ, боевая техника. Берлин был взят на следующий день, 2 мая, но ощущение близкой победы, окончания жестокой войны было и у участников парада, и у тысяч москвичей, которые заполнили улицы, приветствуя воинов-победителей. Звучали парадные марши, люди передавали воинам цветы. Это был настоящий праздник Победы! Как писали тогда в газетах: «Первый Парад вооруженных сил народа-богатыря».

После окончания училища А.Н. Петров служил в Германии, в г. Дрездене до октября 1946 г. В разбомбленном союзниками городе саперный взвод лейтенанта Петрова расчищал от неразорвавшихся снарядов и мин улицы, обеспечивая пропуск танков.

После демобилизации в 1946 г. Анатолий поступил в Казанский механико-технологический техникум, окончил его с отличием в 1950 г. В 1951 г. поступил на вечернее отделение КАИ, который окончил в 1957 г. Работал инженером на заводе «Радиоприбор», в Совнархозе, начальником отдела ЦКБ ЭФП, начальником отдела НИИ «Вакууммаш».

В 1957 г. женился, со своей женой Анастасией Панфиловной прожили в любви и согласии почти 60 лет, воспитали двух прекрасных детей, сына Евгения и дочь Аллу.

Анастасия Панфиловна (1925 г.р.) во время войны работала на военных заводах в Казани, сначала на 22-м заводе, после – на 294-м («Радиоприборе»).

Анатолий Николаевич не любил вспоминать войну, отказывался публично выступать. В канун Дня Победы его всегда поздравляли на работе, дарили тюльпаны. Когда по телевизору выступал кто-то из ветеранов, описывая свои подвиги на войне, он с легкой усмешкой говорил: «Ну герой! Какой смелый!» Когда спрашивали о войне, повторял только: «Это такая страшная штука – жизнь на войне...»

Пластун Давыд Романович

Родился в 1905 г. в с. Вязовок Киевской губернии, с 2-х лет жил в с. Н. Александровка Хобдинского района Актюбинской области Казахстана. Рядовой. Кавалерист.

Историю Давыда Романовича рассказала его дочь Евдокия Давыдовна: «Ему было два года, когда отец Роман Федорович привез его в Актюбинскую область в Хабдинский район. Мама умерла на Украине. Воспитывал его лишь отец. У него был брат Пластун Данил Романович (пропал без вести), брат Пластун Христа Романович (убит на фронте в декабре 1942 года) и была сестра, которую называли Тетка Притча Романовна. Они жили в поселке, точнее там была лишь одна земля, и затем они там начали строить дом. Поселок назывался «Утек».

Давыд совсем молодым женился на девушке-сироте, которой было всего шестнадцать лет. Жили они очень бедно. Потом построили одну комнатку в Утеке. До войны было у них родилось шесть детей и мама седьмая. Давыда забрали на фронт в августе сорок первого года. На фронте он был разведчиком-кавалеристом. В 1942 г. попал в плен на Украине, оказалось, что их командир сдал в плен две тысячи солдат.

Давыд на лошади уехал в степь, и там было много копен сена. Он бросил свою лошадь, а сам побежал дальше, чтобы спрятаться в сене. Оказывается, все

солдаты прячутся в сене, а немцы ходят и штыками тыкают в эти копны. В итоге подошла лошадь к той копне сена, и как давай ржать. Давыд говорит: «Васька, уйди! Уйди, Васька! Ты же меня продашь, может мне повезет, и немцы в меня не воткнут штык, и я останусь тут!». Васька продолжал ржать и выдал Давыда. Немцы нашли много солдат, и начали гнать их через речку. Им было наплевать, кто умеет плавать, кто нет. Кто не может плыть, они расстреливали. Казалось, будто бы не было воды, а была лишь одна кровь. Давыд умел плавать и переплыл. Затем всех солдат погнали в Германию. Хотели сбежать ночью: сверху сделали дырку, и начали вылезать, а там ведь охрана, которая следит за всем. В общем охрана увидела, и как давай стрелять, ну и они быстро залезли обратно, чтобы остаться в живых.

Затем Давыда и некоторых солдат погнали в шахты работать. Ведут в шахты, и там была огромная яма, в которую бросали людей, которые падали и не могли больше работать из-за голода. И еще били кнутом, и говорили «работай, добывай уголь». Кто не работал, тех брали за ноги, тащили к той яме, и бросали туда. Давыд молился, чтобы не упасть, чтобы было еще хоть немного сил. В основном там помирали с голоду.

Давыд работает и вдруг видит того командира, который их сдал. Оказалось, он работает в лагере надзирателем. И как вышло то, были хлопцы помоложе Давыда, они взяли и убили командира-предателя. Они сделали так: положили на него большой уголь, и будто бы уголь упал и убил его. А на самом деле просто его придушили. Они отомстили, что он сдал их в плен.

Прошло несколько недель, пришли три немецкие женщины. Они пришли для того, чтобы взять работника, потому что их мужья на фронте. Одна из них подходит к Давыду, посмотрела на него, будто бы в душу заглянула. И взяла его на работу. Естественно, он пошел, так как она его выбрала. Давыд начал ухаживать за скотом. Скота было очень много. Нужно было варить картошку, свеклу и другие овощи, затем кормить скот. А Давыд был очень голодным, он значит варит, затем то свеклу кушает, то картошку кушает. Одна из женщин

заметила, как Давыд кушает свеклу, и говорит ему: «Зачем ты кушаешь? Не надо это кушать!». Давыд очень сильно испугался и про себя подумал: «Что же делать? Она же сейчас пойдет и скажет, что я самовольно ем. Все, меня расстреляют». Она говорит «не переживай я никому не скажу. Но если ты много будешь кушать, ты умрешь. Надо понемногу кушать!».

Давыд Романович был там около двух с половиной лет. Мужчины косили сено, и Давыд подошел к той женщине и рассказывает ей: «У меня дома жена и шесть детей, они голодные, война, кушать нечего, я боюсь, что с голоду помрут». Она ему говорит: «Знаешь, Давид, что? Я высмотрю в лесу, куда ты будешь убегать». Она высмотрела, и на следующий день ему говорит: «Иди скажи тем мужчинам, и вы будете убегать отсюда, с Германии, только смотри ночью и по-пластунски по траве ползите, а днем сидите, потому что надзиратели кругом смотрят».

Давыду она дала булку хлеба, кусок сала и платок. Платок он завязал вместе с едой на шею. Так как ползти месяц. Спустя несколько недель у них уже болело абсолютно все, болело все до невыносимой боли, все было стерто в кровь, они были еле живы. Доползли только двое до границы и сдались нашим. Три месяца узнавали кто они, откуда, как попали сюда. Сталин их обязал отрабатывать два года на шахтах, добывать уголь. Отработал он там два года, в Донбассе. Затем поехал домой».

Далее Евдокия Давыдовна рассказала немного и о себе: «Родилась я 13 марта 1929 года. В семье Пластунов кроме меня было шесть детей. Как-то во время войны мама Федора отправила меня в соседнее село (за 96 км от нашего поселка), к своей двоюродной сестре тете Моте, у которой не было детей. Для того, чтобы я взяла еды у нее: шелуху от проса и само просо, сало. Так как у тети Моти было хозяйство. Я отправилась в путь, шла она около двух недель, где на брычке, где пешком. На протяжении двух недель не ела, не пила. Я была полностью истощена. Когда дошла до тети Моти, то потеряла сознание. Так как

у тети Моти не было детей, она очень любила меня, свою племянницу. Тетя Мотя отходила, откормила меня и никуда не отпускала.

Прошло два месяца. Я умоляла Мотю: «Отпустите меня домой, дайте мне просо, там у меня пятеро братьев голодные, мне нужно их чем-то кормить». Мотя сказала: «Завтра я тебе дам мешок проса, сало, шелуху, и ты пойдешь домой». Через два часа, стук в дверь. Мотя открыла дверь там стояла моя мама Федора. Она упала в обморок, думала, что Дуси уже нет в живых, так как прошло почти два месяца. Все обнялись, и начали плакать. Затем мы легли спать на пол, под утро проснулись, собрали мешки с едой, и поехали на бричке в сторону своего поселка. Поселок назывался Победа. Накормили всех мальчиков, и ждали отца с фронта. Давыд Романович приехал домой в 1947 году. Затем дома работал в колхозе. После войны мама Федора родила еще троих детей. В общей сложности было девять детей. Звали их: Михаил, Володя, Василий, Григорий, Иван, Николай, Евдокия, Данил, Ефим».

Рылова Галина Васильевна

Родилась 31 января 1939 г. в городе Мамадыши, там семья пережила войну, отец вернулся с фронта в сентябре 1945 г.

Детство, опалённое войной

Я родилась за два с половиной года до начала Великой Отечественной войны. Поэтому моё детство приходится на военный и послевоенный периоды.

Папа уходит на фронт на втором месяце войны – 18 июля 1941 года. На руках у мамы нас осталось четверо. Сестрам – 9 и 8 лет, брату – 5 (на фото папа, мама и сестра Нина). Говорят, что детская память сохраняет события избранно. По всей видимости, самые яркие по эмоциональности. Вот и мне запомнились такие эпизоды, по которым можно судить о том времени в целом. Потому что это было характерно почти для каждой семьи.

Мама почти ежедневно ходила на рынок, чтобы обменять вещи на продукты, в первую очередь, на муку. Из нее делали обыкновенную «затируху». Под струю кипящего самовара подставляли миску с мукой и быстро размешивали. Заправляли молоком – и еда готова. По весне собирали в огороде картофель, который остался после перекопки с осени. Практически это был уже крахмал, пекли из него подобие оладий. Самым любимым занятием было – разрезать неочищенный картофель на кружочки и

«приклеивать» их на накалившуюся дверцу подтопка и с огромным удовольствием поедать хрустящие кругляши, пахнувшие дымом и еще чем-то незабываемым. До сегодняшнего дня я помню вкус запеченной крови. Когда резали телянку, то подставляли посуду, а затем запекали в печи. А еще – чай из большого медного самовара, куда ложился сахарин. Мыло нам заменяли цветки жасмина, который рос повсюду. Голову мыли настоем из золы. Скотина, огород позволили маме сохранить жизнь всем четверым детям (пятая родилась уже после войны), выстоять самой.

Для скотины сами заготавливали сено. Помощниками маме были две мои старшие сестры, сами еще дети. Переезжали на ту сторону Вятки и в кустах серпом жали траву, вязали вязанки, и на лодке возвращались домой. Нужно было сделать это очень быстро и незаметно, т.к. луга объезжали на лошадях смотрители. И не дай Бог попасть в руки к этим людям!

Перед моими глазами стоит один эпизод того периода. Отправляясь на тот берег Вятки, мама брала всех нас с собой. Старшие помогали серпами жать траву, а я играла в песочке на берегу. Топот копыт лошадей мама чувствовала задолго до того, как смотрители появлялись на берегу. В один из дней скошенная трава была уже в вязанках. И вдруг мама крикнула – детки, бегите быстро к лодке! А сама бегом таскала вязанки, бросала их в лодку. Затем усадила нас поверх этих вязанок. И одна столкнула такую «махину». Только-только лодка погрузилась в воду, на берег выскочили два всадника на лошадях, с угрозами в наш адрес. Мне казалось, что вода вот-вот захлестнёт лодку. Под тяжестью она почти вся была в воде. Страх за своих детей придал маме ту необходимую силу, которая и позволила ей сделать то, что в обычной жизни вряд ли можно было сделать. Ведь в обычные дни сначала лодку спускали на воду, и только потом начинали загружать.

Для заготовки дров на зиму мама со старшей сестрой поднимались на веслах вверх по Вятке, в кустах находили «топляк», сколачивали в плоты и плыли обратно. Когда поднимались волны, приходилось ночевать,

приткнувшись к берегу. А мы, трое малолетних детей, оставались дома. Нужно было не только пригнать дрова домой, но и успеть закатать их за ночь во двор (мы жили около реки), иначе утром работники райкомхоза ходили с баграми по берегу и сталкивали эти топляки в воду. Зимой на санках возили с той стороны Вятки тальник. Он был сырой, но как горел! С треском! А мы сидели и грелись у этого огня. Валенки, как правило, были с худыми пятками. Набегаешься на улице, придешь домой, залезешь на стол, подставишь пятки под электрическую лампочку, которая спускалась к самому столу, светила очень слабо, и ждешь, когда вернется мама и затопит подтопок.

Так шло время... И вот настал 1942 или 1943 год (точная дата забылась), папу отпустили на побывку. К сожалению, я не помню отчетливо, сколько времени он провел с нами. Зато проводы храню по сегодняшний день. Стоял солнечный летний день. У моста, что через реку Ошма, стоял катер. А мост был старый, деревянный. Папа в гимнастерке и галифе – на носу катера. Мы – на мосту. Я залезла на перила, машу рукой, а папа кричит: «За дочкой смотрите, как бы она с моста не перевернулась». Я глядела вслед уходящему катеру, который увозил моего папу вновь на фронт. Конечно, я тогда не понимала, что могу больше и не увидеть своего папу, не знала, что такое война.

Уже в конце войны на берег, у этого же моста, где причаливал катер, выгрузили плитки жмыха. Охраняли их пленные немцы. Точно такие, каких показывают в кино – длинные шинели, худые, шапки-ушанки закрывали уши. Нам так хотелось есть, что, преодолевая страх, проходя мимо этой кучи, мы, малолетние дети, умудрялись ухватить плитку и бежали вперед, не чувствуя ног, а только стук своего маленького сердечка.

Закончилась война. А нашего папы все не было! Прошли долгие четыре месяца ожиданий. Папа вернулся с фронта только в сентябре 1945 года. В последний день войны был сильно контужен, долго лежал в госпиталях. Но папа вернулся! Вернулся он инвалидом первой группы. Прошел дорогами войны в составе 33-й армии до самого Берлина.

Мой папа, Волков Василий Фёдорович, награжден двумя медалями «За

Отвагу» – в сентябре 1942 года и в октябре 1943 года, медалью «За победу над Германией». На руках у него было две справки на получение медали «За освобождение Варшавы» и медали «За взятие Берлина». К сожалению, две эти награды папа не получил, т.к. до осени находился в разных госпиталях. А справки он привез с фронта с собой. Гимнастерка и галифе остались для него самой

дорогой одеждой. Ее он носил до самых последних дней своей жизни.

Наш город Мамадыш был глубоким тылом. Поэтому не случайно, что к нам были эвакуированы подмосковный детский дом и хлопчатобумажная фабрика, а также дети из Ленинграда. С этими детьми я училась с первого по седьмой классы. С огромной радостью мы посещали детский дом, где проживали эвакуированные дети, особенно в новогодние праздники. Зачастую наши вещи – варежки, шарфы оказывались «приватизированными». Но мы никогда не жаловались о пропаже. Война заставила нас очень рано повзрослеть. И мы уже тогда, своим детским умом понимали, что эти дети особенные, у некоторых из них уже погибли родители и т.д. Мы делились с ними тем, что у нас было.

Нас называют поколением – дети войны. А я говорю, что мы не только дети войны. Мы – дети Победителей! Наши отцы понимали, что станет с их семьями, с их детьми, внуками и правнуками, если победит фашизм. И сделали все, чтобы враг был разбит. Они одержали Победу. Низкий им поклон! Наша задача – передать Память о Подвиге наших отцов подрастающему поколению. Пока мы помним о прошедшей войне, новой войне не быть!

С детства сильные...

*Рассказ о детях войны – Р.С. Закирове, Ш.С. Закирове, Н.С. Закировой,
Р.Х. Юсуповой*

Мой дед – **Закиров Рафхат Садыкович** – родился 14 января 1936 года в поселке Джамбейты Уральской области Казахстана, в семье крестьянина. У родителей было шестеро детей.

Дед вспоминает: «Старший брат, **Закиров Шафхат Садыкович**, 1925 года рождения, был призван в армию в 1943 году, а наш отец все годы войны провел

на Дальнем Востоке, обороняя дальневосточные рубежи Родины от милитаристской Японии. Брат Шафхат воевал в составе 1 Украинского фронта, был трижды ранен. Он не дожид до Победы всего ничего – один месяц. В марте 1945 года при широкомасштабном наступлении Советских войск погиб смертью храбрых в районе городе Бреслау (ныне город Вроцлав, Польша). Ему на тот момент было 19 лет. Похоронка матери пришла 30 марта 1945 года. А отец вернулся с войны инвалидом.

Во время войны мы жили трудно, работали за трудодни в местном колхозе, собирали колоски, а также все, кто имел подсобное домашнее хозяйство, сдавали сбор (молоко, масло, яйца). Мама во время войны работала в детском саду поваром. Мы дети войны, как и весь советский народ, стойко и терпеливо переносили все тяготы и лишения военных лет. Хорошо помню, как встретили День Победы. В поселке не было радио, из досок соорудили импровизированную трибуну, и наш председатель колхоза объявил об окончании войны и поздравил всех с Днем Победы! Какое ликование было везде!

В 1951 году я окончил семилетнюю школу, поступил в Уральский сельскохозяйственный техникум, по окончании его был призван в армию. Сначала я учился во Владивостоке, в школе связи, а затем служил на торпедном катере радистом в городе Советская Гавань. После службы работал в Подстепновском МТС. С 1959 года до ухода на пенсию проработал в автоколонне.

Моя бабушка – **Закирова Надия Салыховна** – родилась 18 августа 1939 года в поселке Подстепное Уральской области Казахстана. Моей бабушки уже нет в живых, но ее биографию я помню по ее рассказам.

Ей не было и двух лет, когда началась война. Отца, Хасаншина Салыха Акимовича, призвали на фронт в июле 1941 года Теректинским РВК. Место службы – 1-й Прибалтийский фронт, 4-я Ударная Армия, 5-й Танковый Корпус. Он пропал без вести в марте 1944 года в звании младшего сержанта. Служил водителем, доставлял боеприпасы в составе минометного полка. Годы войны для нее были как одна сплошная серая мгла, голод и постоянное чувство страха. У матери было трое детей, она была средней дочерью. Старшим был брат Асхат, 1937 года рождения, младшей сестре Розе не было и полугода на момент начала войны. Их матери приходилось очень трудно выживать с тремя детьми, но она отдавала всю себя, работая на двух работах – в колхозе и дома. Как могли помогали родственники и соседи. В 16 лет сама стала работать полный рабочий день в местном рабкоопе, закончила семилетку. Жизнь начала налаживаться только в 50-е годы. На всю свою жизнь она запомнила годы войны – годы лишений, которые пришлось пережить на ее детство.

Двоюродная бабушка – **Юсупова Рушана Хакимовна** – родилась 17 ноября 1930 года в поселке Бурлин Уральской области. «До войны мы с родителями жили в Казани. У меня еще были две старшие сестры и младший брат. Самой мне было 10 лет. Отец работал кладовщиком, мать была домохозяйкой, сидела с нами.

В 1933 году отца забрали «за пропаганду». В 1938 году нам сообщили, что он был расстрелян. Хотя моя тетя утверждала, что в 1945 году видела его в Казани. В итоге мы так и не узнали, что из этого является правдой. Мать долго уговаривали отказаться от отца, но она не посмела это сделать.

О войне я услышала по радио. Завораживающий голос Левитана сообщил это страшное известие. Не могу сказать, что с началом войны наша жизнь сильно изменилась. После того, как забрали отца, мы и так жили плохо. Мама устроилась в швейную мастерскую, но ведь этим четверых детей не прокормишь.

Нас признали «врагами народа» и в августе 1942 велели покинуть город. Нам было дано 24 часа на то, чтобы собрать вещи и покинуть квартиру. Мы переехали к тете, сестре моего отца, в Актанышский район деревню Яна Элем (Новое Алимово). Там нас приняли как эвакуированных. Тетя работала учителем в школе и помогла маме устроиться работать в школу. Мама работала там уборщицей, топила печь. Сестры обучались в училище за 25 километров от этой самой деревушки, после окончания 7 класса они устроились на работу в Казани. Обе работали в типографии, одна была наборщицей, другая корректировщицей, жили в общежитие.

Когда сестры уже отучились, мы с братом все еще ходили в школу, в ту, где работала мама. Каждый месяц ей выдавали по 400 грамм муки на каждого, была ли у нее другая заработная плата, я не знаю. Жить было тяжело. Часто приходилось голодать. Любимым нашим лакомством была вареная свекла (свекла в то время была дешевле картофеля). Бывало, мама сварит несколько штук, положит на блюдца и расставит по всем подоконникам остывать. А свекла сладкая, сахарная. Так и съедали всю за один присест. Но мы, конечно, не всегда так питались. Это были редкие моменты радости. За эти годы

лихолетья, что только не пришлось попробовать: и лебеду, и крапиву, и сырой картофель. Дети помогали взрослым, как могли. В полях все вместе жали, вязали снопы, собирали урожай. Из-за голода часто было распространено воровство, если можно это так назвать. Пока в полях косили пшеницу, каждый, сколько мог, хоть горсточку прятал в карман, сюртук или сумку. Много не возьмешь, но и этой горсточки было достаточно, чтобы вовсе не умереть с голода.

Спустя некоторое время нашей жизни в деревне мама заболела, ее положили в больницу с воспалением легких. Больница находилась далеко от той деревни, где мы жили, и поэтому у нас не было возможности навещать маму. Я стала работать в школе вместо нее, учиться теперь я уже не могла, так как работа и учеба были в одно время, но брат продолжал ходить на учебу. Жить стали теперь в школе, нам дали большую холодную комнату, что-то вроде спортзала. Там мы прожили некоторое время, до того, как нас исхудаивших, вшивых забрали соседи. Помню перед тем, как перебраться из нашего зала к соседям, мы с братом избавлялись от вшей: подстригли друг другу волосы под корень и просто их стряхивали, а они сыпались с нас, как крупа. Соседи жили в старой сторожке, у них самих было четверо детей и нас с братом двое. Мы с братом были друг за друга стеной, все делали вместе, потому что некому больше было о нас заботиться. Помнится, что даже в баню мы ходили вместе. Без мамы жить было еще труднее. Чтобы раздобыть еду, мы обменивали красивые салфетки с маминой вышивкой на миску картофеля. Как-то мы купили гуся с гусятами. Гусята не выжили, а гусыня осталась. Все говорили нам съесть ее, а мы не ели, оставили гуся до возвращения мамы. В день ее приезда мы приготовили гуся, положили остывать на подоконнике, сами кушать не стали, решили оставить гуся полностью маме, чтобы она немного оправилась после болезни. Но так получилось, что соседские дети съели его. Не мы, не мама так и не попробовали. До чего же было обидно!

После болезни мама еще долго находилась в плохом состоянии. В деревне в это время открыли детдом, и знакомые предложили ей отдать брата туда, так она и сделала. Брат несколько раз пытался сбежать, но безрезультатно. В 1945 году война закончилась, в 1946 году мы с мамой вернулись в Казань. На официальную работу за неимением паспорта я устроиться не могла, поэтому целый год я проработала в няньках. Бралась я за любую работу, лишь бы было, где жить. После получения паспорта устроилась работать на завод «Спартак» и смогла закончить 7 классов вечерней школы. Впоследствии проработала на заводе «Спартак» 28 лет. Брат же, по достижению 16 лет, вернулся в Казань, обучался в техникуме от 16 завода, и работал там же, на 16 заводе.

Сейчас о войне я вспоминаю с каплей грусти. Это был трудный период нашей жизни, но мы с ним справились. Жизнь преподнесла нам огромный урок. Благодаря тому времени, я ценю то, что есть у меня сейчас. Я хочу, чтобы мои дочь, внуки и правнуки никогда не испытали все то, что пришлось пережить моей семье, всей стране, чтобы помнили историю, делали правильные выводы и, как бы громко это не звучало, всегда в нашей стране царили мир и гармония!

Сагитова Шамсинагар

Родилась 25 января 1934 года в д. Большой Ошняк Слободского района.

«Каждый день был похож на другой...»

О начале войны мы узнали 22 июня вечером. Все работы закончились, жители деревни разбрелись по домам. Но потом всем сказали идти в клуб, никто не понимал для чего, председатель велел быть всем обязательно. Мне было весело, потому что, когда мы всей семьей ходили в клуб, всегда было что-то интересное, концерт или фильм. Вот мы и думали, что сейчас будет что-то веселое. Но оказалось все совсем иначе. Тот день перевернул нашу жизнь. Собралась вся наша деревня, от мала до велика. Взрослые уже понимали, что что-то случилось, у всех был озадаченный вид, все шептались, обсуждали, по какому поводу могло быть собрание. Председатель долго тянул с заявлением, ждал, пока все соберутся. Вид у него был взволнованный. Я очень хорошо помню этот момент, хоть была и маленькой. Когда он сказал, что началась война, многие заплакали, потому что не знали, что же будет дальше. Не хотели верить. Я сначала не поняла, что значит «бомбардировка» и «вторжение», но мне объяснили, что на нашу страну напали. Мне стало очень страшно, потому что я увидела, как испугались взрослые, такого страха в глазах взрослых мужчин я не видела никогда. Долго молчали, потом начали медленно расходиться. Никто не знал, что делать дальше, как жить. Хотя в первые дни ничего не менялось, атмосфера в деревне изменилась, все стали серьезными,

никто не смеялся, не пели песни по вечерам. Я понимала, что случилось что-то страшное и хотела, чтобы все вернулось на свои места, чтобы все было как раньше.

Поначалу все и было, но потом становилось все тяжелее. Ночью, когда все ложились спать, я слышала, как мама плакала в подушку, она думала, что я сплю. Мне становилось очень тоскливо и грустно от этого, и я тоже тихо-тихо начинала плакать, потому что я не хотела, чтобы моя мама расстраивалась. Хоть война была и далеко, мы все равно ее ощущали, хоть и были маленькими.

Уходили на войну у нас многие. На фронт провожали всей деревней. Взрослые мужчины и совсем молодые парни уезжали, и никто не знал, вернутся ли они назад. Люди не плакали, они – рыдали. Одну женщину буквально оттаскивали от ее сына, потому что она кричала и не хотела его пускать. Потом она упала на землю и горько плакала. Боялась, что ее единственный сын не вернется. Мы, дети, бежали за машиной, увозившей наших односельчан. Долго те, кто остался, стояли на дороге, не могли уйти. Потом все начали расходиться. Теперь нужно было жить по-новому. Но никто не знал, как именно. Хоть и не было у нас никаких боевых действий, к нам никого не эвакуировали, все равно война оставила и на нашей жизни свой отпечаток. Помню, папа взял меня на руки, поцеловал и сказал, что он скоро вернется. Нашей старшей сестре он сказал за нами присматривать.

Когда почти все мужчины из нашей деревни ушли, то даже на наши детские плечи упало бремя хозяйства. Мы работали не только потому что было надо для фронта, нам очень хотелось, чтобы маме и бабушке было полегче. К тому же нам объясняли, что нашей работой мы помогаем нашим солдатам. После школы мы шли работать в поле. И это было вполне обыденным продолжением дня. Мы заготавливали сено, собирали подсолнухи для скотины. Также мы сажали картошку, потом, когда приходило время, выкапывали. Когда война приходит, детство уходит. Мы тогда на земле так много работали, что, когда я выросла, решила жить в городе и уехала в Казань.

Не стоит и говорить, что с едой было плохо, голод стоял. Есть хотелось постоянно, но и к этому чувству мы привыкали, оно уже было нормальным. Хочешь есть, значит живой, значит здоровый. А если не хочешь, значит заболел, а это намного хуже. Некоторые мальчишки, я помню, начинали курить, чтобы не хотелось есть. Но я даже не пробовала, бабушка строго настрого нам запрещала, а мы ее слушали.

Зимой и осенью ели картошку. Для этого нужно было выходить в поле и ее искать. Помню, уже холодно было, заморозки, но все равно ходили, потому что нужно было что-то кушать. И вот ты ползаешь по холодной земле, ковыряешь замерзшими пальцами эту картошку, а она гнилая. Но делать нечего. Собираешь всякую, потому что ничего другого нет. Земля уже мерзлая, жесткая. Но мы все равно рыли эту землю и потом несли домой нашу добычу. Мама и бабушка делали из нее лепешки. Никогда не забуду этот ужасный вкус. Но тогда выбирать не из чего было, мы радовались любой еде. Например, летом собирали крапиву и варили суп. Летом было немного полегче, потому что и есть меньше хотелось, и можно было питаться тем, что растет. Самым большим лакомством для меня был кусочек сахара. Помню, мама принесла откуда-то и дала нам, дочерям, по одному. Какой он был сладкий! Я ничего в своей жизни слаще и вкуснее не ела. Мне хотелось, чтобы его хватило на как можно более долгое время, поэтому я растягивала как могла этот кусочек. Тогда этого не понимаешь, а сейчас думаешь, где она достала этот сахар? Может обменяла на что-то, хотя у нас и не было ничего.

Каких-то определенных игр у нас не было. Может, на поле иногда играли в салки, но это мы делали для того, чтобы согреться. Даже не для веселья. Когда набегаяешься, на какое-то время становится теплее. Но главное было не сильно бегать, а то можно было вспотеть и заболеть. Заболеть было самым страшным, потому что лекарств особо не было, еды тоже. Если зимой, то еще и холодно, дома тоже не особо тепло. Мы болели, конечно, простужались. Но все живы остались.

Как не успевали играть, так и отдыхать тоже времени не было. Когда мы хотели делать уроки, бабушка нас даже ругала, потому что для того, чтобы делать задания, нужен был керосин для лампы, а его у нас было очень мало. И бабушка запрещала его тратить на это. Поэтому мы и не учились особо, только в школе. Школа у нас была сельская, во время войны была только одна учительница. Но читать и писать она нас немного научила.

Я и не вспомню, что тяжелее всего было. Каждый день был похож на другой. Казалось, что все повторяется и повторяется, и это никогда не закончится. Страшные были годы. Не могу выделить какой-то один день или год. Вся жизнь тогда была горькой и ужасной. Первое время я думала, что все быстро закончится, а потом привыкла к такой жизни и работала, как все.

Были радости, конечно, но уже ближе к концу войны. Самое радостное событие – это возвращение отца с войны в 1944 году. Он вернулся после госпиталя, был сильно ранен. Ох, как же мы радовались его возвращению! Помню, он вошел в дом, мама глазам своим не поверила, она упала на скамейку и долго сидела, в оцепенении глядя на папу, даже плакать у нее уже сил не было. Бабушка уронила таз, который в руках держала и кинулась к папе. Мы, дочки, тоже радостно побежали к отцу, стали его обнимать и целовать. Мы думали, раз отец вернулся, значит теперь точно все хорошо будет. Все плакали от счастья. Конечно, это был самый радостный момент. После его возвращения и жить легче стало.

Вспоминаются все же и радостные моменты. В деревне праздновались некоторые праздники, самым запоминающимся было 1 мая. Потому что весна, самое время для работы в поле, а в этот день нам всегда разрешали отдыхать, и в школе занятий не было. А еще, помню именно на этот праздник однажды в деревню завезли печенье. Какое оно было вкусное! Его раздали всем детям, мы были очень счастливы. Поэтому, наверное, этот праздник и запомнился. Казалось, что мы снова живем мирной жизнью, как раньше, и завтра все тоже будет хорошо. Особенно после возвращения отца. У нас появлялась надежда на

скорый конец войны, на то, что еще немного, и мы будем жить хорошо, не будем голодать. Все верили, что трудности уйдут, и жизнь наладится. Эта вера в такие праздники и укреплялась.

Но самым радостным событием была, конечно, Победа. Великая Победа. Как же мы были счастливы в тот день! Мы узнали о ней от мальчишек, которые бегали по деревне и кричали: «Победа! Победа! Победили фашистов! Ура-а-а! Война закончилась! Победили! Победили-и-и-и!!!» Мы ушам своим не поверили, но потом поняли, что никто такими вещами шутить не будет. Все дети бежали за этими мальчишками, и мы все вместе кричали: «Ура-а-а! Победа!» Столько надежды теперь было в наших сердцах. Многие дети, даже некоторые взрослые, собрались к школе и прошли демонстрацией по всей деревне, чтобы каждый узнал, что все закончилось. Помню, бабушка плакала, а я у нее спрашивала: «Почему ты плачешь? Ведь такое радостное событие! Мы же победили!» - а она мне отвечала: «Так я ведь от счастья плачу, внучка, от счастья! Я так радуюсь!» - я тогда не понимала, как это можно плакать от счастья. Но многие в тот день плакали. Теперь то мне понятно, что люди просто свои эмоции наконец-то смогли выразить. Такой груз упал с души каждого из нас. Все забывается, но тот день я не забуду никогда. Такое счастье было вокруг, все друг друга поздравляли. Все были уверены, что теперь все наладится, теперь мы будем жить хорошо, как раньше. Ведь закончилась война. Ушла эта горькая беда. Наконец мы начинали новую мирную жизнь. После войны у нас в семье родился еще и братик. Папа мой работал в пекарне, потом вышел на пенсию.

В семье особо про войну никогда не вспоминали, потому что очень тяжело. Но День Победы всегда праздновали. Мой папа про войну мало что рассказывал, вот и я со своими детьми об этом почти не говорила. Тяжело мне вспоминать те годы, да и не хочется. Дай бог, чтобы не было больше войны.

Садриева Зайнап Гариповна

Родилась 21 апреля 1926 года в д. Альдермыш Высокогорского района ТАССР.

Мои воспоминания

В год начала войны мне было 15 лет. Папа, мама и еще 6 детей, мы жили в маленькой избе. Я была старшим ребенком. 22 июня 1941 г. моя мама Марьям сообщила: началась война. Тем временем на улице все оживилось, все жители деревни были напуганы этой новостью. Буквально на следующий день посыпались повестки, сначала – здоровым мужчинам, потом «в ход пошли» и молодые юноши, и дедушки. Потихоньку в деревне остались только очень пожилые мужчины, женщины и дети. Уходивших на войну сначала отвозили в военкомат, но уже оттуда мужчины домой не возвращались, сразу уходили на фронт воевать.

Из моей семьи на войну ушли мой отец Гариф и брат Бари. Отец ушел в самом начале, а брат в 1944 году, когда ему исполнилось 17 лет. До того, как таких мальчиков отправили на фронт, их собрали всех вместе и в соседней деревне обучали разным приемам военной подготовки (держат оружие, стрелять, маскироваться). Во время обучения Бари еще вечером возвращался домой, но после пришло время прощаться. Мы плакали, как и в тот раз, когда провожали отца. Да и не только отца, плакали каждый раз, когда кто-то уходил на фронт. Было очень трудно и страшно отправлять людей туда, где бушует

война и каждую минуту погибают по несколько человек. Ведь может кто-то из нас больше уже не увидит своего родного человека. Эта мысль убивала людей изнутри. Но по-другому было нельзя, и мы старались не думать о таких вещах.

На плечи моей мамы и других женщин легли тяжкие времена. Я тоже старалась, как могла. Как самый взрослый ребенок, я чувствовала на себе ответственность и старалась никак не отставать от взрослых. Еще один мой брат, хотя и был маленьким, работал наравне со мной. Я даже не могу сказать, что мы помогали взрослым, потому что считаю, что в те годы мы сами были взрослыми. Война прибавила нам и опыта, и годы жизни. Вместе с женщинами и стариками мы вручную сеяли, убирали и мололи. Все делали руками. Потому что всю технику, которая тогда была, и всех хороших лошадей забрали на фронт. И маленькие мальчики запрягали быков, коров. После обработки пшеницу тоже увозили на фронт, и вот тут-то и вставал вопрос: что сеять на следующий год? Подумав, взрослые решали попросить помощи у соседних деревень. И дни напролет таскали мешки с пшеницей для посева то с одной деревни, то с другой. Наша обувь, то есть лапти, изнашивались до такой степени, что ноги кровоточили. Весной же повсюду таял снег, и вся дорога была в талой воде. Когда уже мы добирались до дома, наши ноги можно было сравнить только со льдом. Тем более наш путь лежал так, что нужно было переходить реку. И однажды произошел такой случай. С мешками в руках мы подошли к бушующей реке и стали искать место помельче, чтобы перейти ее. Мы и не заметили, как одна наша соседка вошла в воду. Дойдя до середины, она внезапно поскользнулась и упала. Ее голова то мелькала над водой, то исчезала, погружаясь в воду. Мы быстро побежали к ней и вытащили ее из воды. Так как уже был вечер, и подморозило, ее одежда тут же покрылась коркой льда, она с трудом дошла до дома. Вот так мы добывали себе пищу. Хлеб в эти годы был непозволительной роскошью для каждого. Мы по большому счету питались картошкой. Но со временем перешли на траву и обходились всем тем, что растет на земле. Летом на полях и полянках всюду

были дети с мешками в руках. Это они так добывали пищу для своей семьи: собирали всю съедобную траву и приносили домой. Потом их мамы и сестры готовили травяной суп.

Каждый раз, когда наступало время уборки и мы шли на поля убирать рожь, мы брали с собой миску или что-то вроде этого. Эта посуда была предназначена для того, чтобы утолить наш голод. Это происходило примерно так: мы брали стебелек ржи, ударяли его о миску и внутри миски оставались семена. Их мы поджаривали на огне и получалась отличная еда. Так мы на весь день запасались энергией.

В деревне не было ни одного здорового мужчины. Все, чего люди добивались упорным трудом, увозили на фронт. И абсолютно никто не возражал, никто не думал о себе. В первую очередь думали об отважных солдатах, думали о своих отцах, мужьях, сыновьях. Каждый как будто чувствовал их боль, чувствовал каждую каплю пролитой крови, пота. И это чувство жалости вперемешку с гордостью двигало людьми, каждый человек отдал бы последнюю крошку хлеба, лишь бы наши победили и вернулись живыми и здоровыми. Каждая женщина вышла бы на поле битвы, лишь бы не приходила записка о гибели родного человека. Вот с такими мыслями мы и жили дальше. В самом начале казалось, что эта война недолговечна, и она скоро закончится, но со временем мы потеряли счет времени и просто надеялись на лучшее.

Жизнь текла своим чередом. И когда уже мы более или менее привыкли к такому образу жизни, начали возвращаться игры, в которые мы играли до войны. Если маленькими мы увлекались салками да прятками, то сейчас мы вечером шли в клуб, чтобы всем вместе поплясать под баян, а летом мы собирались у берега реки Саинки, пели разные песни и танцевали. Также было такое явление, как «Аулак өй». Так говорят, когда молодые парни и девушки собираются у одного из них дома. Там тоже играют в разные игры, поют

частушки и веселятся. Таким образом, иногда вечерами ненадолго забывались все эти войны и потери.

Очень редко можно было сесть за книгу и немного почитать вечером. Это тоже чуточку отвлекало. Как мы все знаем, трудности преодолевать легче всем вместе, сплотившись в одно целое. Вот и эти годы объединили нас всех. Больше не было недоброжелательных соседей, у нас у всех была общая цель, и никого нельзя было оставлять позади. Это как стадо овец, за которыми следит волк. Если оставит позади одну овцу, то хищник не упустит момент и сразу будет сытым. Вот и у нас было так же. Если кто-нибудь отстанет, не будет справляться с трудностями, то он пропадет, жестокое время не оставит его в покое. Поэтому мы старались помогать друг другу. Все вместе убирали картошку, весной мыли дома, старикам приносили воду, и как могли, поддерживали их и помогали им.

С начала до конца войны – это все было тяжелое время. Но по-настоящему трудно было, когда грустный почтальон нехотя и несмело отдавал повестку, в котором было написано, что такой-то солдат погиб на поле боя. В такие моменты горю не было конца, и бедные родные не сдерживали слез. «Ведь только недавно приходило письмо, и он писал, что все хорошо». Да, бывало и такое. Но в то же время были веселые моменты. Так однажды произошел курьезный случай. В нашу соседнюю деревню приехал человек, который молот пшеницу, днем – колхозам, а ночью к нему приходили обычные люди и просили для себя. Об этом человеке узнала наша соседка, а у нас как раз был мешок пшеницы, которую нужно было перемолоть. Соседка предложила, и я сразу согласилась. Итак, ровно в полночь мы вышли в путь. Дело было зимой, светила полная луна, было совсем не страшно. Но не прошли мы и половины пути, как заметили, что за нами идут два человека, так же, как и у нас, в санях – мешок. Мы сразу смекнули, что мы с ними шагаем в одном направлении, притом они шагают гораздо быстрее нас. Сейчас они нас обгонят, первыми

доберутся до места, и мы останемся с носом, придется ждать пока до нас дойдет очередь.

В этот момент соседка говорит мне: «Зайнап, нам нужно первыми дойти. Давай притворимся волками!» С этими словами, она упала на четвереньки и стала ходить туда-сюда вдоль дороги. Я сначала и не поняла, чего она добивается, но, посмотрев на тех двоих, которые шли позади нас, я невольно улыбнулась. Они остановились и уставились в нашу сторону. Я тоже не заставила долго ждать и последовала примеру соседки. Изредка поглядывая на незнакомцев, мы, еле сдерживая смех, выли, прямо как волки. Те потихоньку пятились, а мы так на четвереньках скрылись из виду, дошли до места и сделали все, что нужно. Те люди так и не пришли. Я и сейчас вспоминаю этот случай с улыбкой, но все равно как-то жалко тех двоих.

Проходили дни. Люди стали выезжать в город за хлебом и другой едой. Когда закончилась война, мы с мамой были в Казани у моей тети. 9 мая 1945 года часов в 4 утра мы не спали. Была жаркая ночь и поэтому наши окна были открыты. И тут мы услышали по радиоголос Юрия Левитана. Он говорил, что закончилась война...!! Мы сами и не заметили, как вскочили с кроватей. Сразу же с мамой уехали домой. В трамвае больше никого не было. Мы сидели вдвоем с мамой и наблюдали, как за окном веселился и радовался народ. Все пели, танцевали, бегали и смеялись. Мы тоже не сдерживали свою радость. Мне запомнилось, как одна девочка играла на гармошке, а ее мама танцевала.

Вернувшись, домой, мы сразу поделились радостной новостью. Счастью односельчан не было предела. Мой папа вернулся летом, а брат только зимой. Мы были счастливы. Многие плакали – их родные погибли. Но мы знали и знаем, что они погибли за честь Родины, защищая родную землю! Таких людей мы никогда не забудем и вечно будем им благодарны, благодарны за Свободу!!!

Садыков Наиль Салихович

Родился в 1937 г в Николо-Берёзовке Краснокамского района БАССР.

Когда началась война, мне было 4 года. Начало войны не осознал, но помню, как я с матерью подошёл к местному клубу, площадь перед клубом была полна народом, духовой оркестр играл марши. Как оказалось, это был сборный пункт мобилизации. Перед клубом стоял отец в своей обычной военной форме госслужащего того времени (к этому моменту отец работал уполномоченным Народного Комиссариата СССР по хлебозаготовкам в 3 районах Башкирской АССР). Жили мы тогда в посёлке Николо-Берёзовке БАССР. Отец поднял меня на руки, тем временем они с матерью что-то обсуждали, а я в такт марша покачивался на руках отца. Раздалась какая-то команда, народ зашевелился, отец опустил меня на землю, распрощавшись с нами, удалился. Какие мысли были у мамы, я не знаю, но я беззаботно шел домой, вышагивая под звуки марша.

С уходом отца нас попросили выселиться из квартиры, и мы вынуждены переехать к маминой сестре, проживающей в ПГТ Дербешкинский Актанышского района ТАССР. Мать вскоре устроилась на работу санитаром в санпропускник по санитарной обработке пассажиров, что означало: каждый пассажир обязан был помыться в бане, к этому моменту одежда – рухлядь, кишасящая вшами, проходила обжарку в паровых камерах (в народе – «жарилки»). После чего выписывали разрешение на покупку билета. Маме я помогал по хозяйству: носил воду для полива огорода, рубил дрова, содержал в чистоте сарайчик козы Мани, изредка ходил на рыбалку, взамен бабушка награждала татарскими и многосерийными персидскими сказками. Детская память сохранила, что общее настроение народа было серьезным, все трудились сполна, ожидая хороших вестей с фронта. Но, к сожалению, хороших вестей с фронта семьи получали редко.

Летом основной пищей был дикий лук, который собирали на лугу, под страхом от колхозных охранников, мы спасались от них, побросав свои мешки

в кустарниках. Из дикого лука варили кашу с козьим молоком, суп, употребляли в свежем виде пучками. Животы были у нас большие, и с детства рёбра спереди были из-за этого искривлены. Государство выдавало хлеб по карточкам: маме, как работающей выдавали 300 г., мне как ученику – 150 г., бабушке – 100 г. Для получения этого хлеба выстаивали многорядные плотные очереди. Перед продавцом были наши вытянутые тонкие ручки. Продавец точно отвешивал хлеб и совал в наши руки. Спасибо народу, что несмотря на голод, сохранили нравственность и ни разу не было случая, чтобы с наших ручек стаскивали хлеб с карточками. Я шёл домой, с трудом удерживаясь от голода, и потихонечку щипал по крошке этот хлеб. Хлеб доходил до дома с общипанными углами. Печенье для нас казалось несбыточным величайшим лакомством.

Дети как дети, хоть и разделяли тяготы жизни со взрослыми, но возможность поиграть не упускали. Любимые игры – «Муха», «Лунка», «Девчачьи клетки», «Бой с мешками на бревне».

По мере возможности люди делились спичками, дровами, посудой с возвратом. Пищей делились во время еды, когда в это время приходил кто-либо в том случае, если пришедший принимал приглашение. Татары, несмотря на голод, сохранили свою гостеприимность и приглашали к столу. Существовало неписаное нравственное правило: хозяин приглашал два раза, пришедший в зависимости от воспитания или голода мог воспользоваться этим приглашением. Но, как правило, пришедший мог принять приглашение только на 3 раз, что означало, что хозяин на самом деле хочет поделиться едой, но ты вправе отказаться при виде голодных глаз членов семьи. Я лично никогда, оказываясь, в такой ситуации не принимал приглашения.

Годы войны от 1941г. по 1945г. мало чем отличались друг от друга. Все они были голодными. То и дело семьи получали горестные извещения, работали и старались выжить, но, правда, ближе к 1945г. изредка появлялись

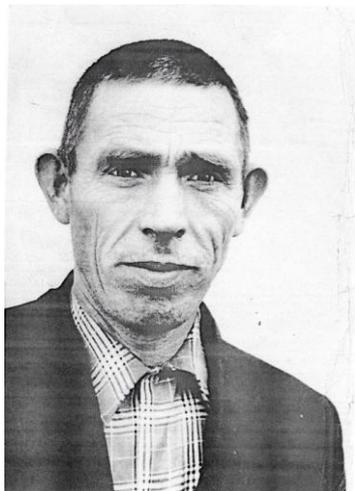
американские продукты: консервы, жёлтая мука, в народе называли – черепашьей.

Говоря о праздниках, даже в годы войны отмечали День Октябрьской революции 7 ноября, а также 1 мая.

Не помню, чтобы праздновали День Победы. По окончанию войны, народ просто вздохнул с облегчением.

В 1946 г. мне было 9 лет. Помню, разбирали ветхую деревянную почту. После снятия половых досок, я увидел, что подполье почты было до отказа заполнено провалившимися в щели в период войны солдатскими личными письмами, извещениями с фронта, письмами солдатских семей. Что интересно – до сих пор удивляюсь – эти письма были увидены не только мной, но и взрослыми, к сожалению, народ к этому остался равнодушным. Тогда была такая атмосфера в послевоенный период – никакой особой почести вернувшимся с войны не было. Большой базар посёлка кишел инвалидами войны, много было спившихся инвалидов. Со стороны народа, который находился не в лучшем положении, было полное равнодушие не только к письмам, но и к живым героям войны. Подвигу Советского солдата в этой кровопролитной Отечественной войне, разгромившей фашизм ценой больших людских и материальных потерь, впервые, призвал обратить внимание в 1956 г. журналист Смирнов Сергей Сергеевич. И это он делал в течение многих лет, не жалея сил и энергии. Различие отношений к ветеранам войны со стороны народа и государства в нынешнее время, по сравнению, с послевоенным периодом – как небо и земля.

Сайдашев Анвар Идеатович

Родился в августе 1925 года в селе Большие Тарханы Тетюшского района, в РККА призван 18 января 1943 г., награжден медалью «За отвагу»

Мой прадед дошел до Берлина.

В семье прадеда было 6 детей. Семья была очень бедная. Мой прадедушка закончил всего 5 классов, после чего ему пришлось идти работать в колхоз, чтобы помочь родителям прокормить семью.

В 1941 году на войну также ушёл старший брат, Закир Идеатович, в январе 1943 призвали Анвара. Воевал в 211 артиллерийском полку 23 СД 61 А 1 Приб.фронта. Когда мой прадедушка ушёл на войну, ему пришло письмо из родного села от братишки, в котором он писал, что им тяжело жить, нечего пить и есть, и что мама отекает от голода. Мой прадедушка в тот момент очень сильно заплакал, скомкав письмо в руках. К нему подошёл командир, и узнав, что случилось, тут же собрал посылку из тушёнки, круп и хлеба и отправил эту посылку его семье. На войне дед получил ранение, был контужен, лежал в госпитале. 7 ноября 1944 г. награжден медалью «За отвагу», так как в боях подбил много боевой техники противника. Освобождал территорию СССР, а также Польшу и Германию. Получил благодарности от командования при овладении крупнейшим промышленным центром Польши – г.Лодзь, а также г. Кутно, Томашув (Томашов), Гостынин, Ленчица, Варшава, Рига, при вторжении в пределы немецкой Померании и овладении городами Шенланке,

Луктатц, Крейц, Вольденберг, Дризеи, Сохачев, Скерневице, Лович и Альтдамм, а так же за ликвидацию сильно укрепленного плацдарма немцев на правом берегу реки Одер восточнее Штеттина, за прорыв сильно укрепленной и глубоко эшелонированной обороны немцев, прикрывавшей Берлин с востока, а также за Берлинскую наступательную операцию.

После войны он вернулся в своё село Большие Тарханы и начал работать в колхозе трактористом и механизатором. Спустя какое-то время его отправили на работу в село Утямышево Тетюшского района, где он познакомился с моей прабабушкой, Хусниевой Санией Шигаповной. Она так же во время войны работала в тылу, получила несколько наград и благодарностей. Они поженились в 1952 году, стали жить вместе в селе Большие Тарханы, поднимать своё хозяйство, вырастили шестерых детей.

Синельникова Мария Федоровна

*Родилась 20 мая 1927 года в с. Спартановка Сталинградской области.
Написала уникальные воспоминания о военном Сталинграде.*

Мария Синельникова – младшая сестра моей прабабушки Веры Федоровны. В течение всей своей жизни Мария Федоровна записывала свои воспоминания о детстве, проведенном в Сталинграде. В данной работе публикуется небольшой отрывок из ее мемуаров.

Мои воспоминания

Войну объявили 22 июня 1941 года, и недели через три на берегу Волги под самой горой начались работы по строительству железной дороги для эвакуации тракторного завода и других объектов, имеющих важное стратегическое значение в обороне страны. На это строительство мобилизовали все взрослое местное население и маму тоже. Труд для нее был непосильным, она часто болела: то надрывалась, то простужалась. Холода начались рано, зима 1941/42 года была лютая, малоснежная, с сильными поземками. Вскоре мама тяжело заболела и ее освободили от работы.

1 января 1942 года я первый раз услышала гул немецкого самолета и разрывы снарядов наших зениток. В восемь часов утра я пошла к подруге, чтобы вместе сходить в школу на елку. И тут услышала над головой «пах-пах!», подняв голову, увидела в небе клочки ваты, а между ними, но гораздо выше,

самолет, маленькая серебряная птичка, но звук у него какой-то тяжелый, густой. Мне стало так интересно, я подумала, что готовится парад (рядом с нами находился аэродром). Но тут сверху стало что-то со свистом падать, проваливаться в снег, а снег шипит. Вдруг какой-то мужчина из-за забора как закричит на меня: «Что стоишь, прячься за сарай! Стреляют!» Только я спряталась, и на то место, где я стояла, что-то тяжелое шмякнулось, и пар из снега пошел. Самолет улетел, стрельба закончилась, я вышла из своего укрытия и решила достать из снега то, что упало. Обжигаясь, я достала кусок рваного железа, толщиной в сантиметр, шириной сантиметров пять, длиной с ладонь. Я онемела, ведь это был осколок от снаряда – моя смерть. Тут мне стало понятно, что прилетел немецкий самолет, в него стреляли наши зенитки и клочки ваты в небе – это разрывы от снарядов, а со свистом вокруг меня падали осколки. На елку я, конечно, не пошла, а побежала домой.

Самолеты стали прилетать все чаще, наверное, на разведку. Потом к весне стали бомбить сам город Сталинград и тракторный завод. При налетах папа смело забирался на крышу домика спасать его от пожара. Мы с мамой стояли внизу, держа наготове ведра с водой. Навстречу немецким самолетам вылетали наши «ястребки», в небе завязывались воздушные бои, а мы с земли наблюдали за ними. Летчики наши сражались смело. Я никогда не видела, чтобы наш самолет уклонялся от боя, прятался. Бился до конца – или побеждал, или погибал. Если подбитый самолет падал и парашют спускался недалеко от поселка, мальчишки бежали к тому месту, оказывали помощь летчикам, доставляли их в школу. В школе был военный госпиталь. Но наши летчики на парашютах редко спускались живыми. Немцы их расстреливали в воздухе или парашют продырявливался, и он падал камнем вниз.

Немец к нам в Спартановку пришел 23 августа 42 года, часа в четыре дня. Я купалась в Волге вместе с другими детьми. Было тихо, душно, вода чистая, спокойная. По Волге, ближе к Песчаному острову, плыл вверх по течению колесный пассажирский пароход «Иосиф Сталин». Пароход сидел в воде низко,

шел тяжело, было понятно, что людей много на нем. Мы лежали на берегу в песке и с завистью смотрели на пароход, считали пассажиров счастливыми. И вдруг Колька Панферов закричал: «Пароход горит!». Он кинулся в лодку, за ним еще трое-четверо мальчишек, и стали грести в сторону парохода, поплыли на помощь. Но по ним с горы дали очередь из пулемета. Мальчишки вернулись назад, и тот же Колька крикнул: «На горе танкетка стреляет по пароходу, она и в нас стреляла! Прячьтесь под гору!». Мы сбились в кучку под горой, трясемся, но не ревом, чтобы нас не услышали немцы. Из-под горы нам хорошо было видно танкетку, она стояла как на постаменте, освещенная сзади предзакатным солнцем. Из жерла ее пушки выскакивал редкий огонь, а по бокам сверкали частые звездочки трассирующих пуль. Это стояла наша СМЕРТЬ!

В нашем поселке для обороны располагался только женский, вернее девчачий, зенитный батальон. Но в эту же ночь на окраине со стороны «Крольчатника» разместились пехота и танки, стали окапываться и начались ежедневные бои. По звуку летящих бомб, мин и снарядов мы безошибочно определяли, где они упадут – сзади нас, впереди, справа, слева. За артобстрелом в бой вступали танки и пехота. И все это повторялось ежедневно с восьми утра до пяти вечера.

Мы все перебрались в подвал. Мама домой бегала вечером, готовила еду на весь следующий день – галушки, оладышки, кашу. Несколько раз, не больше пяти, папа рано утром пробирался ползком через Сухую Мечётку на свой огород за картошкой. На огородах расположилась наша артиллерия. Бойцы пускали, говорили, что это очень опасно, что этот участок постоянно с горы обстреливается немцами, но папа все-таки уговаривал пропустить его и приносил два-три ведра картошки. Когда были налеты самолетов и артобстрел, мы сбивались в углу подвала в кучку и молчали, с замиранием сердца ждали смерти. Мама молча Богу молилась, только губы шевелились. Я научилась читать по-древнеславянски, у нас были псалтыри, и я из них выучила много молитв. При налетах наизусть про себя читала молитвы.

А еще папа копал могилы для павших бойцов, для погибших соседей. У мамы были свои обязанности – она на всех готовила еду. Ели мы вместе с военными. В летней кухне была русская печка. Мама ставила в нее три-четыре ведерных чугуна: в одном – картошка, в другом парила пшеницу, в третьем варила хлёбево, что-то вроде супа или щей. Иногда было мясо, конина, если смертельно ранили какую-нибудь лошадь из обоза. А еще мама ухаживала за ранеными. Их приносили в летнюю кухню после каждого боя. Если санитары не успевали подходить, или у них не хватало бинтов, мама рвала на полосы рубашки, простыни, занавески, в общем, все, чем можно было перевязывать раны. Часто перевязывала раненых сама, поила их, кормила, утешала, ободряла.

Вскоре нам сообщили радостную весть: немцев в Сталинграде окружили и взяли в плен. Но возвращаться мы не собирались, слишком жива была в памяти вся эта кровавая бойня. А тут ещё как-то проснулась я ночью от звука, похожего на гул немецкого бомбовоза. Сама напугалась, подняла переполох, вышли на улицу. Никакого самолета не видно и не слышно. Вернулись в комнату, залезла на печку, опять самолет гудит. Потом разобрались, что это гудят от мороза электрические провода, посмеялись надо мной. Но я все равно не верила, и до самого потепления не могла спать спокойно. Стало совсем тепло. Папа стал класть печки, плиты, голландки. У нас появилась хорошая еда: молоко, мясо, хлеб, масло. Немец уже далеко, возвращения его не предвиделось, бомбежки не ожидалось. Я собираюсь идти в школу в седьмой класс. Все у нас наладилось, все у нас хорошо. Но жизнь нам готовила новые испытания голодом.

Если кто-то прочитал мое описание нашей жизни в Сталинграде во время войны, прошу не судить меня за корявый стиль изложения и ошибки, написала, как могла. По окончании этой работы я почувствовала какое-то облегчение, как будто тяжесть с души сняла. Это, наверно, потому что теперь не надо держать свои воспоминания в голове, они изложены на бумаге».

Сиразиева Райса Бадрутдиновна

Родилась 10 декабря 1931 года в деревне Богатые Сабы Сабинского района ТАССР.

Интервью Р.Б. Сиразиевой (опрос провела З. Гимаева)

Зиля: «Райса апа, когда и как вы узнали о начале войны? Какова была Ваша реакция, реакция друзей, родственников?»

Райса апа: «О начале войны услышала по радио. Это было 22 июня 1941года. Около 10 часов дня мы играли на нашей улице Пролетарской. На улице говорил во весь голос репродуктор. Слышим голос московского диктора Левитана, который сообщил о вероломном нападении фашистской Германии на СССР. Начались слезы, суета. У нас дома были гости из Челябинска. Их дочь Рашида со слезами на глазах кричит: «Мама, война началась, уедем домой, пока ходят поезда!» Гости быстро собрали вещи и уехали.

Зиля: «Как изменилась Ваша жизнь с началом войны?»

Райса апа: «Наша жизнь сразу изменилась. На второй же день в магазинах исчезли соль, спички, мыло, керосин, крупа, мука.

Зиля: «Райса апа, кого и как провожали на войну?»

Райса апа: «На войну провожали отца – Сиразиева Бадрутдина Сиразетдиновича 30 июня 1942г. Дома без кормильца остались: мать – Хадича, дети – Халиса, Мухлиса, Райса, Аниса, Алтынбай, Фарит.

Зиля: «Как Вы помогали взрослым?»

Райса апа: «Две старшие сестры Халиса, Мухлиса стали работать счетными работниками. Халиса бухгалтером колхоза в соседней деревне Куюк, Мухлиса счетоводом в Сабинском маслозаводе. Сперва окончили краткосрочные курсы бухгалтеров в райцентре. А я со своей сестрой Анисой ходили в лес, собирали ягоды, орехи, продавали на базаре, возле магазинов. Деньги отдавали матери. Часть денег уходила на покупку учебников».

Зиля: «Чем питались, как Ваши родители преодолевали трудности с продовольствием? Какое кушанье казалось Вам лакомством?»

Райса апа: «Чем питались? На первый год хватило имеющегося запаса муки, крупы. А потом ели крапиву (в супе), лебеду, щавель конский, гнилую картошку (которую находили в огороде, когда растаял снег). Самым вкусным лакомством был нормальный ржаной хлеб. Сахар в глаза не видели. Мать пекла хлеб из теста, в которое добавлялись тертая картошка, семена лебеды. Жителям Сабов по карточкам выдавали хлеб в магазине: рабочим – 300г, служащим – 200г, членам семьи – 200г».

Зиля: «Играли ли Вы в игры, изменились ли они с началом военной времени?»

Райса апа: «Какая там игра?! Как хотелось мне иметь куклу, мяч, скакалку, цветные карандаши! Их у меня вовсе не было. Полено деревянное в воображении было куклой, которое одевала как живого ребенка. Иногда мастерила тряпочную куклу».

Зиля: «Как Вы отдыхали? Была ли возможность читать, учиться?»

Райса апа: «Мне нравилось учиться, любила читать библиотечные книги. Сперва за книгами ходила в школьную библиотеку, затем в районную. На всю жизнь запомнила книгу «Черная курица. Подземные жители», автором которой

является Антоний Погорельский. Любила читать сказки (татарские, русские, зарубежные – Э.Распэ «Путешествие барона Мюнхгаузена»).

Зиля: «Раиса апа, были у Вас случаи взаимовыручки? Как Вы помогали другим, получали ли помощь сами?»

Райса апа: «Случаи взаимовыручки часто бывали в нашем классе. На перемене перед началом уроков истории я часто рассказывала содержание заданной темы своим одноклассникам, так как они не успели выучить урок. Да и сама получала помощь по математике со стороны других».

Зиля: «Какой день, какой год войны был для Вас самым тяжелым?»

Райса апа: «Для меня самым тяжелым днем войны было 30 июня 1942 года. В этот день отец ушел на войну. Самыми горькими событиями для нас – детей стали очереди за хлебом, который выдавали по списку (затем по талонам) в магазине».

Зиля: «Какие воспоминания военных лет, помимо Дня Победы, для Вас самые радостные?»

Райса апа: «Для меня самым радостным днем было 2 декабря 1942 года. В этот день вернулся с фронта отец Сиразиев Бадрутдин Сиразетдинович – инвалид второй группы Отечественной войны (без левой руки)»

Зиля: «Какие смешные случаи военного времени Вам особенно запомнились?»

Райса апа: «Ни одного смешного случая военного времени не помню»

Зиля: «Встречали ли Вы праздники? Какие Вам запомнились?»

Райса апа: «Праздник редко встречали, в основном Новый Год»

Зиля: «Райса апа, жили ли рядом с Вами эвакуированные? Что Вы можете рассказать о них?»

Райса апа: «Спустя 10-15 дней после начала войны стали прибывать в Сабы беженцы – эвакуированные семьи. Эвакуированные были из Пскова, Латвии, Литвы, Карелии, Москвы. Им выдавали ежедневный хлеб – 400гр, картофель – 400гр.

До войны в Сабях не было русских классов. В 1942-1943 учебном году организовали начальные классы для детей эвакуированных семей. Отец уговорил меня учиться в русском классе. И я в третьем, четвертом классах училась с детьми эвакуированных. Учительницей была Вера Ивановна Артемьева, эвакуированная из Пскова.

Война закончилась, эвакуированные уехали в родные края, начальные русские классы закрылись, и она пошла учиться в пятый татарский класс. Окончила 10 классов Сабинской средней школы в 1951 году. Хочу добавить вот еще что! В ноябре 1941года (включая зиму 1942 года) в Сабях и Шемордане дислоцировался 139-ый запасный зенитно-артиллерийский полк. Штаб их находился в мечети, а солдаты жили в интернате школы, приспособив его в казарму. Их в школу не пустили, так как все учебные занятия продолжались».

Зиля: «Раиса апа, когда и при каких обстоятельствах Вы узнали о Победе?»

Раиса апа: «Узнала о Победе 9 мая 1945 года в своей родной школе. Утром пошла учиться в свой 5-ый класс. Дома у нас радио нет. Анна Ерофеевна Денилова – директор школы собрала нас всех на общешкольную линейку и сообщила, что закончилась война. Мы все закричали «Ура!», все учащиеся, учителя пошли в райцентр на митинг».

Зиля: «Как сложилась Ваша послевоенная жизнь?»

Раиса апа: «В 1951 году окончила 10 классов Сабинской средней школы. Получила аттестат зрелости. С 1951г. до 1955г. работала учителем русского языка и литературы. С 1955г. до 1963г. работала школьным инспектором и заведующим педагогическим кабинетом в Сабинском РОНО. С1963г. п 1993г. – учителем русского языка и литературы в Сабинском средней школе. С 1993г. по 2007г. –директором краеведческого музея Сабинского района РТ.

Скопина Любовь Павловна

Родилась 11 ноября 1922 г. в с. Большие Скопины Вятской губернии. В 1941-1943 гг. работала на заводе им. Калинина в Казани, награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Ветеран труда».

Активистка, спортсменка, комсомолка...

Сложно писать о родном и близком человеке, которого знаешь с детства, вспоминать его рассказы о себе, друзьях и товарищах, пытаться собрать в единое целое короткие эпизоды. Понимая, что совсем немного знаешь о родном человеке, прожившем яркую, полную событий жизнь, человеке легендарного поколения, для которого Великая Отечественная война стала, пожалуй, самой значимой и событийной частью жизни.

Любовь Скопина была обычной советской девушкой, в ее жизни были комсомол, учеба, занятия в Осоавиахиме, спорт, нормативы ГТО. Родилась в маленькой деревне, отец работал в военкомате, мать – учительница. Вскоре семья переехала на Урал, потом в Киров, позже в Казань. Отец работал ведущим специалистом на разных предприятиях, продвигался по службе, мама вела хозяйство, занималась детьми, родители мечтали дать высшее образование старшей дочери Любове, видели ее врачом.

В 1940 г. Любовь поступила во II Ленинградский медицинский институт. Параллельно активно занималась спортом, выступала на сборную института.

Первую сессию сдала на тройки и серьезно думала перевестись в физкультурный институт. В конце 1940 г. отец получил назначение в г. Казань, на завод «Искож» и решил навестить дочь в Ленинграде. Узнав, что дочь учится на тройки, да еще думает перевестись в физкультурный, забрал ее документы для перевода в Казанский медицинский. В феврале 1941 г. Любовь стала студенткой Казанского государственного медицинского института.

Война вмешалась в жизнь каждого человека, круто изменила все. В сентябре 1941 г. начались занятия в институте, но семья жила очень трудно, работал только отец, остальные считались иждивенцами, по их карточке можно было получить минимум продуктов. Любовь принимает решение поступить на оборонное предприятие, получить рабочую карточку, это поможет семье выжить. Родители были против, но девушка настояла на своем, объясняя им, что не имеет права сидеть в аудитории, когда идет война, фашисты рвутся к Москве, а Казань превращается в прифронтовой город.

В Казань направлялись десятки эвакуированных предприятий с запада страны, в том числе, Ленинградский завод №4 имени Калинина, который производил реактивные снаряды. Оборудование завода было размещено в цехах мехового комбината, а также в помещениях завода «Искож» и трамвайного депо. Во время Великой Отечественной войны завод был назначен головным по производству снарядов РС-13 и РС-8. Окончательная сборка снарядов М-13 начата с 1941г., к концу августа изготовлены первые 20 снарядов, снаряды для ракетной артиллерии, в том числе, для легендарных «Катюш». Также на заводе изготавливались трассеры и зажигательные шашки, снаряжение гранат РПГ-6. Всего за годы войны произведено 122855 снарядов М-13, 4,5 млн. взрывателей, 2,3 млн. запалов для гранат.

27 ноября 1941 г. Любовь начала работать на заводе №4, сначала – сборщицей снарядов, вскоре ее назначили бригадиром, а еще позже – нормировщицей. Через много лет она помнила каждое движение, каждую операцию, которую выполняла на заводе, рассказывала, что во сне

«закручивает снаряды». Работали по 10-12 часов, по «семидневке», практически без выходных, транспорт ходил очень плохо, и чтобы добраться до работы, приходилось выходить из дома за час-полтора. По карточке рабочие оборонных предприятий получали дневную норму хлеба - 800 г., т.е. девушка получала вдвое больше отца, главного бухгалтера завода «Искож» (не оборонное предприятие), по карточке служащего 2 категории он получал 400 г. хлеба в день.

Казалось, после напряженного рабочего дня сил не оставалось, но комсомольцы помогали в госпиталях, проверяли светомаскировку в домах, собирали теплые вещи для армии, подарки для бойцов, занимались в кружках Осоавиахима. Любовь Скопина всегда была активисткой, участвовала во всех общественных делах, в ее бригаде были и молодые девушки, и подростки, и женщины, заменившие мужей, ушедших на фронт. Несмотря на трудности, жили дружно, работали самоотверженно, с надеждой смотрели в будущее и верили в победу. Руководство завода "Искож", на площадях которого размещался частично завод №4 им.Калинина, иногда разрешало своим работникам выписывать для себя крахмал и рыбий жир, которые на производстве использовались как техническое сырье. Из этих продуктов делали так называемую "заварушку", из крахмала с рыбьим жиром пекли лепешки. Любовь обязательно приносила угощение для всей бригады. В свою очередь ее заводские подруги помогали обрабатывать огород, который раскинулся прямо во дворе жилого дома на ул. Павлюхина, всем семьям выделили по небольшому участку для выращивания овощей, в основном, картофеля.

Любовь Павловна вспоминала, что мечта получить профессию врача окончательно сформировалась у нее именно в годы работы на заводе, она ждала, когда можно будет перейти из заводского цеха в студенческую аудиторию. В мае 1943 г. из дирекции КГМИ в адрес руководства завода №4 пришло письмо, в котором, ссылаясь на «постановление партии и правительства», содержалась просьба «освободить от работы на вверенном вам

заводе студентку КГМИ Л.П. Скопину». Но людей не хватало, и «освободили» ее от работы на заводе только в октябре 1943 г.

Вернувшись в институт, Люба в короткие сроки наверстала упущенные

занятия, более того, отныне в ее зачетке были только пятерки и четверки. Как все студенты-медики в военные годы, Любовь сдавала кровь для раненых, дежурила в госпиталях сиделкой, медсестрой, фельдшером. Раненых было много, и ранения их были очень тяжелые, порой девушка, вспоминая работу

на заводе, говорила, что там было легче. Особенно жалко было молодых солдат с ампутированными конечностями, лишившихся глаз, изуродованных. Но жалость нельзя было показывать, и девушка всегда была весела, шутила с ранеными, подбадривала их. Ее голос раненые слышали еще из коридора госпиталя, узнавали, звали поговорить, признавались в чувствах.

В 1947 г. Л.П. Скопина окончила Казанский медицинский институт, получила направление на работу в г. Ульяновск санитарным врачом, позже работала в туберкулезной больнице в г. Чистополь, возглавляла детское отделение туберкулезного диспансера в г. Бугульме. В 1952 г. вышла замуж за участника войны В.А. Дубровина, который также работал врачом, у них родилась дочь Людмила.

Она стеснялась носить свои заслуженные награды, считала, что ничего героического в ее жизни не было: работала, как все в годы войны. Сейчас мы понимаем, какой вклад внес каждый советский человек в достижение Великой Победы, на фронте и в тылу, в госпитале и заводском цехе, на колхозном поле и в конструкторском бюро, - каждый делал все, что можно и еще больше, и своим трудом все вместе выстрадали Победу.

Сулейманова Наиля Хасановна

Родилась 1 декабря 1933 года в с. Базарные Матаки Алексеевского района ТАССР.

Детство было тяжелое...

Жизнь до войны я плохо помню. Отец работал директором МТС. Сразу как началась война, его перевели в село Базарные Матаки председателем колхоза. Мы всей семьей переехали туда. Там совсем не были убраны поля хлеба. Его, как коммуниста, обязали навести порядок – убрать с полей урожай. Хлеба убрали, потом его отправили на фронт, и воевал он до Победы. Когда началась война, мне было всего 8 лет. Я была еще совсем ребенком. Это проклятая война всем нам испортила жизнь. Отец и все родные наши мужчины ушли на фронт, остались одни старики, инвалиды, женщины и дети. Нас было 6 человек с Мамой (Мама для меня всегда с большой буквы). Мама и 5 девочек. Только одна сестра была старше меня на два года (на верхнем фото я с 2 сестрами).

22 июня 1941 г. осталось в моей памяти навсегда. В деревне в это время весь народ собирался идти на национальный праздник Сабантуй. В это время по радио сообщили о начале войны. Уже на следующий день в деревне началась мобилизация, повестки получили все мужчины призывного возраста. В первый день в газете ничего о войне не было сказано, а когда по радио передали известие о войне, люди выходили на улицу и спрашивали друг друга

правда ли, что началась война? Это известие стало неожиданностью для всех, здесь, вдали от фронта, трудно было поверить, что мирная жизнь закончилась. Известие о войне привело в ужас и страх людей, живущих в этой деревне. Все плакали, кричали: «Что будем делать?!», проклинали фашистов.

В первые дни войны в магазинах все раскупили те, у кого были деньги. Не было спичек, не было мыла, в общем не было ничего. Позже придумали карточки. Мы, многодетные семьи, остались голодные и холодные, газа тогда не было, дров тоже не было, ходили пешком с Мамой в лес, тащили упавшие сучки от деревьев, гнилушки из леса, а утром затопить печку не было спичек. Я помню, Мама меня посылала с ковшиком на улицу, там я ждала, когда у кого-нибудь пойдет дым из трубы. Я шла к ним просить горячий уголь, чтобы принести домой.

Во время войны был голод. Денег на еду и одежду не было. Мама

продавала папину одежду и некоторые хорошие домашние вещи. Мы кормили себя сами. И взрослые, и дети работали, добывали пищу. Мы собирали крапиву, Мама варила щи из нее, собирали лошадиный щавель, из него пекли лепешки. Летом нас спасали крапива, лебеда и

свекольная ботва. На зиму запасались семенами лебеды. У нас в чулане был большой ларь – ящик. Этот ящик был полон семенами лебеды. Мололи с мукой эти семена, мешали с вареной картошкой и пекли хлеб. Хлеб был сладким и чуть мягким. Нам, голодным, он казался очень вкусным. После зимы, весной мы выкапывали гнилую картошку, и Мама пекла из нее лепешки. Мы, дети, все работали, взрослые жали рожь, пшеницу, а мы за ними собирали граблями колоски, часть приносили домой. Сушили, и на ручной мельнице их дробили, варили кашу.

Детство было тяжелое... У нас не было ни мыла, ни еды, ни одежды... Мама в горячую воду клала золу и в этой щелочной воде нас купала. Мы от голода и холода болели чесоткой. Она нас сажала на печку, мазала солидолом, и мы сидели долго, в школу не могли ходить до выздоровления. В школе не было тетрадей, мы писали на книгах. Угольки разводили и писали этими чернилами. Букварей не было, мы их и не видели. На доске висела таблица, по ней мы учились читать и писать. Мне нравилось учиться, я училась хорошо. Нам преподавали учителя, эвакуированные из Москвы и Ленинграда. Я была пионером, с гордостью носила красный галстук, потом поступила в комсомол, была членом КПСС, дважды была избрана депутатом городского совета.

Мама одевала меня как могла. Сумки шили из тряпок. Зимой были еще валенки, а осенью и весной носили лапти с деревянными подошвами. Подошва была, как буква П. Я это хорошо запомнила. После школы я во всем старалась помогать маме. Я таскала с речки воду коромыслом, падала в сугробах, шла обратно на реку и возвращалась домой с водой. В зимнее время женщины и дети помогали солдатам, чем могли. Бабушки пряли шерсть, мы – дети, сучили, а мамы вязали носки и перчатки. Перчатки были: 3 пальца вместе, а два по отдельности. Это было для того, чтобы солдатам было удобно нажать на курок винтовки. Все это сдавали в сельский совет и отправляли посылками на войну.

У мамы младшая сестра и два младших брата были на войне, один из братьев не вернулся – погиб. Моя тетя была медиком. Она была на войне с начала и до конца, дошла до Берлина. Тетя несколько раз была ранена и контужена. Другой брат Мама был тоже ранен. В деревню 5-6 человек вернулись с войны без рук или без ног, с деревянными протезами.

Я видела и немецких солдат-пленных. От Казани до Сталинграда надо было срочно построить железную дорогу. Вот эту дорогу строили немецкие пленные. Немцы жили в зоне, где строили объект. Днем они ходили почти свободно. У нас жил пленный латыш. Он мне подарил книгу с рисунками. Эта

книга была об Эрмитаже. Потом только я поняла это. Мы немцев нисколько не боялись, хотя всем сердцем ненавидели их.

У нас бомбежек не было, у нас были тревоги. Гасили свет, закрывали окна, когда объявляли тревогу. Даже если хотя бы уголок был открытым, то стучали в ворота. Помню, еще вдоль шоссе копали окопы, рыли канавы.

Безусловно, минуты отчаяния присутствовали, но мы – весь народ, верили в свою страну, в своих солдат! Мы верили, что мы победим! Именно наша вера в победу, наши силы, наш Великий народ помогли обрести мирное небо над головой, где нет выстрелов, нет бомбежек, нет разрушений...

Самый радостный и памятный день – День Победы! Все плакали от радости, обнимали своих близких. Это была радость и старого, и малого, взрослых и детей. Народ целый день был на площади, не уходил по домам. Это трудно описать.

На данный момент я проживаю в Нижнекамске. Сейчас мне идет 84 год моей жизни. Хочу пожелать молодому поколению здоровья, мира, любить свою страну, защищать, жить с миром со всеми, дабы избежать это горе.

Сухов Николай Васильевич

Родился 21.05. 1911 в д. Грязнуха Симбирской губернии. Во время войны служил в железнодорожных войсках, являлся начальником цеха по ремонту и восстановлению паровозов на железнодорожной станции в г. Челкар, Казахстан.

Каждый день как битва

Мой прадед родился в 1911 году в деревне Грязнуха Симбирской губернии. По тем временам это была большая и богатая деревня, в 1955 году она была затоплена водами Куйбышевского водохранилища, а жителей отселили в села Старая Майна и Волжское.

Большая крестьянская семья моего прадеда жила просто, но в достатке. Во время Гражданской войны деревня Грязнуха оказалась в зоне наиболее ожесточенных боев, и мой прадед лишился обоих родителей. Он и его младший брат попали в детдом. Где этот детдом находился, что это было за учреждение, прадед толком и сказать не мог, да вряд ли он это знал. Представьте шести/семилетнего сельского мальчугана, который до этого, кроме своей деревни, ничего не видел.

Я родилась после смерти моего прадедушки, поэтому знаю о нем только по фотографиям и рассказам моего папы. Но могу представить себе ужас ребенка, лишенного родителей и вырванного из привычной ему среды. Жизнь в детдоме была нелегка. Кормили детей мукой, разведенной в воде, кашу варили

только в зимнее время, когда топили печи. К весне 1919 года у прадеда, как и у многих обитателей детдома началась цинга. По его рассказам, зубы можно было просто вынимать из десен, как какой-то посторонний предмет. Дети болели не только цингой, но и тифом, и туберкулезом. Младший брат моего прадеда, бывший с ним в детдоме, умер от воспаления легких. Вряд ли стоит винить администрацию этого детдома, вся страна лежала в руинах. Прадед рассказывал, что в детдоме умирали и взрослые люди, работавшие там. Он почему-то хорошо запомнил, как от тифа умерла женщина-посудомойка.

Весной 1919 года прадеда нашла старшая сестра, которая, как оказалось, искала его уже два года. Она вышла замуж еще до революции, переехала из родной деревни и жила с мужем в деревне Колтубанка (Оренбургская губерния), которую гражданская война затронула меньше. По рассказам старшего брата моего прадеда – Петра, также жившего в Колтубанке, Коля не мог даже стоять толком и ходить. Дабы побороть цингу, сестра заставляла Колю есть первую зеленую травку, которая только вылезала на весенних проталинках, но и прожевать то толком он ее не мог. Прадед рассказывал моему папе, что на освещаемом солнцем пригорке стелили овчинный тулуп прямо на снег, и он лежал на солнце по несколько часов, пытаясь пережевать молодую траву. Не дай Бог никому таких детских воспоминаний!

Цинга отступила, но оказывается, прадед был болен еще и туберкулезом. Вы не поверите, как тогда лечили туберкулез: в банку с теплым молоком наливали несколько капель ртути и осторожно пили так, чтобы ртуть не проглотить. От такого лечения туберкулез переходил в хроническую стадию, но жизнь человеку спасали.

Что было с прадедом до 1930 года известно мало. Он жил у старшего брата в Колтубанке, где окончил четыре класса школы, впоследствии вероятно где-то работал. Сестра прадеда к тому времени с мужем переехала в город Кызыл Орда (Казахстан). В 1930 году, после очередного обострения туберкулеза, прадед уезжает к сестре в Кызыл Орду. В Казахстане его привлек

сухой климат, так полезный для больных туберкулезом. Там он поступает в ФЗУ, где обучается четыре года.

В 1934 году начинается масштабная модернизация железных дорог Казахской ССР, и Гострудрезерв направляет прадеда на работу в паровозное депо железнодорожной станции Челкар в Казахстане.

По рассказам папы я знаю о героическом труде Сухова Николая Васильевича с годы Великой Отечественной войны. Находясь в Казахстане, он обеспечивал движение военных эшелонов к фронту. Когда фашистские войска оккупировали часть территории нашей Родины, в Казахстан было эвакуировано множество промышленного оборудования. В том числе на небольшую железнодорожную станцию Челкар было доставлено оборудование для ремонта локомотивов. Прадедуська работал в паровозном депо колесным мастером и оказался самым квалифицированным работником, способным обеспечить ремонт и техническое обслуживание не только колесных пар, но и всего локомотива целиком. Поэтому Сухов Николай Васильевич был назначен начальником цеха по ремонту и восстановлению паровозов.

Фронт требовал огромного количества ресурсов. Из Казахстана на фронт везли одежду, мясо, хлеб, тушенку, уголь, дизельное топливо. С эвакуированных предприятий, развернутых в Актюбинске и Алма-Ате, везли пушки и танки. Обеспечение прохождения военных эшелонов по железной дороге было делом государственной важности. Фашисты забрасывали в тыл нашей страны диверсантов, целью которых было помешать доставке на фронт военной техники и ресурсов снабжения, еды и лекарств. Если бы врагам удалось пустить под откос только один эшелон с танками, это было бы эквивалентно гибели на фронте целого танкового полка. Поэтому железнодорожники были наравне с фронтовиками.

Прадедуська рассказывал папе о героическом и самоотверженном труде своих сослуживцев. Каждый день был как битва, а рабочий день не ограничен. Бывало, что и ночевать домой не уходили, потому что исправная работа

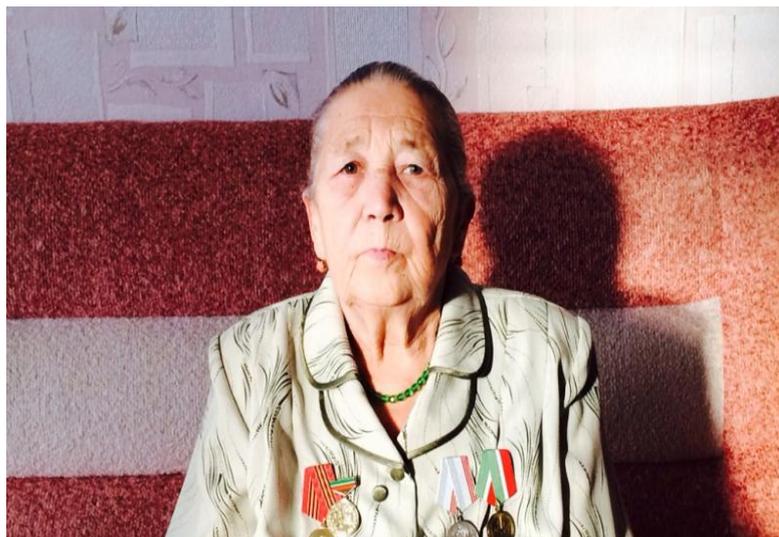
паровозов напрямую влияла на успехи Красной Армии на фронте. Страна была единым организмом, нацеленным на победу над фашистами.

В 1946 году Николай Васильевич был награжден медалью «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.». После войны мой прадед продолжал добросовестно работать, за что был награжден медалями «За трудовую доблесть СССР», «20 лет победы в ВОВ», «Ветеран труда».

В Казахстане он встретил мою прабабушку Клавдию Ефимовну Козыреву. Вместе они воспитали трех детей: Геннадия, Любовь (мою бабушку) и Виктора. Любовь Николаевна Сухова, в замужестве Коновалова, проработала в образовании почти 50 лет, достойно воспитала сына, моего папу Коновалова Андрея Анатольевича. На сегодняшний день у моих прадедушки и прабабушки уже 4 внука, 12 правнуков и 3 праправнука.

Мы, дети, внуки и правнуки помним и гордимся Николаем Васильевичем Суховым, нашим отцом, дедом и прадедом, чей труд ковал Победу нашей страны в этой страшной войне.

Тахавиева Магфирус Сайфутдиновна

Родилась в 1932 году в деревне Кунгур Балтасинского района ТАССР.

Магфирус Сайфутдиновой было 9 лет, когда она узнала о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Моя бабушка жива и сейчас, я с удовольствием передаю ее воспоминания о своем военном детстве.

«В тот далекий летний день 22 июня 1941 года люди занимались обычными для себя делами. В нашей деревне Кунгур все шло обычно: взрослые работали на поле, дети помогали по хозяйству. Помню, на улице стояла жаркая погода. После объявления войны, я еще не понимала, что за война такая пришла. Понимание появилось через месяц, когда все мужчины и мой отец, в том числе, ушли на фронт. После всех мобилизаций нелегкий крестьянский труд целиком лег на плечи женщин, стариков, подростков, детей и инвалидов.

Осень в 1941 году наступила очень рано. Шли бесконечные дожди, стояла непролазная грязь, затем ударили сорокоградусные морозы. Из колхозов отправили на фронт все, что могло ездить и ходить, то есть всю исправную сельхозтехнику и здоровых лошадей. Жители деревень считали каждое зернышко, все продукты отдавая фронту. Мы – дети, женщины и старики помогали фронту, как могли. Занавесив плотно окна в избах, при свете керосиновой лампы женская часть населения нашей деревни вязала солдатам на

фронт варежки и носки. Керосин был в дефиците, поэтому собирались женщины и девочки из трех-четырёх домов у кого-нибудь одного.

Кроме этого, собирали кору с деревьев, ее отмачивали, делили на тонкие полоски и ткали мешки для фронта. В домах нашей деревни у всех были примитивные ткацкие станки. Нам объясняли, что в эти мешки на фронте будут складывать боеприпасы и разное оружие. Мы очень старались помочь фронту, старались изо всех сил. На деревья нашего села было больно смотреть. Все стволы до самой верхушки были ободраны для этой нужды. Еще, когда была картошка, мы заготавливали ее для солдат. Картошку слегка отваривали, нарезали и сушили. Этот сухой паек мы отправляли на фронт. Не зря по стране ходили такие слова: «Все для фронта, все для победы!» Именно так мы и поступали, отдавая все без остатка, лишь бы скорее наши отцы выгнали немцев с родной земли.

В те времена паровозы топились дровами. Нашей задачей было приготовить коротенькие дрова, сложить их в связанные нами же мешки, погрузить на оставшихся в деревне коров и быков и отвезти на пункт сбора. Ободрав кору с деревьев, их спиливали на дрова. В округе были спилены почти все деревья.

А еще мы должны были ходить в школу. Учились по несколько уроков в день, времени на учебу не было, надо было помогать фронту. Но и совсем забросить учебу мы не могли. Это тоже было нашей задачей – получить среднее образование. Ближе к весне начинали готовиться к посевной. По жесткому снегу на санях разносили навоз на поля. А поля у нас находились в шести километрах от деревни. На ноги я смастерила себе лапти, брала коромысло на плечи и несла на поле ведра с золой. Вот такие были удобрения в те времена!

Мои края очень овражистые. Так вот из этих глубоких оврагов мы собирали камни. У каждого была норма – 6 кубометров камней в год. Везли мы эти камни на тощей лошаденке на станцию Шемордан, где их использовали для строительства дорог. Помню, что камни были очень тяжелые и при подъеме их

из оврагов некоторые односельчане получали увечья. Но продолжали работать, так как знали, что делают важное для страны дело.

В те времена работали не по часам. Рабочий день мог длиться от рассвета до заката, при этом голодным селянам надо было успеть еще и засадить свой собственный огород. По возвращению с работы, следили, у кого первым пойдет дым из дымохода. Бежали в этот дом за угольком, чтобы растопить свои печки, спичек не было.

Голодали сильно, так как отправляли продукты на фронт. Выживали, как могли. Ценностью были картофельные очистки. Кроме того, что их ели, их же и сажали в землю, чтобы вырастить из них картофельные кусты. Летом мы шли убирать серпом рожь и ячмень. Моей нормой было – убрать 25 соток. Траву косили вручную косами. Я все умела, несмотря на свой возраст 10 – 11 лет. Помню, как старые, с больными ногами бабушки-инвалиды садились в ту пору у полей на землю и точили нам косы. И стар, и млад работал в то время для фронта. А работали мы бесплатно. Суровые времена были. Самым тяжелым для меня стало то, что не вернулся с фронта мой отец. Ни изнуряющий труд, ни страшный голод не сломали меня так, как известие о его смерти».

Темникова Дарья Филипповна

Родилась 7 декабря 1931 в селе Новое Ильмово Черемшанского района Татарской АССР.

Война закончена, но только не для нас...

Большей частью населения деревни были чувашаи. Мне было девять лет, когда немецкие войска вторглись на нашу родину. 22 июня 1941 года мы с утра на грузовой машине поехали в село Черемшан. Там в этот день праздновали Сабантуй. Все было, как всегда, мы веселились, отдыхали. Наконец купили той самой розовой сладкой воды, давно полюбившейся нами, которую продавали только на Сабантуе. На один рубль тогда мы закупались всякими вкусностями. Но счастье продолжалось недолго, народ вдруг начал волноваться, люди шептались. Все были напуганы, ошарашены, некоторые плакали. Именно тогда я услышала, что недалеко от нас с самолетов бросали листки. Это была весть о том, что война началась. Домой мы вернулись уже пешком.

Из деревни стали забирать совершеннолетних мужчин, всех, кто мог держать оружие. Женщины тоже не остались в стороне и добровольцами пошли на фронт. Среди них: Вяткина Сайрук, Кузнецова Зинаида Ильдимировна, Сидуллина Нина Синдимировна. Все девушки вернулись живыми и здоровыми, прожили долгую жизнь. Сначала забрали не очень много человек, через неделю был еще один набор. Тогда забрали и моих родственников: моего отца, Павлова

Филиппа, дядю, Павлова Василия Гавриловича. И на плечах нашей матери осталось пятеро детей. Старшему, Николаю, на тот момент было 12 лет, младшей, Валентине – 3. Мне же не исполнилось и десяти.

Тогда начались трудные времена для всех. Всю самую тяжелую ручную работу приходилось выполнять оставшимся в деревне женщинам, старикам и детям. Поля вспахивали на лошадях, которых осталось мало, молодые девушки и парни, которые еще не отправились на фронт, проходили с плугами. В семье мы с Колей были старшими и всем, чем можно, помогали матери, работали в поле, в колхозе. Вспахивали деревянными лопатами поля. После четырех классов обучения мне пришлось бросить школу, чтобы хотя бы младшие смогли получить образование. Тяжелее всего в нашей семье приходилось маме. Она ходила пешком до Чистополя, чтобы купить соль на продажу. Потом отвозила в деревню Куак в Лениногорском районе. Там находился рынок, где мама торговала этой солью. Немного повзрослев, я тоже ходила в Нурлат и в деревню Елхово за семенами.

Обстановка в деревне была не самой ужасной. В колхозе все же оставались животные: коровы, быки, свиньи, лошади. Хотя всё, что мы выращивали на полях, мы отправляли на фронт, не оставляя себе семян даже для посадки, действительно ужасного голода не было. Мама старалась никогда не оставлять нас голодными, работала не покладая рук. Когда нечего было есть, мы перемалывали липовые листья, делали лепешки из семян бурьяна, иногда даже добавляли картошку. «Майруххи» и «Курак щырли» (названия трав на чувашском языке) были нашими любимыми угощениями, и, будучи дикими травами, их было просто найти и собрать – они росли не только в огородах, но и на улице. Но многие жили очень плохо. Моя подруга, Валентина, однажды, не найдя никакой еды дома, вышли в огород с братьями и сестрами, сели есть ботву картошки и свеклы.

Годы войны были для нас трудными как физически, так и морально. На протяжении всего времени не покидала мысль о том, что все это не имеет

конца, однако мы не переставали верить в то, что наступят лучшие времена, фронтовики вернутся домой и все заживут хорошо. Лишь эта мысль грела душу и помогала не сдаваться даже в самые тяжкие для нас времена. И, наконец, спустя 4 бесконечно долгих года мы услышали ту самую невероятно важную и ожидаемую весть – война закончилась! Я помню тот день так, будто это было вчера. Мама ушла с ведрами на родник за водой, а вернулась вся в слезах. Она сказала нам: «Война закончена, но только не для нас. Папа-то никогда уже к нам не вернется.»

Самым страшным было получить письмо с вестью о смерти близкого, любимого, родного человека. К сожалению, спустя недолгое время после первого набора и нам пришло письмо о том, что отец пропал без вести. Со слов односельчан, которые вернулись живыми, отца убило снарядом из самолета, когда тот только вышел из окопа. Он был прекрасным человеком, все, что он делал, у него получалось хорошо. Нам всегда будет его не хватать.

Мало кто вернулся тогда с фронта. Большинство из тех, кто вернулся живым, были ранены, искалечены. Некоторые умерли через некоторое время после того, как уже прибыли в село. Конечно, с концом войны трудные времена не закончились. Ещё очень много оставалось сделать, привести все в порядок, попытаться вернуться к той жизни, которая была до войны. Мы так же много работали. Однако самые страшные и сложные времена закончились.

Хакимянов Сабир Хакимянович

Родился 21 марта 1903 года в деревне Кэчэ Коек Зеленодольского района. Труженник тыла. Награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени

Я хочу рассказать о жизненном пути своего дедушки. Родился он в крестьянской семье. Свою трудовую деятельность начал в Астрахани помощником приказчика в 1914 г. В 1920-1922 гг. он работал милиционером в г. Казань. В 1922 г. Сабир Хакимянович вступил в комсомол, а в 1924 г. пополнил ряды партии во время «Ленинского призыва». Он также учился в артиллерийском училище, на курсах красных командиров. На 1925-1927-е годы приходится служба в Красной Армии. В 1927 г. его назначают ответственным секретарем Арского кантона. В это время в одну из деревень приехали 3 молодых учительницы, дедушка с товарищем поехали знакомиться с ними. Одна из красавиц запала в сердце молодого коммуниста. Это была наша бабушка – Миннигуль Хабибулловна.

Далее в 1930-1939-е гг. он последовательно занимает следующие должности: председатель народного контроля в Балтасинском районе, начальник политического отдела в Сармановском районе, второй секретарь райкома партии Азнакаевского района, первый секретарь райкома партии Нурлатского района, начальник отдела по торговле Нурлатского района.

С 1939-го по 1948 г. прадедушка становится первым секретарём Мензелинского райкома партии. Во время войны перед отправкой на фронт к

дедушке заходил Муса Джалиль. В годы войны в здании Мензелинского педагогического училища было размещено военно-политическое училище, где поэт учился. Мужчины сидели за столом и пили чай. Джалиль запомнился своей военной формой и красивой улыбкой. С фронта писатель отправил несколько писем дедушке. Но когда Джалиля считали предателем, деду посоветовали письма уничтожить. Были также письма от пациентов интерната для слепых, которых первый секретарь Мензелинского райкома партии принял и разместил во время войны. Эти письма, к сожалению, были утеряны.

В 1948-1950-е гг. дед – слушатель партийной школы ТАССР. Далее он становится председателем совета депутатов Елабужского района, председателем исполкома Атнинского района, председателем колхоза «Авангард» д. Качелино Арского района. Побывав в Америке, Н.С. Хрущев порекомендовал засеять поля кукурузой. Дед выполнил наказ руководителя страны, урожай кукурузы был настолько богатый, и кукуруза выросла настолько высокой, что всадник на лошади мог с головой скрыться в посевах кукурузы. За это мой дедушка получил от односельчан прозвище «кукуруз бабай».

С 1958 г. дедушка на пенсии. Он с бабушкой переехал в Арск и там жил до ухода из жизни. И даже будучи на пенсии, он продолжал активно участвовать в общественной жизни, возглавлял комитет народного контроля р/п Арск. Дедушка награжден Орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени и медалями, он депутат 4-х созывов Верховного Совета ТАССР. Орден Ленина ему вручал Всесоюзный староста М.И. Калинин в Кремле. У него было 4 детей (3 дочери и сын), он всем дал высшее образование: учитель математики, учитель географии, агроном, офицер. Все выросли достойными людьми.

Харчук Иван Антонович

Родился 15 сентября 1935 года в с. Гордиевка Дзержинского района Житомирской области. На фронте погиб отец А.И. Харчук.

Началось все неожиданно...

Отец мой был председателем колхоза, а когда колхоз наш получил автомобиль «полуторку», стал и водителем. Перед самым началом войны мы поехали в Дзержинск (ныне п.г.т. Романов), где отца должны были наградить, и заодно получить соль в колхоз для скота. Взяли с собой грузчика и поехали. На площади проходило большое торжество, отца наградили тулупом. И в это время на площади раздается объявление, что началась война. Отец сказал, что с утра уйдет на фронт, а соль нужно спрятать на запас. Соль спрятали в канавке. На следующий день отец ушел на фронт, а мы остались в деревне.

Через нашу Гордиевку потоками уходили войска, очень много. Спустя неделю после объявления войны фашисты на мотоцикле ворвались в деревню. Они совсем не зверствовали, даже угощали шоколадом. Мы его выхватываем у них из рук, а они смеются над нами. Но это было первое время. Потом рядом с нами появились партизаны. Возле деревни был лес, где они и обитали. Наши офицеры и солдаты попали в окружение фашистов. Но как партизаны начали действовать, то фашисты озверели. Вблизи деревни была проложена железная дорога. Охраняли её сначала румынские солдаты, их сменили венгерские солдаты, но они не справились, и их сменили. Партизаны подрывали рельсы,

подкладывали под них мины. Из-за этого вышел приказ, чтобы сжечь деревню нашу. Немцы создали кавалерийский полк из предателей, целых 5 эскадронов. Они врывались в деревни и факелами поджигали дома, стреляли прямо на улице. Все бросали и убегали, т.к. боялись партизан. Конечно, потом люди приспособились и стали держать в домах воду. Домов 20 удалось спасти.

Мы, пацанами, часто играли в самодельный мяч в поле. И вот однажды к нам подъезжает повозка, выходит офицер и называет мою фамилию. Я робко подошел к нему. Он и говорит: «я знаю, что вы спрятали соль». Он назвал себя партизаном и сообщил, что они голодают. Я же ему не поверил, тогда он показал мне орден Красной Звезды и партизанскую ленту. Мне пришлось сказать, что соль находится в яме из-под картофеля около глубокого озера. В это время в деревне руководил бывший заместитель моего отца Мазуров (сбежал с фронта и стал руководить деревней), стал он старшим полицаем, а до этого часто появлялся в нашем доме, считался другом нашей семьи. Так вот на следующий день, этот, так называемый, друг семьи прибежал к нам в дом, схватил меня и повел к себе в комендатуру. Привел туда и начал спрашивать: «с кем говорил вчера о соли, и где сама соль?». Но я молчал, ничего не говорил. Тогда он взял меня за руку и подвел в двери. В дверной проем засунул мой палец и начал давить мне его. Был я совсем мальчишкой, пришлось все ему рассказать и о том, где соль и с кем говорил вчера. Но что радует: когда они поехали на это место за солью, то её там не оказалось, значит партизаны успели её забрать. Меня заместитель на это время закрыл в подвале, но я очень хорошо знал этот дом и двор вокруг. А там, в сарае, был боковой выход, через который я и сбежал. Прибежал домой, мама перепугалась сильно, что они за мной опять придут, и отправила меня в соседнюю деревню. Там я жил примерно месяц. Но полицай забыл про меня и не стал искать.

Однажды я увидел, как немецкий самолет поджег наш, и летчик выпрыгнул с парашютом и пулеметом. Но немцу этого показалось мало, и он начал стрелять по нему, вследствие чего нашему летчику раздробило обе ноги.

Сам же самолет упал. В это время мы с ребятами и бабушкой Марией пасли корову. Я и баба Мария нашли этого летчика. Звали его Толя. Бабушка Мария как могла помогала ему: перевязывала ноги, раны посыпала пеплом, обрабатывала. А мы его кормили. Там он и лежал, недалеко от магистрали, в деревню нести его было опасно. Дня 3-4 мы за ним ухаживали. Когда мы пришли в очередной раз проведать Толю на то место, где он лежал, там лежало тело без рук, без ног, без глаз. Полностью обстрелянный, весь в крови. Бабушка Мария решила захоронить тело Толи на кладбище. Но на новом кладбище его нельзя было хоронить, слишком опасно это было. Поэтому решили мы схоронить его на старом кладбище. Схоронили мы его возле улья, там, напротив, ещё домик для хранения меда стоял. Я потом как-то приезжал туда, но найти то место не смог, все заросло.

Запомнился еще один случай. Было это в 1942 году, летом. Так как поля не убрали, в 1942 году рожь сама взошла. Мазуров заставил людей косить это зерно, женщин собирать снопы и молотить, а отправляли зерно в Германию. Но было голодно, поэтому каждый воровал как мог. Пошел я с другом воровать зерно. Рядом было дикое гороховое поле. Там две еврейские девочки трех и семи лет (они сестрами были) его ели. Мазуров заметил их, выгнал с поля и повел в деревню, но заметил нас. И чтобы они не сбежали, он застрелил старшую девочку. Схватил нас и за руки привязал к седлу. Привез нас в деревню, на колхозный двор и велел весь народ в деревне во двор согнать, в том числе и моя мать была, конечно. Меня и Павла (друга, с которым мы ходили за зерном) поставили на повозку для зерна и объявляют: «Чтобы было неповадно обворовывать нашу Германию, мы их повесим! Я их повешу на этой перекладине!». Павло был старше и сообразил, говорит, чтобы прыгал я и пробежал под коморой (помещение для зерна, стоящее на сваях), и спрятался под разваленным курятником. Так мы и сделали. Мазуров и полицаи долго нас искали, но не нашли. Мы пошли к другу, жил он через 3 дома. Друг тот сообщил моей матери, что мы живы и сидим у него дома. Мать пришла и опять

отправила меня в соседнюю деревню к родственникам, чтобы Мазуров не нашел. Там жили мы три месяца. Партизаны в это время действовали, поэтому Мазурову было не до нас.

В конце 1943 года наши войска вплотную подошли к Житомиру. В деревне остановилась немецкая войсковая тыловая часть. Между нашим и соседским домом стояли повозки. И с одной повозки свисали на шнуре ботинки. Я со своим товарищем решили украсть их. Когда немного начало темнеть, мы начали тянуть их, а они не вытягивались. Сверху упал ящик с гвоздями и вывалился запал к противотанковой мине. Мы взяли его и гвозди, пришли ко мне домой. Положили его и гвозди, а потом решили испытать запал (тогда мы не знали, что это запал). Мы его расковыряли и приложили к нему сигарету. Она взорвалась. На моем лице не было живого места, а товарищу оторвало три пальца, потому что он его держал. Мамы не было, а сестре мы обожгли ноги. С перепугу мы выбежали и стали кричать о помощи. Из соседского дома выбежал немец и стал говорить на русском нам, что через три дома стоит немецкая санчасть. Бабушка, соседка наша, повела нас в эту санчасть. Немецкий врач как увидел и говорит, кстати, на очень хорошем русском: «Это ждет и моих детей...». На его глазах были слезы. Всех нас перевязали: мне лицо, сестре ноги. Бабушка побежала и принесла врачу гуся, чтобы отблагодарить его, но он отказался. Только велел привести на перевязку на следующий день. Младшая сестра дома очень испугалась меня и начала плакать. На следующий день пришли на перевязку, а доктор немецкий говорит: «Что наша нация натворила, сколько бед принесла всему миру...».

Через пару дней немцы убежали из деревни, а прикрывали отступление немцев власовцы. А что касается моего отца, то писем сначала не было от него. Позже пришло оповещение о пропавшем без вести. Потом нашли в лесу его могилу. Но мама ждала его до последнего, не верила, что он погиб... Детей нас было 8 человек, 4 брата погибли от болезни, а три сестры, и я выжили.

Яруллина Марвара Вильдановна

Родилась в январе 1918 года в д. Ачасыр Зеленодольского района.

Повествование о войне устами бабушки

Когда моя внучка попросила меня рассказать о войне, я тут же изменилась в лице, и сердце наполнилось грустью и тоской. Первые слова о войне были: «Не дай бог, увидеть тебе войну, доченька моя. Война – это ужасное время, которое губит семьи, оставляет детей без родителей и разрушает все надежды на светлое будущее».

Семья наша жила достаточно богато, несмотря на это условия жизни были очень трудными. Мой отец был инвалидом, поэтому он не пошел на войну, но продолжал работать в колхозе. У родителей нас было шестеро, и я была самой старшей, т.е. ответственность на мне уже с детства была большой. До войны наша деревня была очень большой. Здесь было 2 колхоза, 1200 домов, 3 школы и 12 бригадиров. Также было много ферм, конюшен и амбаров. Но война изменила всё.

В год начала войны мне было уже 27 лет. Жила я все еще со своими родителями, младшими братьями и сестрами. Самому младшему братику было всего 9 лет, он учился в начальной школе. В это время я работала бригадиром. Все мои младшие братья и сестра также еще учились в школе, однако это не мешало им работать в колхозе, помогали, как могли. В основном мы работали на поле: вспахивали землю для посева картофеля и зерновых культур, сажали

овоши, помимо этого косили траву и запасались сеном на зиму. В конце сезона все выращенные плоды и культуры собирались и отвозились в соседнюю деревню, Тулему, на железнодорожную станцию. Оттуда же весь урожай отправляли на фронт. Пропитания в деревне совсем не оставалось, все отправляли на фронт.

Однако это была не единственная моя работа, в соседней русской деревне я также была бригадиром. В мои обязанности входило назначение людей на рабочие участки, а также контроль за добросовестным выполнением работ. Несмотря на то, что я была женщиной, мне даже приходилось копать окопы. То, сколько сил люди вкладывали в работу и сколько они получали за это вознаграждения, сравнивать просто невозможно. Продовольствия в доме было очень мало: ни хлеба, ни свежего картофеля. Всей моей семье приходилось питаться травой, крапивой, также нередко ели гнилой картофель, который на фронт не отсылали, делали лепешки. Многие из близких и знакомых моих уехали на фронт. Среди них были дяди, друзья, одноклассники и просто соседи.

В 1945 году война закончилась, началась новая жизнь. Люди потихоньку вставали на ноги, возвращались к старому образу жизни. Появилась еда, в том числе, хлеб и картофель. Но старого жизненного уклада было уже не вернуть, война оставила отпечаток в сердце каждого, численность деревни после войны начала стремительно сокращаться. Из 26 деревенских парней, уехавших на фронт, обратно героем вернулся лишь один. Двоюродный брат мой так и не вернулся, как не вернулись и соседи, и дяди.

После войны меня наградили медалями «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», орденами «Материнская слава», «Знак почёта». До самой пенсии я так и проработала бригадиром. В наше время война – это лишь слово, характеризующее историю России. Однако ни один человек, не прошедший её, не испытавший всех трудностей войны, не знает, что же на самом деле скрывается за этим словом. И, не дай бог, кому-либо узнать.

Оглавление

Вступительное слово Р.К. Низамова	С. 3
Вступительное слово С.И. Никоновой	С. 5
Абрамян Ерджаник Андраникович	С. 7
Акбашева Нафиса Абылфазыловна	С. 12
Бардина Анна Ивановна	С. 14
Бирючевский Александр Павлович	С. 17
Бозина (Тужилова) Нина Николаевна	С. 22
Брусско Валерий Васильевич	С. 28
Вишневский Владимир Александрович	С. 31
Вохмина Юлия Николаевна	С. 39
Вырупаев Виталий Григорьевич	С. 44
Габдрахманова Сания Султановна	С. 46
Гайнутдинова (Мамакова) Мария Дмитриевна	С. 49
Галимов Гаяз Гайсович	С. 53
Ганиев Нурутдин Ганиевич	С. 57
Гибадуллин Гарифулла Гибадуллович	С. 60
Гильманова (Гарифуллина) Энже (Энес) Талиповна	С. 62
Грищенко (Храмова) Нина Дмитриевна	С. 65
Гроте де Буко Владимир Евгеньевич	С. 69
Данилина Ядвига Семеновна	С. 72
Загриев Фазыл Яхъяевич	С. 75
Зайнуллина Солтания Зайнулловна	С. 79
Зверко Леонид Станиславович	С. 83
Керн Тамара Антоновна	С. 86
Козлова Анна Петровна	С. 88
Колесникова Елизавета Дмитриевна	С. 93
Краснов Алексей Сергеевич	С. 100
Лоскутов Савелий Иванович	С. 104

Мавлетбаева (Хабибуллина) Назия Шамсуновна	С. 106
Миллер Мария Георгиевна	С. 110
Мингазова Ильза Бурхановна	С. 112
Мои боевые прадеды	С. 116
Моя семья в годы войны	С. 120
Мухамадеев Магдан Хусаинович	С. 123
Мухаметшина Ламига Хазиахметовна	С. 125
Мухина (Делиз) Ольга Михайловна	С. 129
Набиуллин Хабибулла Набиulloвич	С. 133
Петров Анатолий Николаевич	С. 140
Пластун Давыд Романович	С. 142
Рылова Галина Васильевна	С. 146
С детства сильные...	С. 150
Сагитова Шамсинагар	С. 155
Садриева Зайнап Гариповна	С. 160
Садыков Наиль Салихович	С. 165
Сайдашев Анвар Идеатович	С. 168
Синельникова Мария Федоровна	С. 170
Сиразиева Райса Бадрутдиновна	С. 174
Скопина Любовь Павловна	С. 178
Сулейманова Наиля Хасановна	С. 182
Сухов Николай Васильевич	С. 186
Тахавиева Магфирус Сайфутдиновна	С. 190
Темникова Дарья Филипповна	С. 193
Хакимзянов Сабир Хакимзянович	С. 196
Харчук Иван Антонович	С. 198
Яруллина Марвара Вильдановна	С. 202

НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ!

Воспоминания о Великой Отечественной войне